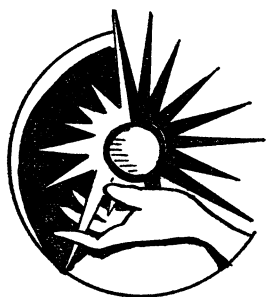

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Л. ХАЧАТУРЬЯНЦ
Е. ХРУНОВ

НА АСТЕРОИДЕ

**БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ**

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Л. ХАЧАТУРЬЯНЦ
Е. ХРУНОВ

НА АСТЕРОИДЕ

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ
НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1984

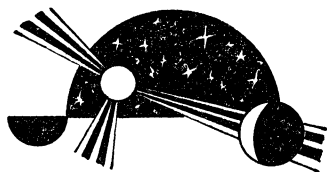
84P7
X29

X $\frac{4702010200-018}{078(02)-84} 119-84$

От авторов

В 1979 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла наша первая книга в жанре научной фантастики «Путь к Марсу». В ней мы попытались представить, как будет происходить первый полет на Марс. У нас в книге он завершился успешно, хотя экипажу межпланетного корабля «Вихрь» пришлось нелегко, особенно при возвращении на Землю, когда корабль неожиданно попал в блуждающее облако астероидов. Земля и экипаж «Вихря» принимают решение: состыковаться с огромным осколком, под его прикрытием выйти из смертоносного каменного роя. Каменная глыба была отбуксирована к родной планете и стала новым спутником Земли.

Если бы это произошло на самом деле, то такое приобретение было бы очень полезным для землян. В нашей новой книге читатель встретится с некоторыми членами мужественного экипажа космолета «Вихрь». Теперь действие происходит не на Марсе и не в каюте межпланетного корабля. Мы на астероиде, на котором решено построить международную орбитальную научно-промышленную станцию. Но не всем пришлась по вкусу эта благородная инициатива... О том, как необходима дружба людей мира и международное сотрудничество в будущем освоении космического пространства, рассказывается в книге.

Глава I

НЕУЛОВИМЫЙ ВРАГ

Хосе сделал самое нелепое, самое опасное, что только мог придумать: отключил связь. Потом он долго стоял, широко расставив ноги для равновесия, на площадке, прилепившейся к одной из гигантских серебряных опор буровой; стоял и наслаждался покоем. Пусть надрывается в своей кабине толстяк диспетчер Нуньес. Зато под шлемом Хосе — долгожданная тишина.

Бархатное небо было усыпано звездами, да не просто усыпано — залито потоками звездного «молока». Там, за острым изломом скал, где падает к Земле перевитый рудными жилами страшный обрыв, срез астероида, — там уже набирает силу слепящее зарево; огненный зигзаг все увереннее очерчивает зубцы гребня. Скоро опять всплывет из пропасти не смягченное линзой воздуха, жаростое Солнце.

С самого утра — по среднеевропейскому времени, которого старались придерживаться на станции, — Хосе был раздражен донельзя. «С левой ноги встал», как говорят русские. Да нет, пожалуй, не с самого утра. Это Эстрелья сморозила что-то во время видеопереговоров. Что же именно? Сейчас не упомнишь, о чем говорили. Так, мелочи. Домашние дела, дети, соседи, девятые роды у тетки Вальехо, обвал, придавивший овцу учителя, хороший урожай стручкового перца... Кажется, он придрался к каким-то лишним расходам

Эстрельи. Или обругал ее за участие в этих дурацких сходках сектантов... Слово за слово, и готово — у нее дрожат губы, он свирепеет, они бросают друг другу все более обидные слова; наконец экран гаснет, словно не выдержав напряжения ссоры... Время истекло, а энергию здесь пока берегут.

Вот после перепалки с женой и день пошел шиворот-навыворот. И завтрак бригадиру монтажников Хосе Альгадо показался пресным — выбрал повариху, получил достойный отпор, вся бригада обидно смеялась за столом. И рабочие как один были нерасторопны, ленивы, соображали в черепашьем темпе — он только и знал, что до хрипоты препирался с ними... Сумасшедший дом, а не стройка, уйти бы отсюда, да жаль — деньги немалые платят... Только ради заработка и терпишь осточертевшие системы тамбуров, — не дай бог нарушить герметизацию! — тесноту скафандра, чудовищную экономию места в бронированном жилище, все неудобства малого тяготения... А тут еще Нуньес. Тоже словно нашло на него что-то. Видите ли, по инструкции части ствола следует заводить на место со всякими предосторожностями, чуть ли не целую смену. Нет уж, копать не в его характере...

...Как потом выяснила комиссия, в нормы времени бригада легко укладывалась, заработок не страдал, спешить Альгадо было некуда, и все-таки он торопился. Что-то мучительно неясное подхлестывало изнутри; жгучая лихорадка нетерпения. Не мог он уже в этот день работать размеренно, аккуратно. Всякое длительное рассудочное действие просто пугало. Потому и секции ствола, в котором предстояло двигаться плазменному буру, хватали рабочие с крана без всяких предосторожностей; лихо ворочали цилиндрами в три человеческих роста, благо позволяла невесомость. Теперь вот и радио выключил Хосе, чтобы не слушать воплей Нуньеса.

Именно потому, отдохнув и с блаженной улыбкой

карабкаясь все выше по скобам ступеней, не узнал Альгадо об опасности. О том, что молодой стропальщик, еще не успевший привыкнуть к «нулевой» астероидной гравитации, сильно толкнул прочь от себя один из щитов центральной камеры. Лишь в последние секунды заметил Хосе, как отчаянно машут ему сверху рабочие. Затем что-то надвинулось, затмевая звезды, и смертная тяжесть мягко и неумолимо прижала его к опоре...

Дверь в кабинете начальника станции была хрупка с виду, как и все двери на командном пункте. Изящная металлическая рама; искристо-голубоватое, как бы морозным узором покрытое стекло. Однажды в первые дни Виктор Сергеевич, не рассчитав поворота, налетел на дверь всем весом... то есть какой тут вес! Всей массой, конечно. Хотя и знал характеристики прочности «стекла» — невольно сжался, ожидая треска и звона. Но напрасно, и удар взрывной волны выдержало бы это стеклышко. Не дверь стояла в кабинете Панина, а шлюзовая заслонка из самых прочных на Земле материалов. Если произойдет разгерметизация Главного корпуса, такие заслонки не дадут воздуху вырваться из комнат и лабораторий. Панин вспомнил учебные тревоги, как под надсадный вой сирен включались, зажигая разноцветные огни на сводном пульте, аварийные системы регенерации воздуха, как старалась машина-диагност, выдавая сведения, что и где случилось, каков лучший маршрут эвакуации.

Дверь из «стекла», покрытого фантастической, радужно играющей листвой... Мощь и прочность, замаскированные под привычный земной уют. Это стиль Главного корпуса. Настало время, когда комфорт, богатство красок и линий не считаются лишними для самых «строгих» деловых помещений. Особенно важно создать «человечное», ласковое жилье в космосе. Там,

где за тонкой стальной пленкой стен всепоглощающая бездна.

Итак, Виктор Сергеевич взялся за ручку, отворил дверь и вошел, вернее, вплыл в кабинет, заранее избрав для «посадки» кресло у журнального столика. Конечно, магнитный пол облегчает ходьбу, но не намного. Имитация земного тяготения была бы дорогостояща. Да и не нужна она здесь. Все равно то и дело выходишь на открытый простор, в практическую невесомость. Каждый раз перестраиваться — нагрузка на организм неимоверная.

«Траектории полетов» от двери к рабочему столу или в кресло под сенью огромного папоротника Виктор Сергеевич отработал досконально. Сел. Положил перед собой принесенный альбом — в вишневом бархате, с медными уголками. Такой домашний, земной, старомодный фотоальбом. Открыл и углубился в созерцание, подпершись рукой, бережно и умиленно переворачивая толстые картонные листы. Неужели год прошел? Целый год?

После того как ему исполнилось сорок, Панин убедился: время ускоряет свой бег. Сжимаются дни, сокращаются сроки между новогодними застольями. Но этот, «астероидный», год побил все рекорды. Вот что значит увлеченность делом: минуты, наполненные до отказа! Разве не на прошлой неделе сделан этот снимок: группа безликих людей в скафандрах посреди каменного плато, в пустыне под звездным водоворотом? В руке у одного из них мерная рейка. Другой картинно оперся на треножник теодолита.

...Сегодня, в годовщину начала освоения, становятся волнующими набившие оскомину слова вводной части инструктажа. К ним возвращается свежесть... Героическое прошлое. Первая в истории орбитальная станция — прочно состыкованные «Союз-4» и «Союз-5». Несколько часов существования космического «дома». Визиты космонавтов друг к другу через «общий кори-

дор». Восторг телезрителей. Трагедия «Салюта-1». (Путь во Вселенную жесток, он так же требует жертв, как и дороги Колумбовых и Магеллановых парусников, как и маршруты пионеров Заполярья.) Следующие станции — советские, американские, международные. Все более крупные, просторные, «многолюдные», несущие в себе телескопы, лаборатории, спортзалы и оранжереи. Месяцы, годы, десятки лет на орбите. Все больше ракетных транспортов подходит к причалам. Сборка в космосе. Сварка конструкций. Подвешенные над Землей цеха заводов, верфи межпланетных кораблей. И наконец — явление суперстанции. Астероид, подобно гигантскому зверю приведенный на аркане отважным охотником, планетолетом «Вихрь». Целая гора, парящая в полутысяче километров над Землей.

Вначале гигантское каменное тело поддерживали в нужном положении двигатели четырех транспортных кораблей. Мощные выхлопы корректировали орбиту, а на Земле, в институтах и административных учреждениях, шли горячие споры о будущем астероида. Было много проектов. Предлагали установить на колоссальном обломке собственное атомное «сердце», превратить гору в свободно маневрирующий корабль. Один из проектов предусматривал отправку на астероиде экспедиции в несколько сотен человек к ближайшим звездам. В другом содержалась схема посадки гиганта на Землю...

После всех дискуссий «вторая Луна» осталась на орбите. Астероид передали в распоряжение Международного центра космонавтики.

...Молодцы ребята из типографии! Хороший подарок сделали бывшему командиру «Вихря» к первому юбилею станции. Альбом открывается «визитной карточкой» космического пленника: великолепное цветное фото астероида, еще до начала строительства, а рядом —

каллиграфически выписанный столбец данных. Химический состав — чуть ли не все элементы менделеевской таблицы. Совершенно необычные соединения, сплавы веществ, полученные в каком-то невообразимо огромном и древнем тигле; на Земле таких нет...

Никакой органики. Жизни — нет. Застывший всплеск Солнца? Порождение чужих светил? А может быть, обломок знаменитого Фаэтона, погибшей десятой планеты? Ответим когда-нибудь, если удастся!

Глыба напоминала небрежно отломленную половину батона. С одной стороны — плавное закругление, тусклый блеск серо-коричневого камня. Вблизи порода пестрая, как бы сложенная отдельными кристаллами от темно-бурых до оранжево-красных оттенков. Кое-где россыпи мелких осколков, массивные валуны. Дальше — острый гребень разлома. За ним — шероховатый, вогнутый обрыв. Блестят, ветвятся рудные жилы. Когда астероид поворачивается к Солнцу своей срезанной стороной, по провалам и выступам бегут яркие, разноцветные вспышки, мириады искр.

...Перевернем лист. Топографы с приборами в руках. Пробное бурение. Взрывы. Специально сконструированные дорожно-строительные машины — не то танки, не то панцирные жуки с огромными челюстями.

Виктор Сергеевич мог бы рассказать с мельчайшими подробностями, как воздвигали опоры будущих подвесных дорог. Как налаживали собственное производство металлоконструкций — ибо для строительства годились только сплавы, полученные в космическом вакууме. Как выравнивали площадки для ракет, вбивали в базальт сваи будущего Главного корпуса. Панин мотался тогда на корабле на Землю и обратно, колесил по Союзу, согласовывал, пробивал, утрясал, держал в руках все нити грандиозного строительства.

...Да, поначалу тесновато было: командный пункт ютился в бытовом отсеке одного из транспортников, державших астероид на орбите. Затем изолировали впа-

дину — ту самую, «историческую», место стыковки «Вихря». Там уже и машинный зал появился... И, наконец, вот оно — двухэтажное серебристое кольцо, вернее — нечто вроде лежащего на боку колеса с прозрачным куполом на месте втулки. Обод щетинится антеннами, над ним, точно подсолнухи, поворачиваются венчики локаторов. Здесь мозг станции. Сюда стекаются сигналы со всех строительных участков, электромагистралей, причалов, буровых... Под куполом — зал местной и планетарной связи. Отсюда можно говорить с любой точкой Земли, с летящими кораблями. Ниже, под защитой незыблемых перекрытий — вычислительный центр. Он крайне мал по размерам — компьютеры последнего поколения, молекулярная микроэлектроника, плотность человеческого мозга... В машинной памяти, в вечной игре импульсов — динамический план работ. Контроль над всеми службами станции не ослабевает круглые сутки. Центр связан постоянными радиоканалами с Землей. Если нужно, к выработке очередного решения подключаются массивы памяти электронных машин в нескольких странах.

Ну вот, пошли фотографии сугубо рекламного характера — точь-в-точь для туристского проспекта... Пока еще здесь нет туристов. А жаль. Можно было бы похвастаться почти невидимым, без единого переплета пузырем над Главным корпусом, что так естественно розовеет и темнеет, создавая чередование «дня» и «ночи»: человеку необходимо привычное течение суток. И синевой бассейна, прикрытого невидимой пленкой озера посреди зала связи; и буйной зеленью — здесь, в невесомости, даже обыкновенный лесной папоротник из Подмосковья может разбросать свои перья по всему потолку кабинета.

Право же, достоин восхищения экскурсантов вот этот, белоснежно-никелевый, сплошь в мерцании диковинных приборов, медико-биологический центр. С каким удовольствием, с какой хозяйской гордостью рассказы-

вал бы Виктор Сергеевич студентам и школьникам, как работает пост психофизиологического контроля над экипажами; как тренируются будущие космонавты в блоке адаптации... Ведь тем-то и полезен астероид, помимо своих минеральных богатств, что можно создать на нем перевалочную базу между Землей и Вселенной! Он бы, Панин, напомнил, если бы вел экскурсантов, о первых попытках приспособления человека к космосу, о кратких секундах невесомости в самолетах-лабораториях, о моделях «жизни без тяготения», создаваемых с помощью воды или... гипноза. Здесь курсанты могут вдоволь хлебнуть невесомости, привыкнуть ко всем ее каверзам. Здесь научатся они, как вести себя на мертвых планетах, под огнем жесткой солнечной радиации, среди ледяной пустоты и сводящего с ума безмолвия. Здесь овладеют полетными приборами и инструментами, изучат небо, лишенное атмосферы, освоят специальные виды связи... Самый универсальный из тренажеров, лучшая на свете школа космоплавания — вот что такое этот астероид!

...Адаптация... Нас, «аборигенов», она касается в первую очередь. Надо сохранить здоровье, бодрость тела и духа, нормальную работу мозга, упругость мышц. Нас тут все-таки уже больше ста, — не считая быстро сменяющихся строительных бригад. Инженеры, энергетики, врачи, лаборанты, программисты, техники; астрономы и геологи, химики и металлурги; все, кто обслуживает электроцентральный и систему жизнеобеспечения, космодром и телерадиокомплекс... Никого нельзя потерять. Никого нельзя привезти тяжелобольным. У международного проекта «Астероид» есть противники. Они будут рады поднять кампанию за сокращение, а то и закрытие орбитальных работ... В общем, это совершенно правильно — то, что одновременно с командным пунктом был открыт стадион! Вот он, в круглой, расчищенной впадине, на середине разлома. Не то, что когда-то на «Салютах» и «Скайлэбах» — бегущие дорож-

ки, эспандеры, «неподвижные велосипеды» — велоэргометры... Нет, самый настоящий стадион, вернее спорт-комплекс: трансформируемое игровое поле, гимнастический зал, вращающаяся камера со слоем воды на стенах — для плавания... «Магнитное тяготение» в спорт-комплексе легко довести до любого уровня — хоть до земного, хоть до юпитерианского... (Вот тоже сведения для туристского проспекта — «стадион чудес», «в ожидании межпланетных олимпиад» и т. п.)

Он перевернул еще один лист — и вздрогнул. Таким неожиданным показался резкий зуммер внутренней связи. Все же растрогался Виктор Сергеевич, сидя над альбомом...

Звонила Марина Стрижова, начальник психофизиологической службы. Вот она, на видеозэкране. Да-да, та самая «марсианка» Марина, корабельный врач «Вихря», неутомимая Марина... Ничуть не постарела, не отяжелела: в чем же перемена? Кажется, строже стало худощавое лицо, и густые темные волосы причесаны тщательнее, чем раньше. А может быть, наложили свою печать отвороты «официального» жакета со значком? В общем, совсем взрослая смотрит Стрижова из своего кабинета, похожего на уютный санаторный номер люкс.

Виктор Сергеевич медленно закрыл альбом, нажал клавишу ответа. Теперь Марина видела его.

— Ну, что? — спросил командир. — Как после вчерашнего?

— Не люблю юбилеев, — чуть прищурилась Марина. — Много пустой болтовни, сидения за столом... Если бы хоть десятилетие праздновали, а то подумаешь, год!..

— Этот год десяти стоит, — проворчал Панин и тут же лукаво поинтересовался: — Небось комплиментов наговорили тебе за шампанским? Ой, Марина, гляди, так и будешь одна век коротать...

Она словно не услышала. Смотрела твердо, без улыбки, подняв круто изогнутые брови.

— Виктор Сергеевич, зашли бы вы ко мне.

У Панина защемило сердце, словно в предчувствии беды.

— Иду, — сказал он и аккуратно, чтобы не всплыть к потолку, поднялся с кресла.

Крутая лестница вела на второй этаж. Хотя мысли уже заняты были другим — предстоящим известием от Марины, — он, еще следуя в русле воспоминаний, невольно усмехнулся... Много было споров вокруг этой лестницы. Зачем, мол, ступеньки в невесомости? Одним усилием воли, через проводники биотоков можно изолировать подошвы от магнитного поля и взлететь на любую высоту... Так думали проектировщики, строители, только не космонавты. Уж они-то знали, что такое долгий полет. В нем нужны знакомые предметы и знакомые усилия. Конечно, хорошее дело — все эти тренажеры и спортивные снаряды, стадион, где можно во сто крат перекрывать земные рекорды. Но душа-то требует привычного земного, а не специального набора действий. Осмысленной работы мышц. И потому, чтобы не захандрить, не взбунтоваться однажды против всякой деятельности, надо ходить по лестницам как там, на Земле. Рукой открывать дверь, Таскать тяжести, вернее громоздкие неудобные вещи, вот как он недавно вместе с лаборантами волок громадный шкаф-печь... Конструкторам объяснили все это, и они согласились. Вот даже перила полированные, из мореного дуба.

Марина стояла возле зеленой шторы. В правой руке она держала ленту, видимо, только что выползшую из щели печатающего устройства. Только этот обведенный никелем проем да изящный пульт терминала нарушали простой уют комнаты со столом под желтой атласной скатертью, свежими ветками в керамической ва-

зе и троицей мохнатых кресел перед видеоэкраном. Здесь Стрижова проводила первые беседы с пациентами. Они должны были с порога чувствовать покой, расслабляться. В случае необходимости Марина уводила своих подопечных за штору, там начиналось царство приборов...

Они сели.

— Кофе? — спросила Марина.

Виктор Сергеевич кивнул.

— Сейчас сделаю...

— Давай пока свои графики, ты же ради них меня вызвала? — сказал Панин, уже высмотревший пучок кривых на ленте.

Марина принялась колдовать возле герметической кофеварки, такой же домашней, как и все в кабинете, а Виктор Сергеевич, заняв одно из кресел, повел пальцем по изгибам линий...

— Это обобщенный график производительности труда на стройке, — сообщила она, присоединяя закрытую чашку-«грушу» к крану кипятильника.

— Ну и что? У меня он тоже есть, правда, не совсем такой.

— Не совсем. Здесь учтены не только объективные показатели, но и состояние людей, их нервов, психики.

Палец Виктора Сергеевича скользнул по склону нижней кривой.

— Значит, ты считаешь, что настроение и работоспособность...

— Падают. С каждым днем. И это уже сказывается на темпах выполнения плана, на качестве.

Зашипел, забулькал маленький блестящий агрегат, под давлением выбрасывая тонкую струю в чашку. Щекочущий, пряный аромат разлился по комнате. Кофе у Марины, как и всегда, отменный.

— Вам как обычно?

— Да, сахаром не злоупотребляю. И крепко же падают эти твои...

— Боюсь, что скоро начнутся аварии, — сказала Марина, снимая чашку.

Виктор Сергеевич сделал глоток кофе, помолчал... Конечно, такая преданность работе, как у Стрижовой, это совсем неплохо, но... Одно дело, когда специалист решает собственные профессиональные проблемы. Другое — если пытается навязать свою тревогу всем. Взволновать экипаж. А ну как пустяк? Хотя, впрочем, у Марины пустяков не бывает... Нет, наверное, это даже хорошо, когда каждый член экипажа считает, что его вопрос самый важный! На то и командир, чтобы разбираться, быть арбитром...

...Пора что-то сказать, Марина ждет. Она надеется на командирскую мудрость.

— Не знаю, не знаю... Вроде проверки были такие дотошные, даже с насморком не допустили бы на астероид, не то что с расстройством нервов...

— Виктор Сергеевич, — она опустила глаза и отставила чашку. — Я думаю, это началось здесь.

— Господи, да чего же им не хватает?!

Для него мир был уже не таким светлым, как пять минут назад, когда довольно поглаживал он дубовые перила лестницы. Панин почувствовал будущую опасность, пока неопределенную. Даже вчерашние юбилейные речи и тосты вдруг показались бахвальством. Вот тебе и годовщина!

Вроде бы все на свете предусмотрели медики. Действительно, только туристов водить в их ослепительное царство! Диагностические компьютеры. Машины, дающие прогноз здоровья на год с почти стопроцентной гарантией. Нейтринные микроскопы. Роботы-хирурги с лазерными скальпелями...

— Думаю, командир, что это вспышка информатизмов.

— А-а, модная болезнь. Ты уверена?

— Я еще ни в чем не уверена, это первые данные.

Первые данные... Как будто немного отлегло от серд-

ца. Может быть, ничего страшного и нет. Виктору Сергеевичу всегда казалось, что вместе с разговорами о модных заболеваниях начинаются преувеличения.

Кажется, первыми раздули сенсацию научно-популярные журналы. «Нервный рак» — были и такие оглушительные названия... Неведомая опасность. Враг, подкрадывающийся изнутри и наносящий внезапный удар. Бодрый, вполне здоровый человек начинает терять интерес к любимой работе. Она не доставляет ему радости; он выполняет самые легкие задания кое-как, с отворачиванием. Падает тяга к активной, полноценной жизни. Скудеют чувства. Растет ненависть к самым близким людям; они тоже становятся обременительными... Человек замыкается. Впереди — безумие или самоубийство...

Психофизиологи разобрались в «феномене порога тысячелетий». Вспышки болезни были просто ответами перегруженного мозга и нервов на водопад сведений, невиданный в прежние времена, на постоянное напряжение интеллекта. Информатизм проходил бесследно, если больной хотя бы на короткое время менял характер работы, место жительства, круг знакомых... На астероиде это было невозможно. Нет, не дай бог, чтобы информатизм.

— Ладно, — вздохнул Панин. — Давай разбираться. Когда началось?

— Седьмого апреля, это я могу сказать точно. — Марина склонилась над плечом Виктора Сергеевича, ее волосы касались виска командира, палец с коротко стриженным ногтем уткнулся в график. — Это кривая обобщенного психофизиологического критерия, это — производительности...

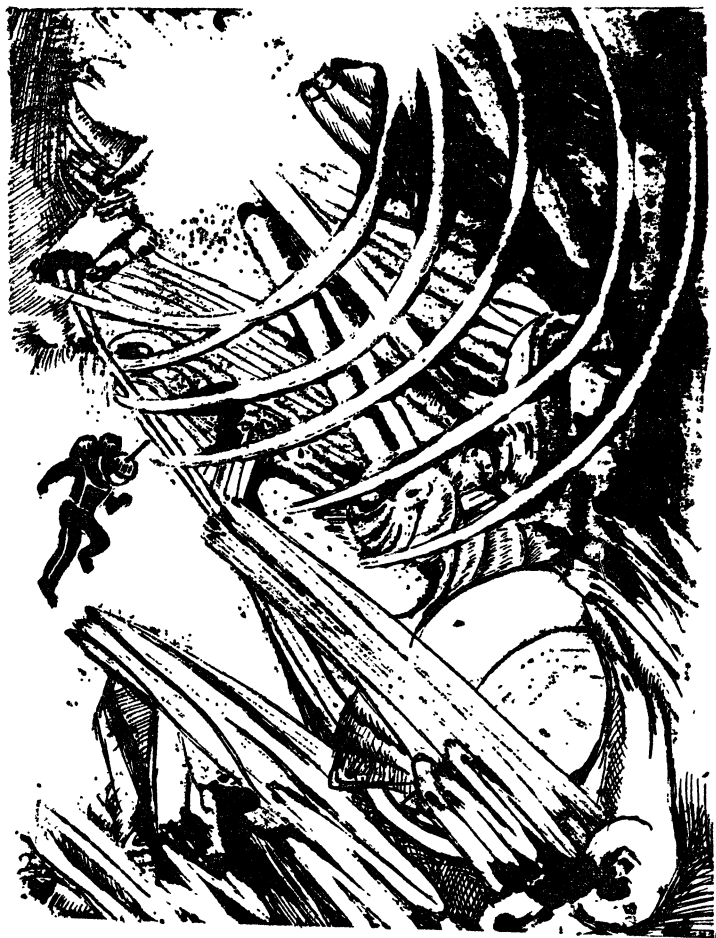
— Знаю, дальше.

— Здесь они расходятся.

— Откуда поступил первый сигнал?

— С шестого бурового комплекса.

— А-а, вот оно что! — Виктор Сергеевич так резко

повернулся к врачу, что лента взлетела и повисла под потолком, а сам командир еле удержался за подлокотники. Марина, отшатнувшись, также оказалась парящей в воздухе, но использовала «взлет», чтобы подплыть к графику и схватить его... Панин поймал себя на том, что любит гибкостью ее движений.

— Это не там придавило грузом Хосе Альгадо?

— Там, командир. Кстати, потому и придавило, что у Альгадо уже был цветущий информатизм. Раздражался по мелочам, набрасывался на людей. Истерика за истерикой. Я тогда не сделала никаких обобщений.

— А сейчас? — Панин набрал воздуха, ему было нелегко задать следующий вопрос: слишком многое зависело от ответа Марины. — Скажи, пожалуйста, сейчас это явление вышло за пределы шестого?

— В том-то и беда, командир.

Да, именно так, прямо, почти не мигая, не то с вызовом, не то с мольбой смотрела на него Марина, когда вокруг их «Вихря» смыкалась туча смертоносных обломков. Помоги, командир. Подскажи, командир.

Он заставил себя допить остывший кофе, наверное, чтобы успокоить Стрижову. Она тоже машинально пригубила чашку-«грушу» и опять взглянула на командира.

Чандра Сингх закрыл глаза, бессильно откинулся на спинку стула. Руки его, повиснув, коснулись пальцами ковра.

Сегодня сбылась мечта. Сегодня оправдались надежды студенческих лет. Недаром рвался Чандра в космос, и путешествовал на транспортниках между орбитальными домами, и прошел двойную стажировку, желая попасть на астероид, — в индийском центре подготовки, а затем в советском, потому что выводам советских врачей доверял особенно. И был счастлив, когда в соответствующей графе его формулятора русский медик начертал: «Годен без ограничений».

Чандра Сингх вызвал на бой невесомость. С усидчивостью, неведомой европейцам, собранный, подобно йогину, молодой физиолог ставил опыт за опытом. Во время длительного пребывания в невесомости из костей «вымывается» кальций и засоряет кровь. Это грозное нарушение обмена веществ, барьер на пути к сверхдолгим и сверхдальним перелетам. Чандра хотел остановить вымывание кальция. Все яснее видел он, какие препараты следует применять...

Сиреневым светом мерцал экран микроскопа перед закрытыми глазами Сингха. Спешили по извилистому руслу, теснились прозрачные тельца, плыла вязкая масса. Идет гормональный поток от паразитовидных желез. Сегодня — день успеха. Подопытная обезьяна, опутанная трубками и проводами в недрах прибора, не подозревает, что она — первенец среди живых существ, не боящихся невесомости. Но победа не радует Чандру.

Он разом открыл глаза — черные, отчаянные, полные слез. Схватился за рукояти наводки. Нет, он не поддастся! Его воля сильнее, чем эта проклятая, невесомость откуда навалившаяся, чудовищная усталость...

Чандра попытался поставить огненную точку — метку — в середину главного потока, чтобы потом следить за течением. Эксперимент! Да будь он неладен, этот эксперимент, поглотивший всю его жизнь! Лучше бы он просто лечил людей, растил дочь и сына, любовался медленным погружением солнца в воды родной Джамны... Как плакала сегодня утром бедняжка Амрита, когда он пожаловался на усталость, на непреодолимое отвращение ко всякому труду. Амрита предвидит горе. Природа дала его жене особую чуткость.

Чандра снова попробовал навести метку на центральное русло. Она проскочила, затем заплясала, как солнечный зайчик. Алый огонек зажгла помощница-машина. Это обозначало: «Отказываюсь работать, не вижу логики в действиях экспериментатора».

— И ты тоже, — внезапно остыв, сказал он компью-

теру. Передохнул. И совершенно спокойно, без всякой нервозности, с размаху хватил кулаком по стеклянной панели. Медленно разлетались осколки. Чандра с любопытством проследил, как сворачивается алыми бусинками, взмывает в воздух кровь из порезов. Затем, отвинтив рукоять, ударил ею по экрану микроскопа. Что-то полыхнуло внутри прибора, запахло паленой резиной; бешено завизжала, забилась обезьяна...

... — Сначала нарушаются глубинные механизмы экстраполяции... как бы прогнозирование дальнейших действий. Мозг не воспринимает обратной, корректирующей связи. Каждая операция выполняется отдельно, она вырвана из контекста сознательной деятельности... Ну, как если бы вы перед каждым шагом заставляли себя поднять ногу, вместо того, чтобы идти чисто механически. И к тому же все время забывали бы, куда и зачем идете! Оттого и усталость, и подавленность...

— Хорошо, хорошо, Марина! Верю, верю... Но меня сейчас, честно говоря, интересуют не столько симптомы, сколько возможная причина. Бацилла, так сказать!

— Но, командир, — возмущенно подняла брови она, — если мы не установим общую...

— Верю, — еще раз сказал Панин, нетерпеливо хлопнув ладонью по столу и тут же схватившись левой рукой за подлокотник, чтобы не взлететь. — Что там Альгадо?

— Все еще в госпитале. Травмы тяжелые.

— Состояние, настроение?

— Подавленные.

Виктор Сергеевич помолчал немного. Сидел, привычавшись, расставив локти, а Марина в упор разглядывала его и со щемящим чувством думала: «Вот, залысины стали больше, и нос мясистей, и фигура уже грузноватая, неловкая... Дорого стоил полет на «Вихре». Год на астероиде тоже не омолодил их...»

Наконец командир поднял голову.

— Надо бы самим побывать на шестом.

— А толку? При нас они подтянутся...

— Пожалуй. Посмотрим по телекамере.

...Они заняли места в главном зале связи; два кресла в фокусе огромного, чуть вогнутого матово-черного экрана.

— С чего начнем? — спросил Панин, жестом пианиста-виртуоза располагая пальцы на пульте.

— Я полагаю, с того же шестого бурового?...

И вот на экране почти готовый длинноногий паук автоматической установки, спустивший хобот ствола в кольцо древнего, полустертого метеоритного кратера. Передает одна из телекамер, густо расставленных по всему астероиду. Эта прилепилась к опоре канатной дороги. Виктор Сергеевич чуть повернул объектив, и в кадр всплыло сверху стальное днище неподвижного вагона.

— Почему никого нет на стройке?

— Обед, должно быть. И нам бы с тобой не мешало, а то все кофе да кофе.

Он включил камеру, установленную под потолком столовой. Точно. За прихотливо изогнутым столом (дизайнер был врагом «взлетных дорожек»), под сенью гигантских аспарагусов и альпийских фиалок размером с люстру, человек тридцать рабочих. Смена. Едят степенно, то прикладываясь к «грушам» с бульоном, то откусывая хлебцы. Молчание за столом, изредка пролетит необходимая реплика, просьба передать что-нибудь...

Вот когда Виктору Сергеевичу стало действительно не по себе. Ничего вроде бы пугающего, обед как обед, но... Но эту столовую он помнил! На комплексе работали исключительно латиноамериканцы. Парни из Венесуэлы и Уругвая, Гватемалы и Перу... Каждый из них походил на карнавальную шутиху, начиненную хохотом, песнями, розыгрышами, необузданной радостью

жизни. Дерзкие, смешливые, наивные, обидчивые, прямодушные, мечтательные и влюбчивые; пряная смесь индейских, романских и негритянских кровей. В столовой бронированные стены сотрясал их галдеж. Вечные шутки друг над другом, подначки, то стул выдернут из-под кого-нибудь, то брызнут из «груши» в соседа... Если появлялся солидный деятель из астероидного начальства — беззлобно ругали его за «сухой закон», просили вина. Когда приходила одна из считанных дам станции, хотя бы и Марина со своими проверками и тестами, устраивали настоящий шабаш с пением, акробатическими трюками и шутовскими признаниями в безумной страсти. Невесомость им здорово помогала резвиться...

А сейчас молчание. Усталые, осунувшиеся лица. Крылья ресниц, обвисшие над тусклыми глазами. Вялые, небрежные движения желтых и коричневых рук. Как будто все им в тягость. Красавцы, белозубые плясуны, веселые скандалисты...

— Страшно, — сказал Виктор Сергеевич, шелкая тумблером и глядя, как гаснет, мерцая голубым, картина угрюмой трапезы. — Это зашло дальше, чем я думал.

— И я не подозревала, что они уже такие, — призналась Марина.

— Посмотрим солнечную?

Это Виктор Сергеевич спросил в тайной надежде. Солнечная ловушка была его гордостью. Там работали самые надежные, тренированные, уравновешенные, умелые. Специалисты экстра-класса. Самая крепкая на станции интернациональная группа.

Как и прежде, он включил сначала камеру общего плана. Только эта камера «видела» свой объект не снизу, а с самой высокой точки астероида — громадного зубца над обрывом. Отсюда, поворачивая объектив, можно было любоваться панорамой освоенного «полushария». Вот Главный корпус, буровые пауки, серая пи-

рамида электроцентрали. Равнина препутана блестящими нитями подвесных путей. Тени стремительных моновагонов скользят по искристым полям фотобатарей. Чуть «ниже», на пологом закруглении, две площадки, где ночами щедро сияют ряды прожекторов. Это причалы транспортных орбитальных самолетов.

Еще ближе к гребню скал, непонятным для земного глаза образом не опрокидываясь, наискось торчат башни ракет. Там — главный порт. А когда объектив, описав почти полный круг, доходит до звездной пропасти за обрывом, на самом краю елочным украшением вспыхивает солнечная ловушка...

Собранные подобно мозаике зеркальные лепестки чудовищного цветка на решетчатом стебле должны были ловить энергию Солнца, концентрировать ее и передавать на приемники Земли. Лучи, не ослабленные воздушной преградой, несли необъятную силу. Поколение назад, — всего лишь одно поколение, — наверняка были бы сделаны попытки использовать раскаленный лучевой столб, падающий с орбиты, в качестве оружия. Двигался бы он по материкам, ожигая целые страны. А теперь, в благословенную эпоху разоружения, предназначалась ловушка для того, чтобы питать цехи заводов и высокочастотные автомагистрали, нагревать морскую воду для курортов Лабрадора и Гренландии.

По простому скелету антенны, кое-где покрытому блестящей чешуей, пчелами ползали монтажники. Командир вздохнул с облегчением, покосился на Марину. Ему опять начинало казаться, что шеф психофизиологов преувеличивает. Ну, переработались на шестом, надорвались, пересмотрим график, дадим отдохнуть. Любо-дорого было смотреть, как ребята Сикорского складывают Великое Зеркало. Он включил одну из ближайших к антенне камер. Вот двое с идеальной синхронностью берутся за слепящий гранями блок. Их шлемы зачернены, монтажники безлики. Раз — одновременно выстрелили огнем наспинные сопла, Взлетели «пче-

лы», понесли добычу в пятиугольное гнездо. Еще одно точное, почти незаметное движение, и блок на месте, как влитой. В работу вступает другая пара, будто ожидавшая своей очереди; струями плазмы приваривают блок к раме... Слаженно работает улей. Виктору Сергеевичу с начала строительства казалось, что движется, выращивая каркас ловушки, некий надежный механизм, вроде часового. Будто и отдыхать не надо безликим. Потянутся сутки, месяцы, а монтажники Сикорского все так же размеренно, без лишней спешки, будут ползать и перелетать среди огромных балок...

— Поговорите с Беном, — не иначе, как угадав по боковому взгляду сомнения командира, предложила Марина. Он послушно выключил большой экран, ожил туманный круг видеофона.

Вздрыгнув от зуммера, обернулся в своей комнате поджарый седеющий мужчина. Комната была нелепо загромождена электронными приборами. Платы, пульта, шасси вычислительных машин, магнитные диски лежали навалом, как имущество, наспех спасенное от пожара. Мужчина смотрел на Панина и Марину взглядом человека, застигнутого врасплох, — испуганно и сердито. Очевидным усилием воли он поднял брови, разгладил складку на переносице.

— А-а, это вы, шеф... Что-нибудь случилось?

— Вроде нет, — ответил Виктор Сергеевич, испытующе глядя в зрачки Сикорского. — Наоборот, захотел узнать, как у вас, Бен.

— Ничего не скажешь, интуиция! — Бен выдавил кривую ухмылку, помотал головой. — У нас тут весело... Транспорт блоков запаздывает на семьдесят два часа. Просто руки опускаются.

— Я выясню, в чем дело, и потороплю. Что еще?

— Вот, — Сикорский каким-то истерическим жестом указал на гору электроники. — Бульдозерист изволил врезаться в склад — пришлось рассовывать аппаратуру по кабинетам.

— Как фамилия бульдозериста? — спросила Марина, включая в нагрудном кармане памятный магнитофончик.

— Я сам с ним разберусь, не надо! — снова нахмурился, раздраженно сверкнул глазами Бен.

— Да я не наказывать... Может, здоровье придется проверить.

— А, здоровее он нас с вами, просто разгильдяй... — На столе у Сикорского залился другой зуммер, и он, извинившись, ткнул пальцем в клавиатуру селектора. Не попал. Только с третьей попытки нажал нужную клавишу. Внимательно следили за ним командир и Марина. «Слушаю», — рявкнул Бен. Чей-то голос невнятно залепетал, донося о неполадках с кислородными баллонами, об утечке... «Манометры у вас врут», — решительно ответил Сикорский. Ему возразили. «Не знаю я вас, что ли! Тащите как попало, швыряйте!.. Что я вам, еще баллоны проверять должен? Ничего больше не желаю слышать!» — заорал Бен и яростно отключился.

— Ну, работайте, спасибо, — торопливо сказал Виктор Сергеевич. Видеофон погас, Марина только медленно покачивалась из стороны в сторону, не в силах собраться с духом и заговорить.

— А ну как на нас перекинется? — предположил Панин, шуткой пытаясь хоть немного ослабить страшное напряжение. — Вот сейчас вцепимся друг в друга...

— Скоро все рухнет как карточный домик, — неожиданно низким голосом ответила Марина. Она так же покачивалась, отрешенно глядя в одну точку, сложив руки на коленях. — Замкнутый коллектив. Бежать некуда. Эпидемия информатизмов, вот это что. Рабочей совместности, считайте, уже почти нет...

— Что ты качаешься, как араб на молитве! — резко сказал Виктор Сергеевич. — Походить бы сейчас по залу, успокоиться. Чертова невесомость. По домам всех распустить, что ли? Заккрыть станцию, вообще убрать

астероид куда подальше? Да от нас только этого и ждут, хотя бы «Общество Адама».

— По-вашему, лучше, чтобы мы перегрызли друг другу глотки? — вспылила Марина. Он подошел к ней сзади, положил руки на плечи, и она сразу перестала покачиваться, подтянулась.

— Думать надо, Мариночка, — в самое ухо врача прошептал Виктор Сергеевич. — Крепко и быстро думать. Следить за всеми. За мной. За собой. И никакой паники.

Она вошла в камеру тренажера. Стала медленно, рассеянно надевать стальную «сбрую» — пояс, браслеты, наплечники. Легким прикосновением включила поле. «Тяготение» электромагнитов нарастало плавно, постепенно, чтобы не дать опасного скачка. Она легла на спину, ожидая, пока «сбруя» станет достаточно тяжелой и можно будет начать гимнастику.

«Думать надо...»

Скоро надорвется мозг, не выдержат нервы. Ее повезут на Землю, в санаторий. Там — голубизна и зелень, успокоительный шорох воды, олеандры в цвету. Где-то в глубинах неба будет висеть гибнущая станция.

Фактически, хотя и в тайне от всего экипажа, власть на астероиде передана ей. Марина как могла изолировала проклятый буровой комплекс, солнечную ловушку, еще два-три участка, где возникли информатизмы. Держала в одиночных палатах Хосе Альгадо, злосчастного Чандру Сингха, бульдозериста, разрушившего склад электроники, других «буйных» или «тихих» больных — уже девять человек... Психофизиологический контроль был усилен до предела. Она убедила всех постоянных работников станции, что ведет важнейший эксперимент, — и вот люди круглые сутки носили на себе датчики. Рабочие, завербованные на короткий срок, вообще считали космической нормой все эти счетчики

кровенного давления, накожные термометры и анализаторы дыхания. Поток данных захлестывал машины местного вычислительного центра и столь же обильно лился на Землю. Панин сумел аккуратно, не возбуждая нездоровых слухов, предупредить службу психофизиологии советского космцентра. Наиболее осведомленным стал начальник службы, старый друг «вихревцев» Семен Тарханов, незримо присутствовавший на борту корабля. С ним Марина советовалась во время полета. Сейчас и Семен не мог помочь. Ждали его прибытия на станцию.

Причина, причина... Болезнь легко проникает сквозь могучие стальные заслонки, через фильтры скафандров; злая неощутимая сила расползается по мертвым скалам астероида. Может быть, правы те, кто считает, что деятельность замкнутого, изолированного коллектива все же ограничена во времени? Может быть, есть зерно истины в проповедях «Общества Адама» и человек действительно не в силах устоять против психологического давления пустоты?

А что, если в порах летающей горы живут какие-нибудь «пустотные вирусы», способные размножаться без воздуха, при абсолютном нуле температур? Кристаллические, металлические убийцы, невидимые ни в какой микроскоп?.. Да нет, симптомы информатизма налицо... Но отчего же тогда не страдает в равной степени весь экипаж? Или, скажем, не заболевают выборочно самые слабые? Информатизм — спутник мозговой усталости, нервного истощения. А эта напасть в самом деле похожа на эпидемию, она расходится из отдельных очагов. Первая вспышка — на шестом буровом. Первая жертва — Альгадо...

...Чего им здесь не хватало?! Оранжереи. Кино. Кегельбан в подвале Главного корпуса. Все земные телепрограммы. Спортивные состязания, лекции, библиотека, музыкальный салон, творческие кружки. В любой момент — видеосвязь с семьей. Примерно раз в месяц

приходит пассажирский «Орион», привозит близких. Блок с регулируемым тяготением для трехдневных свиданий.

Вот и Виктор Сергеевич тоже становится каким-то суетливым, беспокойным, на себя непохожим... Конечно, начальник станции переживает за судьбу своего детища, это естественно... Но не хотелось бы видеть командира «Вихря», первопроходца, «рыцаря без страха и упрека», в обличье неврастеника.

...Нет, об этом лучше не вспоминать! Запретить себе... Запретить!

Хосе Альгадо — первая жертва. Точка, от которой начали расходиться круги эпидемии.

Нечто смутное, бесформенное, пока что неуловимое для логики, но уже несущее в себе трепет близкого прозрения, рождалось в воспаленном сознании Марины.

Задумавшись, Марина пропустила нужный момент нарастания поля: «сбруя» внезапно навалилась на тело, сжала его точно когтями. Она броском добралась до пульта, уменьшила магнитную «гравитацию». Подождав, пока утихнет боль в шее и плечах, осторожно начала приседания,

Глава II

В ПОИСКАХ «ФАКТОРА ИКС»

В зале встреч главного порта корабль Тарханова ожидало все астероидное начальство. Сам Виктор Сергеевич, его заместители, главный инженер, главный энергетик. Всего человек двенадцать, среди них две дамы — Марина и добрейшая фру Энгстрем, космоботаник, начальник оранжерей.

Они смотрели сквозь прозрачную броню, как, опираясь на слепящие сполохи, садится в базальтовое «корыто» причала мощный ракетоплан с эмблемой Космцентра СССР. Успокоилось бешеное пламя; корабль вытянул круглую гармонику переходного тоннеля. Еще несколько секунд — и гигантский «присосок» сросся со стыковочным кольцом на фасаде. Поднятая бесшумным эскалатором, выросла из проема в полу монументальная фигура начальника психофизиослужбы.

Семен Васильевич был на голову выше Панина, вдвое шире в плечах. Приобретал уже Тарханов «штабную», барствленную полноту. Черты лица его были скульптурно крупны, движения величественны. Он принадлежал к числу тех руководителей, на которых безоговорочно полагаются подчиненные. Человек-глыба, воплощенная надежность. Еще не начав говорить о деле, Тарханов одной своей походкой, улыбкой, нехитрыми шуточками («Маришка у нас как заспиртована, не стареет, завидно!») внушал спокойствие, уверенность в успехе.

Впрочем, Виктор Сергеевич, в отличие от Марины, первичать не перестал, и потому, резко оборвав приветственную болтовню, прямо-таки потащил гостя под локоть к гермовагону.

Массивный, с толстыми круглыми иллюминаторами вагон, который на Земле весил бы не менее железнодорожного, пушинкой скользнул по стальной нити. Семен Васильевич бурно восхищался, глядя на бегущие внизу красно-бурые, прихотливо вздыбленные скалы. Он был впервые на другой планете, и потому еле сдерживал мальчишеский восторг.

Под сенью чудовищного папоротника, вручив Семёну и Марине «груши» с крепчайшим чаем, командир вздумал было с места в карьер заговорить о главном. Однако шеф психофизиологов, то ли устав от полета, то ли придерживаясь некой, ему известной тактики отношений, от делового разговора уклонился. Можно было подумать, что прибыл он лишь для того, чтобы повидать на новом месте добрых друзей — «вихревцев», которых незримо сопровождал к Марсу и обратно.

— Погоди, Витюша, — отгораживался он мясистой ладонью от наскоков Панина, — дойдем и до твоих психопатов, давай хоть чаю попьём без выкладок, без графиков... Я вот тебе и Мариночке лучше про Оттаву расскажу, как я Коллинза недавно там слушал. Любо-дорого...

Марина невольно кивала, посмеивалась, глядя на добродушно-ленивую физиономию Тарханова, на его прищуренные лукавые глаза. Велико было влияние этого человека. В беду, в темное будущее уже не верилось.

Кажется, остывал и Виктор Сергеевич.

— Ну, ладно, Сеня... Ты же у нас зеленый, полетов не нюхал, отдыхай... Так что там этот бездельник напел в Оттаве?

— Ох, не бездельник он, — подобрав губы, сразу

посерьезнел Тарханов. — Живи он в средние века, так водил бы крестовые походы. Вития, златоуст. Особенно на дамочек действует, извини, Мариша... Дамочки на его проповедях рыдают. А ведь среди них есть богатенькие. Так что денег собирает Коллинз на «святое дело» — будь здоров... Не говоря уже о других источниках...

Действительно, источники дохода у Иеремии Коллинза были солидные.

Виктор Сергеевич и Марина знали назубок предысторию «Общества Адама». Вернее, тех сил, что прятались за расписным фасадом новейшей западной секты «космоборцев».

Когда советская Академия наук вошла в ООН с предложением использовать астероид в качестве международной научно-исследовательской и учебной базы, некоторые правительства не были в восторге от этой инициативы. Пускай уже были демонтированы по всей Земле многомегатонные страшилища; пусть ООН стала более действенной, наделив широкими полномочиями Комитет контроля над разоружением, — все это еще не означало окончательного прекращения всех конфликтов и противоречий. Не все экстремисты еще унялись. За этими проявлениями вражды, как и прежде, чувствовалась направляющая рука.

Многие монополии, в частности «Вестерн континентэл корпорейшн», не оставили своих безумных планов о мировом господстве. Гора, доставленная на буксире от самого Марса советским кораблем «Вихрь», была сокрушительным ударом по их престижу. Не говоря уже о том, что астероид нес «на борту» огромные залежи полезных ископаемых. Может быть, уран, золото или какие-нибудь космические чудеса, которые окажутся во сто крат ценнее золота и урана. Заправили «Вестерн континентэл корпорейшн» пытались опорочить чисто-

сердечное желание подарить человечеству чудо-рудник и орбитальный космодром. Богатства астероида, к тому же предоставляемые бескорыстно, могли спутать всех карты. Захватить орбитальный остров или уничтожить его — так ставили вопрос финансовые воротилы монополий на своих секретных совещаниях...

Сначала двинули в бой тренированную буржуазную прессу. Хорошо оплаченные научные обозреватели убедительно доказывали, что глыба на орбите опаснее для планеты, чем все ядерные арсеналы. Столбцы формул вели к однозначным решениям: через столько-то месяцев и дней астероид рухнет на Землю. Врезавшись на первой космической скорости в центр Европы или упав на густонаселенный юг Азии, великан взорвется, разбрасывая раскаленные обломки на целое полушарие. Сотни миллионов людей будут уничтожены на месте; сдвинется земная ось, рождая катастрофические изменения климата; сгорит изрядная часть атмосферы... Надо немедленно снарядить космический «флот спасения» и оттащить дракона прочь, в пустоту!

Другие, более изощренные и ловкие журналисты, играли в доброжелательность. Начинали статьи с пылких комплиментов «Вихрю», космической дерзости русских. Затем аккуратно переходили к прогнозам. О нет, никакого апокалипсиса, низвержения пылающих гор... Огромные достижения космонавтики, каскад открытий — да, да, все это будет! Но... не стоит ли всерьез подумать о том, что частые рейсы транспортных кораблей между Землей и астероидом могут, например, разрушить слой озона в атмосфере? Или отравить воздух над огромными территориями? Далее, строительство внеземного поселка, даже самого скромного, может обойтись дороже, чем былая гонка вооружений. (Следовали расчеты, сравнения.) Стоит ли на пороге эпохи всеобщего благоденствия снова затягивать пояс?.. Звездный гость, парящий в небе, — это романтично, возвышенно, это триумф разума над косной материей! Пусть останется он

на орбите, как памятник доблести экипажа «Вихря», пусть остается до тех пор, пока мы не сумеем освоить его с меньшими затратами сил и средств, с меньшей опасностью для нашей колыбели — Земли!

Когда советские ученые сумели бесповоротно отвести все обвинения, доказать полную безопасность и огромную выгоду международного строительства орбитальной суперстанции, тогда всемирный истерический бум, соблазнительный для слабых и суеверных душ, подняло «Общество Адама» во главе с «честным фермером» Иеремией Коллинзом...

Семен слушал выступление «пророка» в одном из крупнейших залов канадской столицы, на конференции по космической медицине, посвященной перспективам многолетнего пребывания человека вне Земли. Обсуждались вопросы работы постоянных экипажей на спутниках-заводах, спутниках-лабораториях, возможности сверхдальних перелетов и создания колоний на других планетах. Конечно же, в центре внимания был астероид. Ни один докладчик не обошелся без материалов, полученных со станции, без данных, собранных Стрижовой. И вот на второй день, во время прений, когда, казалось бы, окончились непримиримые споры и председатель весьма благодушно наметил контуры итогового документа, — в эти самые минуты попросил слово «скромный наблюдатель», «естественник-самоучка» Коллинз. Как «пророк» оказался на конференции, да еще в окружении десятка верзил с квадратными челюстями и подозрительно оттопыренными карманами? Почему тот же председатель, увенчанный благороднейшими седидами лорд, мгновенно предоставил трибуну Коллинзу? Создалось впечатление, что это представление было заранее подготовлено.

Маленький, желчный, патриархально длинноволосый и бородатый Коллинз, в плотном черном сюртуке, в огромных очках, нервной походкой взбежал на трибуну, суетливо налил себе воды, жадно выпил. Казалось,

что его сжигает внутренний огонь, что этот человек, похожий на застенчивого и пылкого провинциального учителя, — сама искренность. Впрочем, может быть, так и было. Трезво рассуждали закулисные хозяева «пророка»: марионетка же могла беззаветно верить в святое дело...

Коллинз начал говорить неуверенно, как бы робея. Запинался, не оканчивая фразы. Часто пил. Точно смущала его многочисленность и образованность ученой аудитории. Да он и не скрывал неловкости. Право же, леди и джентльмены, цвет мировой космической науки не должен быть слишком строгим к простому фермеру из Висконсина. Впрочем, леди и джентльмены вправе спросить, почему же простой фермер отважился выступать перед столь высокоученым собранием. А вот почему. Уважаемые участники конференции представляют торжествующий человеческий разум. Но ведь миллиарды белых, черных и желтых жителей Земли живут прежде всего чувствами. Они, эти крестьяне, рабочие, мелкие служащие, бесчисленные, как песок морской, хотя спокойно заниматься своим незаметным и необходимым всей планете трудом; хотят любить, рожать детей, веселиться — и достойно покидать этот мир, глубокими стариками, на собственных ложах, в окружении внуков и правнуков... Что может быть дурного или противоестественного в том, что человек, во всем подобный древнему праотцу Адаму, желает вкушать покой и вечную смену житейских весен и зим, не расставаясь с щедрой землей?

Вдохновенный Иеремия не сказал в этот раз ничего нового, неожиданного. Ни слова, в сущности, не прибавил к мнимоглубоким благоглупостям копеечных брошюр и проспектов «Общества», в последние месяцы миллионными тиражами затопивших книжные магазины западных стран. И тем не менее проповедь Коллинза была страшновата. Ибо, сработанная по демагогическому рецепту, коего не чуждался в свое время и доктор

Гсббельс, — «любая чушь, повторяемая день и ночь всеми средствами массовой информации, становится истиной» — программа Коллинза могла найти сторонников. Среди обиженных, выброшенных за борт жизни удачливыми конкурентами; среди запуганных капризами конъюнктуры, разуверившихся в завтрашнем дне; среди одурманенных новомодными религиями или злобно цепляющихся за древние суеверия, — в массе искалеченных судеб и душ искало своих адептов «Общество Адама»...

Как и ожидал Тарханов, «пророк» яростно обрушился на космонавтику. О нет, он, Коллинз, совсем не хочет показаться дикарем, смешным, дремучим ретроградом! Спутники всепланетной телевизионной сети; космическая метеорология, разведка полезных ископаемых, наблюдение за посевами или миграциями промысловых рыб, — все это вещи исключительно полезные, такое выгодное и понятное «простому фермеру» завоевание ближнего космоса можно только приветствовать... Но кому нужны эти чудовищные, все более далекие прыжки? Разве только восторженным романтикам и детям... Люди, «стоящие босыми ногами на пашне», такого нелепого мотовства, таких самоубийственных акций одобрить не могут. Как будто полное изобилие царит на матери-Земле и можно от избытка нашего тратить бесчисленные миллиарды, забрасывая стальную капсулу с парочкой смертников куда-нибудь в марсианскую пустыню, заведомо мертвую, точно кирпич! А скоро, говорят, прибавил Коллинз с подкупающей «деревенской» наивностью, начнется подготовка полета к одной из ближайших звезд. Нет уж, довольно с нас кровавых и безумно дорогих авантур! Он, Иеремия, говорит от имени всех безымянных тружеников — потомков Адама и Евы: назад, к родной Земле! Здесь нам надлежит, согласно заповеди господней, в поте лица есть хлеб свой. Ничего полезного, необходимого человечеству, ничего, достойного кровавых жертв, не найдем мы в ледяной черной

пропасти! Нас ждет жуткое, разрушающее действие среды, абсолютно противопоказанной землянам. Космос стал языческим божеством. Молохом, проглатывающим наши силы и жизни. Чего стоит хотя бы возведение города на летающей горе! Подобная затея могла прийти в голову лишь зарвавшимся безумцам. И кто знает, — если уж говорить начистоту, — не воспользуются ли однажды хозяева астероида своей «стройплощадкой» для того, чтобы внезапно взять на прицел всю разоружающуюся планету и утвердить на ней свое господство?

...Снова сделавшись из грозного «обличителя» робющим и косноязычным провинциалом, Иеремия пробормотал несколько извиняющихся фраз, низко поклонился «высокоученому собранию» и бочком, неуверенно слез со сцены. Семен заметил, что Коллинзу бурно аплодирует часть зала — три-четыре ряда, сплошь занятых ярко одетыми пожилыми дамами и мрачноватыми панями боксерского вида...

— Ну не мерзавец ли? — истово возмущился Виктор Сергеевич и даже, позабыв о малом тяготении, ударил кулаком по столу, так что Семену и Марине пришлось удерживать его от «взлета». — Хороши, впрочем, и ваши канадцы: допустить такого на конференцию.

— Ничего, — сказал Тарханов, угрожающе прищурив левый глаз и покачивая головой. — Во-первых, Коллинз все-таки сказал побольше, чем обычно в статьях и книжонках. Откровеннее сказал. Комитет по разоружению уже заинтересовался всерьез «космоборцами». А во-вторых, выступил сверх программы наш Валерий Федорович, академик, и быстренько все расставил по местам.

— Это он всегда умел, — успокаиваясь, кивнул командир. — Великий логик.

— Ну да. Спокойненько, сухо, даже, можно сказать, вяло. Коллинза и присных его так прямо назвал «являе-

нием контркультуры» и место им определил где-то между сектантами, юродивыми во Христе или в Будде, и штурмовиками на содержании у монополий. Любо-дорого! Я одного боялся, чтобы не пальнул в него кто-нибудь из зала. С них станется; ничего, обошлось. Иеремия сидел с видом мученика, терпел и ангельски улыбался. Мол, сами видите поношение праведных. Однако нашего шефа слушали получше, чем «пророка». А почему? Логика. Наш язык научный. Все основано на доказательствах. — Семен начал загибать пальцы. — Прежде всего с цифровыми выкладками разобрал «безумные» затраты на дальний космос — и оказалось, что никого они не разоряют, что расстояния полетов и сложность экспедиций увеличиваются в строгом соответствии с материальными возможностями стран. Никаких «земных» отраслей наше дело не ущемляет, тем более, когда осуществляются многонациональные программы. Далее: «безымянным труженикам» не на что жаловаться еще и потому, что любые полеты рано или поздно окупятся. Открытия космонавтов уже подстегнули мысль физиков, энергетиков, биологов; человек все больше узнает о строении Вселенной и о своих собственных возможностях. Окупится космос и в самом прямом, меркантильном смысле: например, находками редких элементов, или каких-нибудь бактерий с чудесными свойствами, или просто драгоценных металлов... Чего стоят первые шахты на Луне или хотя бы ваш камешек, где одного золота тысячи тонн!.. Наконец, освоение новых миров даст человечеству возможность расселяться, а ведь известно, что на Земле скоро станет и тесновато, и с жизнеобеспечением довольно сложно.

— А как он насчет мирового господства? — поинтересовался Панин.

— Да что тут можно было сказать! Только одно: с больной, мол, головы — на здоровую. Уже одни бригады, приглашенные со всего мира, в том числе и из западных стран, говорят о «высокой секретности» всего,

что делается на астероиде. Родственники летают на свидания, всюду телекамеры, ни одной запретной зоны. — Семен замахал ручищами, точно отгоняя назойливых мух. — Стыдно и вспомнить эту Коллинзову белиберду!

— Ладно, — сказал Виктор Сергеевич, основательно приложившись к «груше» с чаем и как бы почерпнув в ней силу для решительного поворота в разговоре. — Все это, конечно, очень поучительно, но, к сожалению, Земля Землей, а у нас тут своих бед хватает. Спасать надо, Семен Васильевич, эти самые бригады; постоянный экипаж надо спасать.

Семен лишь на какую-то неуловимую долю секунды склонил кудрявую лобастую голову и остро, испытующе глянул из-под бровей на командира. Наблюдательная Марина по одному этому движению убедилась, что начальник психофизиослужбы космоцентра не зря затеял «отвлеченный» разговор о канадской конференции и Коллинзе. Ох, непростой человек Семен! Самолюбие, что ли, щадит? Хочет, чтобы мы сами обнаружили второе дно в его рассказе. Связь с нашими проблемами. Какую?

И Марина, решив вызвать маститого психолога на откровенность, начала с усердием школьницы:

— Я, Сеня, не буду особенно распространяться о том, как ширится эпидемия. Ты об этом знаешь не хуже меня, а если захочешь подробностей — вот, терминал под рукой, получай любые сведения. Попробую только объяснить, как я сама понимаю причину болезни.

— А ну-ка, интересно! У меня пока никаких гипотез нет, — благодушно отозвался Тарханов.

Марина была уверена, что Семен устраивает нечто вроде теста для нее и Виктора Сергеевича. Но не ударяться же в амбицию, тем более перед лицом такой опасности. И она продолжала все тем же звонко-бесстрастным тоном рапорта:

— Поскольку случай неординарный, я позволю себе

воспользоваться несколькими сообщениями, очень простыми терминами.

Семен, все так же лениво шурясь, кивнул Марине.

— Назовем эпидемию нервно-психических нарушений «кольцевой волной». Вы знаете, что это соответствует истине. Центр, из которого эта волна расходится, определить нетрудно. Шестой буровой комплекс. Первый случай — бригадир монтажников Альгадо. Все, кто входил с ним в контакт, подавлены.

— Поподробнее об Альгадо, — как бы невзначай попросил Семен, но прищур его на мгновение стал жестким.

— Я так и хотела. Думаю, что наши медкомиссии вместе со своими компьютерами проглядели у него некое скрытое душевное расстройство. Глубоко загнанный страх. Фобию.

— Теперь я вынужден просить поподробнее... вернее, попонятнее, — вмешался внимательно слушающий Панин.

— Пожалуйста. Фобия — термин старый. Это след или отпечаток, оставленный в памяти тяжелым событием. У мозга мощные компенсаторные свойства, как говорится, время все сгладило, иначе мы не смогли бы выжить, например, после потери любимого человека... Волнение должно улечься, горе — растаять. Мы возвращаемся к нормальной жизни, но... Где-то в недрах подсознания тлеет очажок. И если в доме повешенного заговорят о веревке, если обстоятельства напомнят о пережитой драме, фобия сработает. Взорвет изнутри наше равновесие.

— Так, — сказал Виктор Сергеевич. — Значит, ты считаешь, что у Альгадо...

— Был тайный очаг страха и нервозности. Что-то на астероиде пробудило его. Теснота скафандра. Невесомость. Пустота, тишина, голые скалы. Пришли страхи, тревоги, воскресили старые переживания...

— Старые ли? — поднял палец Семен, и снова Ма-

рише показалось, что гость направляет разговор по неким ему лишь ведомым рельсам. — Ведь мы знаем биографию Альгадо, он провел не одни сутки в космосе, в том числе и на малых орбитальных станциях... и никогда ничего подобного. Может быть, фобия появилась совсем недавно, перед отправкой на астероид? Или даже здесь?

Виктор Сергеевич хмыкнул и помотал головой: «Ловко!» Марина, ненадолго сбита с толку, помолчала, а затем возразила почти сердито:

— Не спорю, это похоже на правду, но сейчас не так уж важно! В конце концов, поговорим с самим Альгадо, он еще в госпитале. Главное то, что состояние бригадира передалось другим! Всем рабочим комплекса. А потом проникло сквозь бронированные стены, и побежала «кольцевая волна»...

— Постой-ка, — нахмурился Панин. — Я, конечно, в ваших науках профан, но вот логические пробои, извини, чувствую. Даже если допустить, что какое-нибудь там... ну... излучение мозга Альгадо пробило все преграды, то почему другие люди должны страдать от его личных драм? Скажем, я в детстве упал с крыши сарая, у меня боязнь высоты, а ты прыгаешь с парашютом, тебе наплевать, почему же это моя фобия должна у тебя приживаться? На какой почве?

— Если Марина разрешит, я сам тебе отвечу, — живо обернулся всем корпусом Семен, и командиру пришлось «приземлять» гостя в кресло. — Спасибо, Витя... Так вот, содержание фобии может быть чуждым, но частота нервного импульса, несущего страх и подавленность, всегда одна... Значит, если существует это, как ты говоришь, излучение, то оно наверняка воскрешает в душе каждого человека его собственные потери и печали. А у кого их нет?

— Убедил, — без особого удовольствия буркнул Панин. — Ну, дальше, Марина!

Знавшая обостренное самолюбие командира, она постаралась польстить:

— Кстати, шеф, ты зря спешишь объявить себя профаном. Излучение — это абсолютно точный термин; именно то, о чем я хотела сейчас говорить.

Вы, конечно, знаете, что олени во время пурги сбиваются в тесный круг. В центре круга всегда детеныши, молодняк. Как по-вашему, что объединяет оленей?

— Генетически закрепленный условный рефлекс.

— Правильно, но какая команда «включает» этот рефлекс?

— Ну... Я как-то не думал над этим... рев вожака, какое-нибудь его движение... Сама пурга, наконец!

— Возможно, и так. Но скорее все происходит иначе. Почему хранит такую строгую форму стая перелетных птиц? По какой команде мгновенно сворачивает и перестраивается миллионный косяк сельди? Все эти общие действия, где отдельное живое существо выступает в качестве блока большой, «сверхличностной» системы, вряд ли они были бы возможны без моментального обмена информацией...

— Спорно, но примем как рабочую гипотезу. Стало быть, по-твоему, и человек...

— Да, Сенечка, и он, родимый! И особенно здесь, в космосе.

— Вот тут я уже, с грехом пополам, кое-что понимаю, — радуясь тому, что наконец-то сможет полноценно поучаствовать в беседе «посвященных», заговорил командир. — Еще Уильям Росс Эшби сказал, что сложность системы можно характеризовать ее разнообразием. То есть чем сложнее эта сама система, тем больше у нее возможных состояний, вариантов поведения. А мозг, сами понимаете, машинка не из простых.

— Динамический слепок со Вселенной, по словам Дени Дидро, — откликнулся Семен, шутливо парируя ссылку на Эшби.

— Именно. Сейчас еще Гомера приплетем к нашим дрязгам! — не уступил Панин. — Итак, мозг... На Земле все для него привычно, условия работы более или менее постоянны. Значит, состояний уже не бесчисленное множество, есть наиболее вероятные, так? А здесь, в чертовой дыре, вероятность любого хода событий почти равная. Мозг волнуется. Неуютно человеку. Куда его космос легонько подтолкнет, туда он и зашагает... Хоть к самоубийству, хоть к полной беспечности.

— Позвольте, я продолжу? — нетерпеливо вмешалась Марина. — Хочется уже дойти до ясности, чтобы потом вместе найти лечение. Все верно, Виктор Сергеевич. И это расшатывание привычного мозгового состояния... оно ведь связано не только с необычностью космической среды!

— А с чем же еще?

Марина помедлила:

— Вы знаете, что у нашей «кольцевой волны» есть... вернее, были когда-то земные аналогии?

— Вот уж не предполагал! — сразу откликнулся Виктор Сергеевич.

Семен только повел бровями. Его рассеянный взгляд и небрежная поза начинали не в шутку сердить Стрижову. Что бы взять да выложить сразу карты! Пациенты мы ему, что ли?!

— Кликушество, например... Лет триста назад в забытой богом деревне внезапно падала баба на землю, начинала биться, выть дурным голосом... И, глядишь, в другой избе овладели хозяйкой «бесы», в третьей... Иной раз — есть и такие данные — за много километров перекидывалась эта болезнь, через леса, реки, захватывала целый край. А ситуация в малозаселенных районах тогда была в чем-то подобна здешней, астероидной. Изолированные друг от друга, замкнутые общины. Почти никаких новых впечатлений, особенно в холодное время. Монотонная, унылая жизнь.

— Ну, Марина, ты все-таки не заговаривайся! —

сказал Панин, обиженный за предков. — Какая же у нас унылая жизнь?! Ничего себе...

— Извините, шеф, я не то хотела сказать... Просто и на редко заселенных просторах, и в космической пустыне мозгу недостает впечатлений. А ведь мозг-то наш, надо полагать, генетически рассчитан на переработку некоего определенного массива информации. Если ее нет — голод... Неустойчивое психическое равновесие. И тут, Виктор Сергеевич, приходит долгожданная пища — в виде излучения чужого психоза...

— Ага, вот тут я, кажется, тебя, Маришка, окончательно понял! — возрадовался Панин. — Природа пустоты не терпит... Скажем, в большом городе мозг до того загружен впечатлениями, работой, что ему не до слабых излучений. Редко, редко он их принимает, в исключительных случаях! Другое дело — в пустоте, в безлюдье... Чувствительность, должно быть, подскакивает раз в тысячу!

— Вот именно! И достаточно появиться одному какому-нибудь чрезмерно возбужденному, вроде Альгадо...

— Значит, не информатизмы, как мы поначалу думали, — с видом величайшего удовлетворения сказал Тарханов, — а, так сказать, наоборот — «антиинформатизмы»! Любо-дорого... И возразить-то мне, в общем, нечего. — Неожиданно Семен посерьезнел, подобрался в кресле. — Нечего, кроме одного!

Невольно выпрямившись, тревожно смотрели Марина и Виктор Сергеевич на внезапно преобразившегося гостя. Впрочем, почему же гостя? Инспектора. Высокопоставленного проверяющего из Космоцентра. Одного из тех, кто станет решать, быть ли станции...

— Да, биопотенциалы, растекающиеся по астероиду, существуют. И они зарегистрированы, — совсем иначе, чем до сих пор, веско и хмуро заговорил Тарханов. — Я просто не хотел говорить вам об этом, пока не убедился, что вы достаточно подготовлены... И все же в твоей схеме, Марина, есть значительная неувязка!..

Семен, за последние минуты обретший нужную в невесомости плавность движений, повернулся к экрану дисплея. Виктор Сергеевич, охваченный сыщицким азартом, двинул по магнитному полу свое кресло, сел поближе. Марина больше не пыталась отыграть первенство в разговоре. Шутки кончились. Что-то важное стояло за хмурой сосредоточенностью гостя.

Привычно легкими прикосновениями к пульту вычертил на экране зеленую фосфорическую карту-схему астероида. Рядом зажглись строки цифр и символов.

— Видите? У «кольцевой волны» не один центр. Альгадо — только первый по времени обнаружения. Обратите внимание: эпидемией охвачены сегодня три района станции. Шестой буровой комплекс — раз. Нижний ярус лабораторий Главного корпуса — два. И, наконец, площадка солнечной ловушки. Но ведь если считать, что все началось с Альгадо, то есть с шестого, почему «волна» миновала грузовые причалы? Они ведь ближе к буровикам, чем Главный корпус. А уж между шестым и ловушкой — и Главный корпус, и огромнейшая, с большим штатом электроцентральной, и часть служб порта! Не проще ли предположить, что в каждом из трех участков есть собственный источник?

— Человек? — решила спросить Марина.

Семен сначала не понял, потом криво усмехнулся:

— Марсиане на станции пока вроде бы не обнаружены... Давайте решим, кто у нас самый «острый» на шестом? У кого страх, подавленность, злоба в наиболее выраженной форме?

— Пока все тот же Альгадо.

— А в нижних лабораториях?

Марина на секунду задумалась, и подсказал командир:

— Чандра Сингх, врач и биохимик...

— Знаю, — кивнул Тарханов. — Ну-с, а на ловушке кто у нас может претендовать на роль «центра излучений»?

Марина и командир переглянулись.

— Неужели Сикорский? — страдальчески воскликнул Панин. — Бедняга Бен...

— Да нет, Виктор Сергеевич, — нашлась Марина. — Конечно же, это Мохаммед Насими.

— Кто?

— Бульдозерист! Тот, что разгромил склады электроники...

По глазам Семена было видно, что ответ Марины его устраивает. Гость выключил экран и аккуратно поднялся во весь рост.

— Что ж, будем знакомиться... с распространителями! — вполне буднично и, как раньше, беспечно сказал Тарханов.

«...Вам удобно, совершенно удобно... Никаких неудобств, ни малейших... Вы просто не чувствуете своего тела, не ощущаете его. Вы не чувствуете пальцев рук... кистей... локтей... плеч. Вы перестаете чувствовать ступни ног... колени... Вы растворяетесь, исчезаете. Приходит забвение...»

Голос, вкрадчивый и твердый, настойчивый и убаюкивающий, — бархатный голос главного гипнолога космоцентра звучал над ложем Марины. Голос внушал ей, что она абсолютно спокойна, у нее — никаких проблем... Все волнения позади, все удается, в жизни нет ничего, кроме радости. Она отдыхает уже много дней и будет отдыхать еще бесконечно долго... Отдыхать... Спать... Компьютер, настроенный на сеанс гипноза, вместе с записью голоса врача передавал нежную музыку — почти незаметную, ненавязчивую, как шелест леса. По стенам и потолку блуждали, сталкивались мягкие разноцветные блики.

Семен склоняется над постелью Альгадо. В тонком белом мешке (покрывало улетело бы от любого движения) — ладный черноусый молодец с чуть седеющими

висками. Хосе быстро поправляется. Выглядит хоть куда. Полстолетия назад лечение заняло бы не один месяц. Шутка ли — перелом трех ребер, раздробленная тазовая кость, разрывы брюшины! Даже теперь, при наличии банка «запчастей» с гарантированной совместимостью, мощных тканевых стимуляторов, постоянного контроля киберустройств, заживление идет не так уж гладко. Но лечащий врач обещает: через неделю Хосе уже будет расхаживать по госпитальному залу-тренажеру, где «тяготение» мало уступает земному. Затем еще семь-десять дней, и можно приступать к работе...

— Нельзя, — упрямо говорит Альгадо, глядя мимо лица Семена, мимо Марины, на синеватый кристалл плафона. Ему плохо дается английский, и это еще больше раздражает злосчастного бригадира. — Не пойду... не буду работать. Я знаю, имею право... когда болен... не буду платить... платить...

— Неустойку, — подсказывает Тарханов. Он сейчас бесконечно добродушен, терпелив и мягок, с его лица невозможно согнать выражение ласкового участия. Этакий великан-покровитель, полный желания раствориться в ближнем, без остатка отдать себя слабому...

— Да, неустойку... Вы меня здесь не удержите, с вашими... вашими... — Альгадо, нехорошо сверкнув глазами, прибавляет несколько слов по-испански и отворачивается.

— Фокусами, — так же смиренно подсказывает Семен. — Да мы, в общем, и не собираемся вас удерживать... Вот вылечим, и вам самому не захочется отсюда улетать.

— Вылечите? — Бригадир вскидывает голову, с ненавистью смотрит на Семена и, очевидно почувствовав боль, обессиленно падает на спину. — Да, вы меня вылечите... Жаль терять такого грамотного парня... Все-таки деньги вложены немалые... Пусть еще потрудится, пока не сдохнет! А тогда мы его в цинковом гробике от-

правим к жене... прямым сообщением, специальной ракетой!

— Ну, вы к нам несправедливы, — с удивительным дружелюбием журчит Тарханов. — Разве командир Панин похож на эксплуататора? Кроме того, вы зря полагаете, что центр космонавтики затратил на вас большие средства. Только зарплата, питание и очень незначительный расход на инструктаж. Слава богу, вы мастер своего дела, монтажник экстра-класса, станция гордится вами... Кстати, где вы так научились вакуумному монтажу? И получили диплом бригадира?

Расчет психолога был верен: простая финансовая выкладка, и несколько слов восхищения подействовали на простодушного Альгадо. Он ответил еще ворчливым тоном, но уже намного спокойнее:

— Был на американской орбитальной платформе «Джефферсон», собирал ремонтные доки... Ну, еще варил антенны мирового спутника — телетранслятора... Диплом получил на полигоне в штате Юта.

— Видите, как здорово, с вашим ли опытом так расслабляться после случайной аварии! Будете собранней, только и всего. Кстати, — тут Семен стал совсем сахарным, — я мог бы оказать вам одну услугу, на это моей власти хватит... Хотите — пошлю корабль за вашей женой? Пусть поживет здесь неделю, две... поухаживает за вами!..

— Не захочет, — вздохнул Хосе; был он отходчив, как и полагается столь пылкой натуре, и уже с полным доверием взирает на важного чиновника с Земли.

— Почему? Разлюбила, что ли? — В голосе Семена прозвучала нотка мужской солидарности. — Вот увидит вас здесь, в госпитале, сразу отгадет. Сердце не камень!

— Не в этом дело... Эстрелья не полетит, я ее знаю. Боится.

— Странно. Сейчас это совершенно безопасно, комфортно, да и расстояние пустыковое!

— Космоса боится, — прошептал Альгадо. — Недав-

но стала бояться. А я — здесь, не могу даже приструнить. Подружки ее затаскивают на собрания к этим... сектантам, что ли... — Бригадир наморщил лоб и проговорил с величайшим презрением: — «Общество Адама»!..

«...Вы отдохнули, полностью отдохнули, — как никогда в жизни... К вам возвращается ваше тело... Мышцы упруги, руки и ноги полны силы, во рту свежо, голова ясна... Вы никогда так хорошо себя не чувствовали! Хочется работать. Вы можете сейчас свернуть горы!..»

Тускнеет пляска света, переливающихся многоцветной сетью бликов и фигур. Пелена, окутывавшая сознание, тает как туман. Голос главного гипнолога бодр и звонок, он велит проснуться, вскочить, радостно ворваться в жизнь. Сеанс окончен. И сразу же отчетливо, во всем разнообразии выстраиваются факты опроса больных. Образуют стройное единое сооружение, увенчанное бесспорным выводом. Что за чудесная штука — гипнотерапия! Действительно, голова работает вдесятеро лучше, чем обычно...

А если внушать под гипнозом нечто мрачное, злобное; опустошенность души, ненависть к миру, к собственной работе?

Нет, нет, еще раз, по порядку...

Хосе Альгадо, честный парень из Венесуэлы, великолепный специалист-монтажник, появляется на астероиде с исключительно простой целью — привезти как можно больше денег. У Хосе — неработающая жена, двое малышей, престарелые родители и куча родни, которой тоже надо помочь. Итак, стимул для ухода в космос достаточно однозначный и мощный. То же самое касается и бульдозериста, Мохаммеда Насими, сына и внука нищих феллахов, многодетного отца. Третий «центр излучения», Чандра Сингх, фанатик науки. Все

трое вступили на суперстанцию без малейших колебаний. Все трое — проверенные, испытанные работники: их психическое равновесие вне сомнений. Действие пустоты и невесомости, мертвых пейзажей астероида? Но вокруг множество куда более слабых людей. Та же фру Энгстрем. Юнцы с электроцентрали. Шестидесятипятилетний Антон Корчак, библиотекарь, правдами и неправдами добившийся места на станции. Все они здоровы, веселы и вполне работоспособны. Значит...

...Значит, существует некий «фактор икс», влияющий выборочно. Трое подвержены «фактору икс» — Альгадо, Насими, Сингх. Лица, находящиеся в радиусе примерно ста метров от них, получают «опасную дозу» биотоков большого мозга. Сначала падает настроение, затем — трудоспособность; наконец человек приходит к порогу душевного заболевания...

...Как остроумно разъяснил Семен механику этого воздействия! Они там, на Земле, нашли разгадку, соединив пути познания, традиционные для Востока и Запада; аппаратный эксперимент и опыт древних корейских медиков. «Излучение» возбуждает чувствительные ядра системы Кенрак, — той самой «четвертой», энергораспределительной системы человека, которая обеспечивает успех иглотерапии. Давно известно, что ядра эти, или тельца Ким Бон Хана, обладают способностью аккумулялировать электроны. Вероятно, одни центры Кенрака принимают бионизлучение, кодированное положительными эмоциями. Другие ловят «волны» невроза, страха, агрессивности...

...Не отвлекаться! При чем здесь Кенрак?.. Воистину профессиональная ограниченность. Сейчас надо быть не столько врачом, сколько следователем...

Незаметно для себя Марина встала с кушетки. Походив бы по кабинету, ритмом шагов «завести» себя, подхлестнуть мысль — не позволяет притяжение... Того и гляди, с размаху влипнешь в стену. Сесть за стол, расслабиться. Вот так. Можно «рисовать» что-нибудь на

экране терминала. Цветы, пчел. Соты для пчел. Геометрические фигуры.

...Итак, примем пока что вариант гипноза. Сознательной злой воли. Это уже сдвиг. Можно понять таинственность Тарханова...

Предположим, что на Земле, перед отправкой на станцию, кто-то нечувствительно ввел в психику Альгадо, Насими и Сингха программы чудовищных фобий. Современная медицинская техника — электростимуляция, химиотерапия, — позволяет творить и не такие чудеса. Или даже проще — «программисты» выявили у каждого из трех следы подлинных житейских трагедий, тлеющие угольки боли и создали в мозгу некие пусковые механизмы, включатели. Гипнотический «пароль», пробуждающий фобию, может быть каким угодно. Самое безобидное словосочетание, игра красок, музыкальная фраза...

Стоп! Этот сигнал должен быть сугубо неземным. Из числа воздействий, имеющихся только на астероиде. Иначе фобии сработали бы еще перед отправкой, и троица «запрограммированных» никогда не попала бы на станцию. Что же это? Что? Может быть, в самом деле, набор специфических признаков: чернота, масса не по-земному густых и ярких звезд, невероятная легкость, тиски скафандра, резкие линии скал, не смягченные водой и ветром?

— Вряд ли. В таком случае программы сработали бы в первый же день. Поскольку в начале пребывания новичков на астероиде, в адаптационный период, контроль особенно строг — Марина моментально выявила бы нарушения...

Следовательно, сигналы, пробуждающие страх и злобу, подавленность и истерическое нетерпение, начинают поступать не сразу. Возможно, очаг разжигается постепенно, день за днем... День за днем... Пока не наступает критический скачок. Снятие барьера...

Помоги, машинная память!

Она решительно стерла с экрана бессмысленные разноцветные узоры и набрала личный код Альгадо. Компьютер получил задание: выстроить по всем имеющимся данным картину того самого злосчастного дня седьмого апреля, когда бригадир чуть не навлек на себя гибель. В какие часы и минуты Хосе показал наименьшую производительность труда? Когда именно начался его странный припадок?

Подумав, Марина дала команду перенести все кривые на карту режима дня монтажников.

Стремительная машина не заставила себя ждать. Наряды на выполнение сменных заданий, «рапортички» диспетчера Нуньеса, видеозапись разговора с Эстрельей, меню завтрака, показатели утреннего психобиоконтроля — все это и многое, многое другое было молниеносно перемешано в недрах процессора. Еще несколько секунд, и по экрану разбежались под прямым углом линии координат...

Но тут задребезжал зуммер, нарочито немелодичный, чтобы легче было переключать внимание на разговор. Она резко повернулась вместе с креслом, готовая отчитать непрошеного абонента.

Из рамы видеофона пухлой рукой помахивал ей розовый, с пушистыми седыми усами начальник электроцентрали доктор Томас Карр, тоже, кстати, астероидный «патриарх», на пороге седьмого десятка, сентиментальный, наивный и невероятно смешливый. Карра называли не иначе, как «Санта-Клаус».

Сердиться на Тома было выше сил человеческих. Даже Панин, начиная делать ему выговор, через две фразы махал рукой и говорил: «Ну что с вас возьмешь?» Потому Марина лишь вздохнула и изобразила самое добродушное внимание.

— Мэриан, я посоветоваться... Не помешал?

— Выкладывайте, Том, — кратко сказала она. —

Если кто-нибудь когда-нибудь обидится на вас, я сочту этого человека безнадежным психом и отправлю на Землю.

Разумеется, он прыснул в ладонь, долго боролся со смехом и выложил, наконец, свое дело:

— У меня новый монтер, детка. Некто Мартенсар, двадцати двух лет от роду.

— Помню. Он же еще в адаптационном...

— Вот именно, детка. И очень переживает, что не может «хоть часок» поговорить с матерью. Прямо болезненная любовь какая-то; словно один из них завтра умрет! Я, конечно, понимаю, порядок есть порядок, но... как бы парень совсем не расклеился. Сделаем для него исключение, а, детка?

Марина смотрела на серебристые баки Карра. Смотрела сквозь Тома. В ее сознании лопались некие путы. Отступала многодневная тяжесть. Даже в носу защекотало от предчувствия важного открытия...

В период адаптации свободные переговоры с Землей запрещены. Только краткие радиодialogи под надзором инструктора: прибыл, жив, здоров. Установлено, что в эти нелегкие дни любое постороннее возбуждение может нарушить приспособительный процесс. А жены, матери, дети подчас проявляют свои чувства так бурно... Поэтому в первые десять-двенадцать дней новичка к видеофону не подпускают.

Так. Во время адаптации видеосеансов нет. Потом они появляются. А что, если...

— Минуточку, Том, — пролепетала она. — Ради всего святого, одну минуту! — И, сразу забыв о Карре, вернулась к терминалу.

График словно хлестнул Марину по глазам. Припадок Альгадо начался вскоре после разговора с женой Эстрельей.

«Фактор икс» — видеосвязь с близкими?! Нет уж, слишком это неожиданно, неправдоподобно, просто дико! Взрывать душевный осадок, застойную муть памя-

ти... и чем же? Родным голосом, глазами любящего человека?!

Проверить. Немедленно проверить. Она не имеет права делать окончательный вывод на основе столь скудных сведений. Только эксперимент. Но не над несчастными же Альгадо, Насими или Сингхом. Не исключено, что этот Мартенсар тоже «бомба замедленного действия». Его ненормально острая потребность в долгих разговорах с матерью может свидетельствовать о накрепко внедренной мозговой программе. Нет сигнала — подсознательная тревога! Любыми путями добиться видеосвязи...

..Очередной карточный домик. Даже если подозрение справедливо, разовая проверка не даст яркого результата. Не столь, вероятно, глупы «программисты». Однако сверхчуткие приборы должны обнаружить отклонение...

— Все в порядке! — с наигранным кокетством, сверкая улыбкой, обратилась она к «Санта-Клаусу». — Разве я могу отказать такому кавалеру, как вы? — И, подождав, пока Том отсмеется, как бы невзначай добавила: — Он справится с тонкой работой, ваш Мартенсар?

— Так он же как раз электронщик, детка, всякие реле, коммутации...

— Пришлите его ко мне. Я его тут успокою, а заодно он нам малость поможет.

— ...У меня есть к вам важное дело, Жюль... вы ведь позволите мне так вас называть?

Он задержал руку Марины в своей лишь на несколько секунд дольше, чем требовалось для пожатия, но Стрижова многое прочла в душе молодого человека, стоявшего перед ней. Мартенсар был возбужден и впечатлителен, как ни один из работников станции. Он уже почти влюбленно смотрел на Марину — изящный, подвижный паренек с черными горячими глазами. Черты

его лица были мелковаты для мужчины, но соразмерны.

— Разумеется, мадемуазель: ведь мы, несомненно, одногодки?

Марина скромно опустила ресницы.

— Вы мне льстите, милый Жюль... Садитесь. Кофе? Увы, я готовлю его, вероятно, хуже, чем в парижских кофейнях!

— Из ваших рук я бы выпил даже яд...

Ловок. Несмотря на молодость. Конечно же, единственная постоянная его привязанность — к матери. Может быть, нет никаких «программ» в этом нехитром мозгу? Просто юноша, почти мальчик, через несколько дней разлуки соскучился по маме...

После кофейной церемонии, сопровождавшейся множеством новых комплиментов со стороны Жюля, Марина решительно приступила к делу. Мартенсар так и остался сидеть за столом, посасывая «грушу», а она достала из шкафа модуль малой диагностической машины — пластину, на которую следовало «наживить» крошечный квадратик интегральной схемы и тончайшими платиновыми волосками срастить его затейливым печатным узором. Машина работала прекрасно: никакой срочности в сборке нового модуля не было. Однако Марина расписала работу как сверхспешную и крайне ответственную. Будучи новичком на астероиде, он польщен таким доверием, сообщил Мартенсар. Он выложится и превзойдет себя, чтобы угодить прекрасной даме. Но если мадемуазель хотя бы намекнет, что в этом поручении сказалась личная симпатия к нему, Жюлю, — он просто совершит чудо...

Мартенсар продолжал галантный щебет, прильнув к микроскопу и работая тончайшим паяльником. К рабочему столику были подведены рецепторы большой машины, каждое движение Жюля анализировалось. Впрочем, Марина могла оценить мастерство новичка и на глаз, ибо все, что происходило под микроскопом, отра-

жалось в раме телеэкрана. Мартенсар был подлинным виртуозом. Иные на астероид не попадали...

Щедро расхвалив юношу, Стрижова оглянулась по сторонам с видом заговорщицы и вдруг прошептала:

— Жюль!

Он оторвался от окуляра; по нервному лицу мастера пробежал радостный трепет.

— Жюль, доктор Карр говорил мне, что вы... очень хотели бы поговорить по видеофону с вашей матерью.

Сразу сильно побледнев, он подался вперед и несколько раз энергично кивнул.

— Не двигайтесь резко, иначе взлетите! Вас предупреждали, что такие переговоры во время адаптации запрещены. Но, судя по вашей работе, обстановка астероида на вас влияет мало, за это я, как врач, могу поручиться...

— Нет, просто ваше присутствие... то, что вы рядом... — попробовал было Жюль вернуться к языку комплиментов, да так и сник, недоговорив. Он уже едва замечал Марину. Он лихорадочно ждал разрешения на переговоры.

— ...Итак, вы понимаете, что я хочу вам помочь. Сделать исключение. Говорить с Землей можно прямо отсюда, у меня персональный канал. Надеюсь на вашу скромность, Жюль. Иначе вы причините мне огромные неприятности...

Он прижал ладонь к сердцу и сделал движение, словно желая упасть на колени. Выскользнул из кресла, забарахтался в воздухе. Легким отработанным толчком Марина вернула его на место, придержала:

— Спокойнее, Жюль. Вы нам нужны живым.

Семен покосился на светящийся циферблат настенных часов; прикрыл огромной ладонью сладкий зевок и вновь скрестил руки на груди. Он, Панин и Марина сидели перед пультом центрального поста связи. Купол

зала изливал мягкое сиреневато-розовое сияние. По средневропейскому времени, был час рассвета.

— Вы, медики, ко всему привычны, — проворчал сонный командир и надолго припал к «груше» с чаем. — А вот мне в этом чудится некая подлинка. Смейтесь, смейтесь! — прервал он себя, хотя никто даже не улыбнулся. — Накачивать какой-то чушью мозг совершенно незащитного, спящего человека... Могут ли низменные средства вести к благородной цели?

— Старый спор, — отмахнулся Семен, не сводя глаз с главного экрана. Там, в полумраке бокса-изолятора, метался в белом мешке, хрипел Мартенсар. Волосы его спутались, прилипли ко лбу.

Марина показала на высокие зубцы энцефалограммы. Они плясали на одном из маленьких экранов, подобно языкам бледного пламени. Судя по отчаянному взлету пиков, мозг Жюля был охвачен настоящей горячкой.

— Пока — этот человек незащищен, — сказала Марина. — Но скоро он проснется.

Стрижова уговорила Жюля провести ночь в изоляторе, под контролем медицинских приборов, якобы для «очистки совести»; чтобы определить, не повредил ли новичку противозаконный разговор с матерью. К темени Мартенсара были прикреплены электроды. Повинуясь бесконечной «кольцевой» программе, машина бомбардировала мозг спящего повторяющимися сериями импульсов. На язык импульсов, электрических сигналов, был переведен сегодняшний разговор Жюля с матерью. Пять, десять, двадцать раз подряд говорил и выслушивал во сне юноша все те же фразы; видел суетливую, словно птица, моложавую мадам Мартенсар, снова и снова утирающую слезы, снова и снова рассказывающую о проделках младшей дочери, о листопаде и дождях... Время спрессовывалось. За считанные минуты налаживались и крепились нервные пути; в противном случае прокладка их затянулась бы на месяцы. Эксперимент, поставленный Мариной днем, показал: после ви-

деосеанса Жюль стал работать хуже. Нарушилась идеальная точность пайки. Это могло быть следствием вполне естественного волнения — ведь монтажник так страстно добивался переговоров и сам чуть не плакал, слушая мать. С меньшей вероятностью мог, пока что робко, проявиться «фактор икс». Ждать естественного развития событий, постепенного снятия «барьера» — означало губить станцию. Потому Марина предложила форсированную проверку. Если Мартенсар здоров и не хранит никаких подсознательных сюрпризов, он просто встанет немного ослабевшим, и Стрижовой не составит труда вернуть ему бодрость. Если же в его психике развернется грозная пружина... Что ж! Риск есть, но в острой форме болезнь легче поддается лечению. Панин запротестовал было против «мучительства», но Тарханов, взвесив все «за» и «против», благословил опыт.

Лежа на спине, Мартенсар захрипел, точно от удушья. Руки его поднялись, сжались в кулаки; грудь выгнулась дугой, голова запрокинулась... Так же мгновенно он обмяк, будто растекаясь по своему ложу; лицо его было страдальчески искажено, губы и веки дрожали...

— Он проснулся, — быстро сказала Марина.

Скользнув взглядом по энцефалографу, Тарханов решительно встал.

— Оставайся здесь, Виктор... Между прочим, если мы причиним вред этому парню, слетит не твоя, а моя голова... — И окончил, обращаясь к Марине: — Я должен быть первым, кого он увидит после пробуждения.

— Я с тобой, — тоном, не допускающим возражений, заявила она.

Дверь бокса-изолятора, столь же хрупкая с виду, как и прочие, и покрытая той же причудливой «изморозью», открывалась только снаружи. Марина прикоснулась было к электронному замку, но Семен не слишком

вежливо оттеснил ее. Щит беззвучно скользнул в паз.

— Доброе утро, молодой человек, — протягивая перед собой обе руки, сказал инспектор. — Как спалось на новом месте?

Мартенсар, казавшийся особенно шуплым рядом с Тархановым, стоял перед кроватью, опираясь на массивный стальной сифон. В другой руке его была «груша» с недопитой минеральной водой. Странная, блаженно-хитроватая улыбка застыла на его лице. Он смерил взглядом богатырскую фигуру гостя и, подождав, пока Семен сделает еще шаг, с неожиданной силой метнул сифон.

В жизни своей Марина не видела подобной реакции. Впрочем, Семен, вероятно, был готов к неожиданностям. Он только чуть отклонился вправо; «снаряд» Мартенсара, пронесшись возле самого Семенова виска, ударился о стену коридора. Отскочил, чуть не задев Марину, и стал медленно опускаться к магнитному полу.

Отдача, столь мощная в невесомости, перенесла Жюля через кровать, через столы с приборами, прижала спиной к успокоительно-зеленым обоям. В следующий миг, совершив на диво точный прыжок, Семен всей массой навалился на юношу и выхватил из кармана нечто вроде спринцовки...

— Эфир, — сообщил он Марине, вернувшись и сумрачно глядя на худое распростертое тело. — Вот такая, значит, программа у мальчика...

— Это ты правильно сделал, — ответила она, зажмурившись и прижав лоб к холодному дверному щиту. — Главное, чтобы не начали расходиться его биотоки... Ты представляешь себе «кольцевую волну» магии убийства?!

— Всего тебе, Шерлок Холмс.

— Холмс — это вот она, Маришка. А мы с тобой, Витенька, доктора Ватсоны. Не более!

— Ага. Особенно я. Технарь без воображения...

Семен Васильевич стоял перед входом на вокзальный эскалатор, обнимая сразу и Панина и Стрижову. «Свита» командира, уже попрощавшаяся с гостем, деликатно сгрудилась поодаль. Сменялись световые цифры на табло гигантских часов. Пилоты корабля, на котором должен лететь Тарханов, уже заняли места в кабине; диспетчеры были готовы дать взлет. В санотсеке ракеты лежали на койках Альгадо, Сингх и Насими; в отдельной каюте спал под надзором врача Жюль Мартенсар. Всех их ожидали на Земле медики специальной комиссии. Она была собрана Комитетом по контролю над разоружением — организацией, предназначенной для борьбы с любыми попытками усилить международную напряженность.

Неделю шло обследование четверых индукторов «кольцевой волны» и тех, кто попал в зону ее действия. Все, что удалось извлечь сверхчутким датчикам из памяти Альгадо, Сингха, Насими и накрепко усыпленного (ибо страдания его были ужасны) Мартенсара, — все сложнейшие ритмы биотоков были переданы на расшифровку. Вычислительный центр станции, при своих немалых возможностях, служил лишь скромным транслятором. Объединили усилия сотни мощнейших компьютеров в нескольких странах. И вот нагромождения непонятных величин превратились в стройные формулы... Через несколько недель были выявлены и подробно описаны очаги опасных фобий.

Так явились на свет горькие воспоминания детства бедняги Хосе — будущий бригадир монтажников, одетый в убогое тряпье, день и ночь прислуживал пьяным гостям в харчевне; терпел хозяйские побои, не успевал поесть... Скрыться от обидчиков, навсегда уйти в мир одиночества и покоя — об ином не мечтал подросток.

Так воскресла юношеская драма Чандры. Вопреки законам сансары — круга перевоплощений, которые запрещают самоубийство, он чуть не оборвал свои дни

после того, как отец любимой девушки грубо прогнал его, ибо не желал смещения каст. Тогда-то и зародилось в душе Сингха чувство бесплодности благих усилий, дало первые ростки отчаяние...

Глазами рано осиротевшего Мохаммеда удалось взглянуть расшифровщикам на трупы его родных, изуродованные горным обвалом... Не это ли страшное зрелище встало перед глазами бульдозериста, когда руки его утратили твердость и могучая машина разметала склад?

Жестокие школьные забавы Жюля, — истязание животных, беспощадные драки, — оказались тем слабым звеном памяти, по которому уларил «фактор икс». Сколько раз выговаривала сыну мадам Мартенсар, увещевала его быть снисходительным к слабым! А мальчик с присущим ему упрямством поступал как раз наоборот... Да, нетрудно было тем, «программистам», закодировать вскрытие нужных мозговых очагов Жюля интонационными характеристиками голоса матери!

...С теми было далеко еще не все ясно. Предстояла кропотливая работа. Однако Тарханов счел возможным сообщить командиру и Марине предварительные выводы.

Эстрелья, жена Альгадо, ревностно посещает собрания местной группы «Общества Адама». Амрита Сингх неоднократно пыталась внушить мужу страх перед космосом, рассказывала о своих дурных предчувствиях. Обе супруги Мохаммеда, Халида и Аснат, в разное время ходили на заработки в большой город. С кем они там встречались, неизвестно, но Насими пришлось выдержать целую бурю слез и упреков, когда семейство узнало, что он завербовался на астероид. В салоне же богатой вдовы, мадам Мартенсар, влиятельные члены «Общества» были желанными гостями — так требовала мода...

Связь сектантов Коллинза с разведкой давно доказана. Нетрудно предположить, что «космоборцы» с по-

мощью портативных магнитофонов записали голоса тех, чьи близкие должны были скоро отправиться на станцию. Кто, где и как именно вводил код в четыре мозга, пока установить трудно. Такая операция, сочетающая гипнотерапию, действие химикатов и, может быть, определенных излучений, осуществима лишь в прекрасно оборудованной клинике. Возможно, «программированием» занимаются спецслужбы на базе некоторых западных космоцентров. Если все происходит именно так, вырисовываются контуры некой влиятельной «антиастероидной» мафии. Да, воистину мало еще покончить с гонкой вооружений, чтобы сделать этот мир спокойным.

Когда корабль Тарханова собрал в себя рукав переходного тоннеля и языки бурного бело-фиолетового жара опалили причал, и башня ракеты, взлетевшей не по-земному легко и быстро, обратилась в огненное веретено, а затем в звезду, командир долго стоял, сутулясь и не вынимая рук из карманов, и смотрел в звездную пропасть за прозрачной стеной. Марина взяла его за локоть. Острая жалость переполняла ее, жалость к этому нескладному, с хохолком седеющего вихра, самолюбивому человеку. Вот, теперь ему латать прорехи. Опять исхитряться, лезть из шкуры, чтобы вернуть рабочее настроение подавленным жизнелюбам с шестого бурового, и парням Сикорского, и злосчастливым лаборантам, которых «заразил» Сингх. Чтобы опять воцарились на станции дружба и веселье, добрый азарт любимого дела, и на Земле вздохнули бы с облегчением.

Виктор Сергеевич ловко повернулся на каблуках, светло-голубыми мальчишескими глазами хитро взглянул на Марину и, сделав непонятный энергичный жест, заторопился к выходу. И она поняла, что шеф уже принял решение.

По дороге к дверям вокзального холла он бросил несколько кратких распоряжений своим помощникам. Задержался, взяв за руку доктора Тома Карра. Док-

тор Карр выпучил глаза, глядя на возбужденное лицо командира.

— Слушайте, Санта-Клаус! — проговорил Панин, тыча в синюю молнию на лацкане Карра. — Как вы смотрите на то, чтобы сменить должность? С сохранением той же ставки, конечно...

И тут же, оглянувшись на подошедшую Стрижову, добавил с истинно королевской благосклонностью:

— Мы вас сделаем начальником солнечной ловушки...

— Ну так прощайтесь с ловушкой! — мигом забыв о своем замешательстве, затрясся от смеха старый Том. — Я там таких дров наломаю... от невежества!

— Ничего, дадим толкового зама... Сикорского дадим!

«Санта-Клаус» захлопал ресницами пуще прежнего:

— Какая муха вас укусила, детка? Зачем понижать в должности опытного начальника строительства и ставить над ним такого профана, как я? Вас уволят, а вместе с вами и меня, за соучастие...

— Вот Марина вам все объяснит, — сказал Панин и исчез, а за ним кометным хвостом втянулось в двери все астероидное руководство. Последней смиренно пролетела в своем салатовом комбинезоне фру Энгстрем. Том так и остался стоять с открытым ртом и разведенными руками.

— Давно не видела вас таким серьезным, — сказала Марина.

— Да расскажите же хоть вы мне, наконец, что это за сон в летнюю ночь?! — взмолился, складывая ладони, доктор Карр. — Я вас всегда уважал, Мэриан!

— К сожалению, пока что не могу удовлетворить ваше любопытство полностью, милый Том! — ответила Марина, ибо план Панина стал для нее ясен до последних деталей. — Пожалуй, скажу только одно... В бли-

жайшее время люди веселые, жизнерадостные, с легким характером... да, да, вроде вас... будут нам нужнее, чем самые лучшие специалисты!

— Но почему все-таки ловушка? — чуть не заплакал еще более заинтригованный Карр.

— Потому что там в первую очередь требуется психическая дезинфекция...

Виктор Сергеевич погладил пальцем глянцевого снимок, затем, спохватившись, легонько протер фото платком и вставил в косые прорезы картонного листа. Нет, хороший все-таки обычай вести памятные фотоальбомы! Первую увесистую книжищу подарили командиру к годовщине астероида, вторую, еще более роскошную, голубого бархата с серебряными уголками, завел сам Панин. Выписал из Москвы, из ГУМа. (Потолкаться бы у прилавков. Съесть мороженое возле фонтана... Кажется, заплакал бы от счастья в московской толчее!) Альбом не видеофильм. Его можно перелистывать медленно, возвращаясь, рассматривая каждую страницу хоть по часу. В нем есть патриархальная вещественность. Это — сама история.

Не думал, не гадал никто на станции, что рядом с мужественными фигурами первопроходцев, с «рекламными» снимками астероидных чудес появятся в альбоме и такие исторические документы. Понурый, исхудавший Хосе Альгадо, опирающийся на палку в госпитальном коридоре. Чандра Сингх в руках санитаров, с перекошенным лицом и отчаянными, молящими глазами. Мохаммед Насими — жалкий, недоумевающий, весь в кружочках белковых рассасывающихся пластырей. Наконец, усыпленный красавчик Жюль Мартенсар — совсем мальчишка, с нежной кожей, хрупкой шеей. Только зубы как-то неприятно крупные...

А вот фотографии, сделанные совсем недавно, после того, как был выполнен план «психодезинфекции» асте-

роида, задуманный командиром и так блестяще разработанный Мариной и Семеном. Великолепные ребята — строители солнечной ловушки, преимущественно ангlosаксы и скандинавы, рослые, светлоглазые, с буйными пшеничными гривами и лихими усами. Парни улыбаются во весь рот, обнимая друг друга за плечи. На переднем плане восседают с шутовски-торжественными физиономиями Сикорский и Карр. Рядом столовая шестого бурового, где опять бушует латиноамериканский темперамент, бренчат гитары и обычная астероидная посуда надолго становится летающей...

К предложению Панина поместить в каждый из трех пораженных коллективов станции веселого человека, дабы его эмоции родили «кольцевую волну» с положительным знаком, — к этому предложению Марина прибавила свое, еще более радикальное. Нужно «запрограммировать» несколько хороших реципиентов на антифобии, приятные и радостные воспоминания. Вызывать эти воспоминания с помощью того же «фактора икс», условного ключа. Сигналом может стать мелодия какой-нибудь песенки. Или, еще лучше, бодрый голос диктора, проводящего утреннюю гимнастику. Пусть наши реципиенты получают заряд веселья с самого утра и распространят его в виде «кольцевых волн».

Разумеется, без помощи Тарханова и подвластных ему клиник и лабораторий план был неосуществим. Три дня заняли поиски на солнечной ловушке, в шестом буровом и лабораториях реципиентов с мощными подсознательными очагами добрых, счастливых воспоминаний. (Марина пускалась на всякие ухищрения, от устройства вечеринок, где каждый в порядке игры должен был рассказать о самой лучшей минуте своей жизни, до просмотра оглушительно смешных диснеевских мультфильмов.) Отобрав семь человек, под разными предложениями отправили их на Землю. А уж там, в блоке реадаптации Космоцентра, жителей астероида разлучили; у каждого из них нашли какое-нибудь нарушение

здоровья, требующее немедленного медицинского вмешательства...

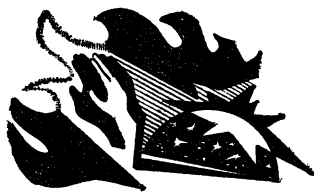
Под личным наблюдением Тарханова семерых усыпили и «запрограммировали». Выйдя из палат психозислужбы, каждый из них за один-два дня справился с пустяковым командировочным заданием. Последовал день отдыха, и реципиенты вернулись на станцию.

«Доброе утро, дорогие друзья! Начинаем утреннюю гимнастику. Встаньте прямо! Ноги на ширину плеч, руки опустите. Первое упражнение. По счету «раз» поднять руки над головой...» Прошло три дня, не отмеченных никакими переменами; пять дней; неделя... Виктор Сергеевич вернулся к дурной привычке детства и от нетерпения стал грызть карандаши; Марина похудела, ходила с темными кругами вокруг глаз, все валилось у нее из рук. Но на восьмые сутки она ворвалась к Панину с пучком бумажных лент и без лишних слов бросилась целовать командира. Впервые за долгое время сблизилась (правда, еще не сошлись полностью) суточные кривые производительности и «обобщенного психофизиологического критерия», то есть личного показателя деятельности. Эпидемия отступала на всех трех участках. Люди работали охотнее, повышалось внимание, возвращалась профессиональная сноровка. Исчезли подавленность, угрюмая злоба, беспричинный гнев; умолкли крикливые перебранки по радиоканалам, и на стол командира больше не ложились нацарапанные в порыве ярости докладные или заявления об уходе. Еще через неделю Международная астронавтическая федерация (МАФ) поздравила Панина с возвращением работ в плановое русло, а Сикорский, вновь превратившийся в добряка, стал проявлять неожиданное внимание к фру Энгстрем. У почтенной дамы вдруг возникло пристрастие к яркой помаде и сложным прическам.

...Славный голубой альбом! Как много еще в нем

пустых страниц с косыми прорезями... Какие снимки вставит завтра Виктор Сергеевич? Деловые? Парадные? Тревожные? Впрочем, командир совершенно уверен: ни одна из грядущих исторических фотографий не доставит ему такого удовольствия, как запечатленный им самим довольно-таки нечеткий портрет смеющейся Марины с лентами самописца в поднятой руке. Ей очень идет смех.

А ниже, сознательно нарушив общий строй альбома, Виктор Сергеевич наклеил коротенькую заметку из «Известий». О международном суде, собранном по инициативе ООН и Комитета по контролю над разоружением. Суду предстояло разобрать обвинение, предъявленное Комитетом «Обществу Адама» и лично его руководителю, Иеремии Коллинзу. Очень нелегкое обвинение. В подстрекательстве вопреки соглашениям последних лет к вражде между государствами. В попытках сорвать столь необходимое миру космическое строительство. Наконец, в организации и финансировании преступных экспериментов над человеческой психикой. Коллинз и его ближайшие помощники находятся под гласным надзором. Террористическое крыло «космоборцев» засыпает юристов угрозами, устраивает манифестации. Подожжено и взорвано несколько зданий в Нью-Йорке, Амстердаме и других городах. Есть жертвы...

Глава III

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

В ясную летнюю полночь, когда океан до самого горизонта мерцает холодным светом, несколько рыбацких лодок спешили к маленькому острову.

Полуголые мужчины, сидевшие в них, изо всех сил налегали на весла. Снасти были брошены на месте лова. Они гребли, надсадно дыша и поминутно оглядываясь. Точно за рыбаками гналось невиданное морское чудовище. Но ведь никакие крупные хищники — и это знали даже маленькие дети — не водились в благоденственных водах родного архипелага. Океан холил своих смуглых питомцев, даруя им все необходимое — от вкусной рыбы, мидий и креветок до семян деревьев, принесенных течениями с берегов далеких земель.

Столетиями дружелюбен был океан, и вот сегодня ночью вдруг заволновался в безветрии под днищами углых лодок. Из глубин, затянутых фосфорическим туманом, донесся глухой рокот, напоминающий ворчание грозowych туч. А затем — мерно нарастающие, мощные раскаты грома...

Рыбаки гребли, напрягая мускулы. Пот катился по бронзовым спинам. Некоторые бормотали молитвы. Капли света срывались с весел, маленькие звездные вихри уплывали, отставая от лодок. Как медленно приближалась призрачная полоса прибоя, и пальмы, словно вырезанные из черной бумаги, и лохматые конусы

крыш! А раскаты океанского грома крепили, и на плетеных мостках деревни уже мелькали белые пятна — покрывала выбежавших женщин...

Острые, как ножи, носы челноков едва успели врезаться в песок, когда у черты горизонта вырвался из моря огненный столб и, обратившись в слепящее бело-оранжевое веретено, поплыл к зениту. Горячий ветер докатился до пальмовых крон. Яростно гремя, океан рождал вторую колонну пламени...

— Куда теперь? — спросил Виктор Сергеевич.

Несколько секунд в вагоне царило молчание.

— Давайте в порт, — не слишком уверенным тоном предложил Глебов. Командир так и не понял, то ли скромничал начальник космической гавани, не желая высказывать вперед других руководителей, то ли, ведая за собой грехи, спешил избавиться от осмотра. Впрочем, Глебов был надежным работником. Трудно поверить, но он летал еще на орбитальных станциях 1980-х годов.

— Ну, в порт, так в порт. Шею помыли, Дмитрий Витальевич?

— А зачем? — как обычно, не понял шутки Глебов.

— Так. Чтобы я не намылил.

По скамьям пробежал смешок. Повинуясь коду, набранному Глебовым на панели, гермовAGON ловко сменил путь и покатился, прогибая стальную нить, под уклон. Навстречу из-за драконова гребня рыжих скал выдвигались острые обелиски тяжелых земных кораблей. Всегда здесь «ночует» пять-шесть «грузовиков» — возчиков ядерного топлива, дежурная ракета Международной астронавтической федерации, транспорты стройматериалов. Собственный стартовый комплекс астероида выглядит совершенно иначе. Вот его-то и надо осмотреть как следует, ибо комиссия там наверняка застрянет.

Скользнув мимо чудовищного бронированного бока

транспорта, вагон завис над краем «корыта», некогда вырезанного лазерами в богатой металлом породе. Углубление размером с городскую площадь, чуть выпуклое в центре согласно закруглению астероида, обладало гладким, будто полированным дном. По тускло блестящему каменному «полу» было расставлено нечто, напоминавшее театральные декорации. Только гигантских размеров.

Да, Земля возлагала на это скромное «корыто» колоссальные надежды. Пожалуй, не меньше, чем на солнечную ловушку. Надежды не только научного, но и экономического характера. Ожидалось, что вот эти восемь пусковых установок — стальные желоба на массивных лафетах, — благодаря ничтожному тяготению сэберегут космофлоту целое море стартового топлива. Ракеты будут взлетать на миниатюрных, буквально игрушечных дополнительных двигателях и ориентироваться в заданном направлении. В ближайшие годы даже такая практика обойдется дороговато, поскольку все необходимое для строительства ракет будет доставляться с Земли. Позднее рядом с «корытом» вырастет завод, строящий корабли из местного, астероидного металла.

Вырастет, если все обойдется. Если даст «добро» комиссия, все эти доки и зубры из МАФ, Космоцентра СССР, национальных служб, института Королева...

За желобами, медленно поднимавшимися и опускавшимися наподобие орудийных стволов (шла проверка механизмов), сгрудились высоченные ажурные стапели. Они-то и придавали площадке вид сцены. Электрические солнца, в беспорядке разбросанные по фермам, покрывали сетью теней гладкий «пол». У подножия стапелей резво ползали ремонтные автоматы — точь-в-точь жуки, вооруженные рогами и жвалами. Порой «жук» с ходу взбирался на решетчатую вышку, начинал копошиться среди балок, зажигал веселую звезду сварки.

Небрежный жест Виктора Сергеевича заставил Гле-

бова послать вагон еще «ниже», сквозь стальной лес, к приземистому куполу командного пункта. Подойдя вплотную, вагон «прилип» люком к черному стыковочному присоску.

Через шлюзовую камеру командир со своими помощниками проследовал прямо к центральному пульту, первым занял кресло. Смотреть по сторонам не хотелось — помещение стандартное, уменьшенная копия главного зала, даже плющи и папоротники такие же, и на потолке нежно сияют перистые облака. Все внимание — смотровому окну, выгнутому, как лобовое стекло огромной транспортной машины. Несмотря на дуговые фонари стапелей, черная «изнанка» окна отражает лица гостей. Панин видел, как Том Карр потихоньку бросил в рот конфету. Сикорский что-то галантно зашептал на ухо фру Энгстрем, но живо отстранился, когда в зал вошла высокая девушка в белом комбинезоне.

Действительно, ее внешность не могла не поразить. Новенькая. Из всего астероидного начальства ее видели до сих пор лишь Панин, Марина и непосредственный шеф — Глебов. Статная и гордая фигура, ореховая кожа, иссиня-черные прямые волосы до бедер, диковатый блеск белков огромных глаз... Дэви. Родом из сказочного Джайпура. Великолепнейший оператор, которого когда-либо видел командир. Индийский космоцентр предложил ее на должность заведующей пусковыми установками. Возражений не было.

...Н-да, у нашего брата, европейца, не встретишь такой гибкой руки. Фантастические пальцы — легкие, необычайно длинные, будто лишенные сочленений. Змеи, а не пальцы. Древняя раса. Ох и проверяла же ее Стрижова! Из чувства соперничества, что ли? Говорит, что напугана историей с «фактором икс» и теперь дует даже на холодную воду. А особенно тревожится, встретив яркую личность. Что там за сюрпризы в психике? Дэви — яркая личность...

Интересно, почему столь явно переживает, хмурится Марина? Ревнует по-женски к красавице или опасается, как психолог, за душевный покой командира?..

Виктор Сергеевич отогнал непрошенные мысли, сосредоточился на стартовой площадке. Вот, подчиняясь еле заметному волнению пальцев Дэви, стрела подъемного крана опускает блестящее тело ракеты. Это всего лишь имитация, габаритный макет для проверки. Но как идеально отработаны все этапы подготовки к пуску! Или все дело в таланте оператора? Магниты отпускают макет, он медленно планирует к желобу. Навстречу уже спешит пусковой рычаг, точно распрямляется нога великана-кузнечика. Прихватив, складывается. Ракета прижата к полукруглому дну. Защелкнулись фиксирующие скобы...

Шелковистые темные пальцы отпрянули от пульта и снова легли на клавиатуру. Дэви предстоит проделать все операции в обратном порядке. А затем с помощью того же макета испытать семь оставшихся «орудий»...

Покуда за окном разыгрывалась пантомима стальных гигантов, Дмитрий Витальевич со своим обычным видом не вовремя разбуженной совы докладывал подробности проекта. Потрясающая экономия (десятикратный, стократный выигрыш в топливе) не только за счет малого притяжения. Отсутствует толстая подушка атмосферы. Вся энергия корабля уйдет на маневрирование в пути, если понадобится, будет использована для посадок на планеты. За счет экономии в течение десяти лет может быть выстроен собственный завод по монтажу ракет; чуть позднее к нему прибавятся плавильные печи, штамповка...

— Репетируете? — с кислым видом перебил Панин. Флегматичный Глебов, пару раз хлопнув веками, простодушно ответил:

— Репетирую.

— Отставить. Меня интересует реальный пуск.

Он видел в зеркале окна, как склонились друг к дру-

гу и зашептались начальники служб. Одна Марина осталась невозмутимой; даже некое удовлетворение промелькнуло на ее лице. И, конечно же, не дрогнула величественно-неподвижная Дэви. Она была готова ко всему.

Глебов так и не проснулся окончательно. Постоял, моргая и держа руки по швам. А затем мешком опустился в кресло и кивнул помощнице.

— Сегодня в восемнадцать ноль три предстоит посылка ядерных материалов лунной базе, — неожиданно высоким и чистым, совершенно бесстрастным голосом сказала Дэви. Ее головка с веерами смоляных ресниц была чуть повернута в сторону командира. — Мы можем осуществить этот запуск сейчас. Позвольте связаться с диспетчерской Луны.

Виктор Сергеевич, пожалуй, только подумал, что надо бы любезно кивнуть и выразить согласие, но пальцы Дэви уже трепетали, посылая запрос лунным компьютерам. Телепатия, что ли? Чудеса факиров... Все. Связь состоялась. Выскакивают на экране терминала строки разрешения.

Во власти странного отрешения, хотя и неизменный внешне, смотрел командир, как магнитные захваты несут красноголовую ракету (знак расщепляющихся веществ) к первому из «орудий». Этот жалкий патрон, на Земле он не поднял бы и метровой модели корабля, эта жестяная трубка, притороченная к боку пузатого снаряда, и есть стартовый двигатель. Складывается лапища «кузнечика», падают скобы... Силуэт ракеты — на маленьком экране обратной связи. Дэви передвигает его в сложном плетении световых линий. Это называется накладывать маску заданной ориентации. «Орудийный ствол» медленно ползет к зениту. Еще несколько секунд, и убран рычаг, разомкнулись захваты...

Тоном, подходящим по крайней мере диктору главного космодрома планеты (если бы таковой космодром имелся), девушка провозглашает:

— Корабль к старту готов.

Глебов дремотно косится на Виктора Сергеевича. И тот, выдержав паузу, роняет с напускной усталой хрипотцой:

— Пуск!

(Неужели охота покрасоваться перед... Да чувствует ли она вообще что-нибудь, красивый робот?)

— Пуск! — повторяет непосредственный начальник Дэви.

Насколько этот чахлый старт бледнее грохочущих, бурно-пламенных земных взлетов! Экономия экономией, но хочется романтики. А тут беглая сизая вспышка из патрона, куда тусклее сварочных звезд. Даже ползущий рядом с установкой «жук» не приостановился, не убрал щупальца. Красноголовая сигара как бы сама собой срывается с желоба и набирает высоту.

Виктор Сергеевич внимательно рассматривал изящную шею Дэви, когда настала пора включить маршевые двигатели. На вопрос Глебова даже не кивнул, а дернул щекой. Не было уже никаких сомнений в высоком совершенстве пускового хозяйства. Беспокоило только неприязненное, упорное молчание Марины. Хотя, признаться, давно уже ни одна женщина не производила такого впечатления на командира. Яркая личность — Дэви...

Международную комиссию не заинтересовали мелочи. Никто не вникал в подробности работы электроцентралей, рудников, солнечной ловушки или тех же пусковых установок. Пожилой президент МАФ — впрочем, державшийся молодцом после тысячекилометрового прыжка, — постоял за спиной невозмутимой Дэви, опираясь на трость. И, равнодушно отвернувшись от ступеней и «орудий», спросил, скоро ли можно будет осуществить запуск с астероида планируемой серии спутников геологоразведки и насколько это дешевле, чем

такой же запуск с Земли. Панин отвечал бойко, сыпал цифрами, а сам так и косился на неестественно прямые плечи девушки, обтянутые белым, на глубокую черноту распущенных волос, на пальцы, как бы независимо от застывшего тела снующие по пульта. Слышит ли она разговор высоких персон, собравшихся в командном пункте? Волнует ли ее близкая минута официального открытия станции?

На выходе Виктор Сергеевич пропустил президента вперед. Хотел уступить дорогу и председателю Комитета по космическим исследованиям СССР, которого в просторечии именовали «наш министр», но, оглянувшись, увидел, что Геннадий Павлович уставился на Дэви...

Она не присутствовала на церемонии подписания акта о приемке; Панин тщетно искал ее за столом, накрытым для торжественного ужина. Царицей банкета была Стрижова. Блистала остроумием, произносила изысканные тосты, танцевала за троих (магнитное «тяготение» в главном зале было доведено до земного уровня) и в конце концов совершенно вскружила голову начальнику космоцентра Мексики. Черноусый богатырь ходил за ней как приклеенный. Марина немилосердно с ним кокетничала и время от времени бросала испытующие взгляды на командира. Ему было забавно и отчего-то немного грустно.

Оканчивался нервозный, хлопотный, зачастую безалаберный, романтический период освоения. Не слишком долгий, но значительный по содержанию кусок жизни. Они уже не робинзоны, не первопроходцы, а работники орбитального комбината, послушные финансовому плану, с четкими штатными обязанностями. И сам он, Виктор Сергеевич Панин, более не командир корабля, плывущего в коварной бездне, а... ну, скажем, генеральный директор. Жаль.

Полномасштабная работа станции началась в день, священный для всей космонавтики, — 12 апреля 20... года. Хлынула на Землю информация метеорологиче-

ская и астрофизическая, пришли транспорты за минералами и сплавами; столб солнечной энергии, собранный ловушкой, коснулся пустыни Казахстана. Еще три-четыре дня, и в порт прибыли первые корабли с курсантами.

Главными тренажерами служили все те же ракеты, подававшиеся магнитной стрелой из ангаров на пусковые желоба. Только системы управления были задублированы. Вторые панели помещались все на том же командном пункте порта, где правили Глебов и Дэви. Если экипаж корабля-тренажера допускал ошибки, вмешивался инструктор с астероида.

На специальном причале, поодаль от прочих, серебристой пирамидой высился корабль «Вихрь-2», предназначенный для новой марсианской экспедиции. Скромно отметив Первомай, старожилы встретили экипаж «Вихря». Прибыло двадцать два человека. По крайней мере полдюжины оттенков кожи — от скандинавской, «кровь с молоком», до кожи цвета благородного эбенового дерева. Мужчины и женщины сложены безукоризненно, не экипаж, а эллинский пантеон, хотя и невелики ростом. До сих пор, особенно в дальнорейсовых кораблях, действует скупой расчет жилого пространства.

Виктор Сергеевич пережил несколько веселых минут, когда новоприбывших расселили по каютам «Вихря» обживать будущий космический дом. С помощью телекамер бродя вместе с Мариной из комнаты в комнату, он увидел, как старательно и часто наивно, стараясь позволить себе хоть маленькую «роскошь» в рамках строгого устава, украшают свой быт космонавты. Каждый стремился увезти в полет дорогую земную мелочь, предмет, по сути, ничтожный, но остро необходимый там, за миллионы километров от родных мест... Бесчисленные простые и стереоскопические фотографии — родители, возлюбленные, малыши, собаки, кричаще-яркие пейзажи. Плюшевые потертые медвежата, флантовые куклы (нередко и у мужчин), мячи, волч-

ки, автомобильчики. Телесно-розовые раковины — чтобы «слушать море». Какие-то совсем уже личные, непонятные чужим сувениры: камешки, лепточки, засушенные цветы. Второй бортинженер прикрепил над сдвижной дверью настоящую лошадиную подкову, тяжелую и ржавую. Впрочем, этот «талисман» в тот же вечер содрал ван Деерт, командир «Вихря-2»: во время перегрузок подкова, оторвавшись, могла стать крайне опасной.

С диковинной астероидной обстановкой молодежь свыклась быстро. Вечерами, после напряженных занятий, будущие «марсиане» разбредались по жилблокам новых знакомых. Разумеется, каждый искал общества соотечественников. Виктор Сергеевич встретил посредни коридора Дэви в компании стройного красивого индийца, одного из двоих медиков «Вихря». Они шли на порядочном расстоянии друг от друга, с безмятежно-спокойными лицами, однако Виктор Сергеевич нутром почувствовал тесную близость этой пары... Несвойственное возрасту, снисходительное добродушие восточных мудрецов проступило в их легких улыбках, но поклон командиру был безукоризненно почтительным. «Дождь-лась», — с досадой подумал Панин, отвечая на приветствие.

День у всех курсантов и космонавтов был наполнен до отказа. Условное утро заставляло новичков в теоретических классах. Общее знакомство с устройством станции, техника безопасности, расчет астероидного пуска. Затем начинались прогулки по скалистой крошечной планете, над туманно сияющим, величавым куполом Земли. Путешествовали, держась за натянутые канаты; перепархивали с помощью ранцевых сопел, укрепив на скале страховочный фал. Прыгали с крыши мчащегося гермовагона. Несколько человек получило ушибы и ранения; одного поймал ракетный катер километрах в пятидесяти от астероида, неудачливый курсант сам уже сделался спутником... Ходили экскурсиями на промыш-

ленные комплексы, в обсерваторию, машинный зал. Позанимавшись головоломной гимнастикой на снарядах стадиона, снова садились за теорию, штудировали звездные карты, возились с курсографами, отрабатывали космическую связь. На занятиях по связи радиостанция астероида не скупилась на «магнитные бури» и помехи.

Основное внимание уделялось, конечно же, тренировочным полетам. «Орудие» выбрасывало ракету с очередным экипажем; пока хватало топлива, в радиусе двух-трех тысяч километров от станции шли репетиции сложных маневров, движения в инерционном и активном режиме, облетов чужого корабля, стыковки... Панин самолично инструктировал рейсы «Вихря-2»: сидел за дубль-пультом, руководил полетными экспериментами, добивался точности фигур «высшего пилотажа». (Так назывались труднейшие манипуляции, например, ручная бесприборная стыковка или управление кораблем при связанных руках пилотов, через усилители биотоков мышц.)

В конце мая был назначен последний перед уходом к Марсу испытательный запуск «Вихря-2». Кораблю предстояло проделать несколько орбитальных витков, а затем совершить облет Луны и возвратиться обратно. В программу входила имитация ремонтных работ в открытом космосе — сварка на поверхности корабля.

Этим утром Виктор Сергеевич опять восседал в одном из кресел портового командного пункта. Справа от него что-то быстро нашептывала в «записную книжку» — карманный магнитофон — несколько осунувшаяся Марина. Забот у нее в последний месяц, конечно, поприбавилось. Но зачем же все-таки стягивать волосы таким небрежным «хвостом», и пренебрегать косметикой, и отделываться в беседе односложными «да» и «нет»?

Командир, после давешней встречи в коридоре запротививший себе засматриваться на Дэви, переводил

взгляд с колоссального корпуса «Вихря» к экрану внутреннего телевидения. Там букетом сочных красок пестрела первая комната шлюза, космонавты прозвали ее «предбанником». Вихревцы сидели вокруг полированного стола: на каждом из двадцати двух был скафандр иного цвета. (В тон коже и волосам подбирали, что ли?) Золотистые, алые, лазоревые, стальные костюмы; костюмы цвета незрелого лимона, изморози, кожуры граната... Это не игра и не дань капризу вкуса. Цвет скафандра — дополнительная примета, все равно что позывные. Он даст возможность различать членов экипажа издали, а также если откажет радио...

— Сообщите готовность, — флегматично просит (именно просит, а не приказывает) Глебов. Можно подумать, что он интересуется погодой на дворе.

Голос ван Деерта:

— Готовность первая.

— Понял. Даю разрежение.

Затем начальник порта принялся вяло касаться кнопок и тумблеров, время от времени сообщая степень разрежения в шлюзе: «Один... Два... Три...» Отличный, редкого старания работник, а вот манеры раздражают. Нет, нет, не смотреть в сторону Дэви, не отвлекаться...

На счете «шесть» в скафандрах сработала автоматика. Опустились забрала гермошлемов. Чуть заметно для глаз надулись рукава, плечи.

— Норма, — проямлил Глебов и уставился не мигая на командира.

— Открывайте шлюз! — нарочито официальным тоном скомандовал Виктор Сергеевич.

Стена расплзлась в разные стороны, точно разошлись лепестки диафрагмы фотоаппарата. Экипаж переходит в шлюзовую камеру.

Еще одна преграда раскрывается черным цветком. Сверкает усыпанная мелкими камешками, залитая неистовым солнцем равнина. Шагах в тридцати от шлю-

за — циклопические опоры «Вихря», стальной трап, ведущий к подъемнику.

С точки зрения техники, не составляло труда подстыковать «Вихрь» прямо к командному пункту. Дотошная Марина предложила иной вариант. Решили для добавочной психологической подготовки заставить экипаж прогуляться пешком, держась за фал, протянутый от шлюза до трапа.

У самого выхода на космодром случилась непонятная заминка. Первым должен был следовать вдоль фала командир ван Деерт. Но его, вернее, безликую темно-вишневую куклу, буквально оттолкнул другой, бархатно-лиловый космонавт.

Немилосердно коверкая английское произношение, в зале командного пункта раздался сдобный голос ван Деерта:

— Докладываю руководителям полета. Врач Рам Ананд предлагает изменить порядок прохода к кораблю. Ссылаясь на некую медицинскую необходимость, просит разрешения проверить маршрут в одиночку.

Командир «Вихря-2» славился традиционным голландским благодушием и редкостной невозмутимостью. Он так и представлялся Виктору Сергеевичу розовощеким крестьянином со старой картинки, стоящим, дымя трубкой, на фоне ветряных мельниц. Ван Деерта ничто не могло вывести из равновесия. Панин только поежился, вообразив на секунду, как бы он на месте командира шуганул этого Рама Ананда. Только перья бы полетели...

И он уже склонился к микрофону и открыл рот, чтобы язвительной репликой одернуть голландца. И спокойный Глебов наершился, ожидая железных звуков начальственного разноса. Но в это мгновение — как знать, случайно ли? — Виктор Сергеевич оглянулся на Дэви.

«Робот» преобразился полностью! Отвернувшись от пульта, девушка смотрела на Панина огромными, цве-

та черной бронзы, умоляющими глазами. Огоньки подозрительно дрожали в темноте ее зрачков, и руки вздрагивали, точно стремясь соединиться в жесте страстной мольбы. Если может лицо человека внятно говорить, лицо Дэви кричало: «Не мешайте Раму Ананду!»

Командиру астероида стало страшно, как если бы он чуть не совершил некое преступление. Черт их разберет, может, и впрямь эти йогини посвящены в тайны, недоступные нашему брату технарю? Ее глаза просто давят, из них исходит обволакивающий и властный поток. Не устоять... К добру ли?

Панин почему-то не сомневался, что к добру.

— Хм... Питер, — несколько неуверенно начал он, — я думаю, что у врача есть основания... в конце концов, мы можем допустить такое ничтожное отступление от устава... Пусть идет, если хочет!

Краем глаза Панин заметил, что Дэви отвернулась, и взгляды ее, снова сухой и вполне «операторский», устремлен на поле. И все же какая-то особенно теплая волна коснулась напоследок нервов Виктора Сергеевича. Печальная, смиренная благодарность. Или это показалось?

Он опасливо покосился в другую сторону.

Стрижова сидела, жестко прищурившись; желваки ходили под тонкой кожей. Все заметила — и колебания командира, и его немой диалог с Дэви... Ему захотелось сказать Марине что-нибудь ласковое. При всей чуткости начальника психофизиослужбы в данном случае тревога ложная. Не из «личной симпатии» к странной девушке нарушил Виктор Сергеевич устав, а потому, что учуял потрясающую важность происходящего в эти минуты перед шлюзом...

Лиловая фигурка неторопливо, осторожно и ловко движется вдоль почти невидимой нити фала. Вместо положенной правилами цепочки разноцветных космонавтов с командиром во главе (передний упустит фал —

задние помогут не улететь) — одинокий «пешеход». Перехват, еще перехват...

Вот он уже на ступенях трапа. Взялся за поручень, шагнул... И вдруг разжал пальцы. Инерция последнего шага смешно задирает ноги Рама Ананда; кукла поворачивается вниз головой и начинает беспомощный, медленный подъем...

Врач не «гребет» руками и ногами, как обычно делают люди, внезапно преданные невесомостью, падающие в пространство; не включает он и ранцевых ракет.

Будто сразу обессилев, сламывается, склоняет голову к пулту Дэви.

В зале командного пункта поднялась суматоха. Что-то бубнил в микрофон всполошившийся Глебов; Марина тащила Виктора Сергеевича за рукав к дисплею компьютера медконтроля, выстроившему ряды нулей, — информация о состоянии Ананда в машину не поступала. Целая стая космонавтов-вихревцев — алый, желтый, бирюзовый — вылетела, всюю стреляя соплами, из шлюза, подхватила нелепо растопыренную куклу где-то на высоте «Вихря»...

Ананда только-только внесли в зал, как Панин понял, по его собственному позднему выражению, «слишком много — и не хотел бы я этого понимать...» С врача лихорадочно сорвали шлем, расстегнули нагрудник. Уже колдовали над телом дежурные астероидной «Скорой помощи», лепили на кожу присоски датчиков, отбрасывали опустошенные шприцы, — Панин все так же стоял, привалившись к дисплею и засунув руки в карманы. Лишь он да Дэви остались внешне спокойными. Девушка опустила на колени перед соотечественником и так мягко и решительно положила руку ему на лоб, что отстранились даже хлопотливые медики. А потом, не то определив состояние Рама Ананда, не то попрощавшись, встала и ушла прочь из зала.

— Разгерметизация скафандра, — сказала Марина, снова оказавшись рядом с командиром.

Виктор Сергсевич кивнул. Он не спрашивал больше ничего. Разгерметизация могла привести лишь к одному результату.

Оттаяв, скованное космическим морозом лицо Рама покрылось каплями, на щеках проступила синева. Он казался совсем юным, хрупким и беззащитным; скафандр, будто бы не по росту просторный, раскрытой рачьей скорлупой обнимал острые плечи.

— Первый, — нарушил молчание Панин.

Эксперт рапортовал по-военному четко. Этот совсем еще молодой человек, выросший в эпоху разоружения, держался с суровым достоинством. Виктору Сергеевичу нравились такие люди, он смотрел на них с некоторым благоговением. Реакцию министра было трудно определить. Геннадий Павлович сидел в глубине кабинета, за полированным столом, огромным, как бильярдный, а свет плафонов был приглушен, ибо приходилось смотреть диапозитивы.

— Итак, мы видим, что разгерметизация произошла, поскольку открылся щиток гермошлема, — говорил эксперт, тыча световой указкой в соответствующее место изображения. — Заккрытие шлема происходит автоматически, когда падает давление окружающего воздуха. Ну а поднять щиток можно двумя способами. Либо нажатием кнопки — вот здесь, на левом плече. Либо дистанционно, радиосигналом. Кнопку космонавт не нажимал, это подтверждено видеозаписью. Следовательно, кто-то со стороны послал кодированную команду.

Министр заерзал, откинулся в кресле. Люди, сидевшие под стенами кабинета, — директор скафандрового завода, электронщики, важные работники Космоцентра, представители международных организаций, — обменялись быстрым шепотом. Только Игорь Петрович Волновой, руководитель отряда космонавтов, сидевший несколько поодаль от всех, сохранял полное спокойствие.

С Волновым Виктора Сергеевича связывала старая дружба. Она началась еще при подготовке к полету на Марс. В то время Волновой руководил Центром управления полетом первой марсианской экспедиции.

«Опять детектив, — тоскливо подумал Панин. — И на сей раз крупновато для Коллинза и его присных. Те на прямое убийство не пойдут».

— Как вам известно, мы затребовали на Землю все скафандры, предназначенные для корабля «Вихрь-2», и тщательно их проверили. В каждом костюме этой марки имеется внутренняя антенна... вот она, в слое поверхностной ткани... Но согласно конструктивной схеме антенный отвод оканчивается овальной бляшкой у локтевого сгиба. А в скафандрах серии, предназначенной для «Вихря-2», проводок тянется до кисти руки и оканчивается разветвлением на ладонной поверхности перчатки. В этом самовольном изменении конструкции, наверняка сделанном на заводе, можно предположить преступный умысел. — Эксперт заложил большие пальцы рук за лацканы пиджака и сделал паузу. — Возможно, это было сделано для увеличения дальности приема сигнала...

— С какого же расстояния он был, по-вашему, послан? — быстро спросил кто-то из угла.

Эксперт покачался на каблуках, взглядом словно поискал ответа за глухими шторами окон и ответил веско, как и положено серьезному киногерою:

— Антенна слабая. Даже с этой добавкой дальность приема не более пятидесяти километров. Так что виновник никак не на Земле... Скорее всего... гм... на самой станции.

В эти секунды Виктор Сергеевич видел только лицо «нашего министра». Точно из тьмы выступало немного обрюзгшее, массивное, львиное лицо. В его глазах читалась холодная, сосредоточенная решимость. Сейчас

он обдумает формулировку, а затем скажет нечто бесповоротное, незыблемое, как резьба по камню. Скорее всего это будет приказ свернуть работы на астероиде. И начнется расследование.

Несмотря на смятение, Панин невольно отметил горький юмор ситуации. Действительно, в условиях орбитального острова наяву повторялась схема классического детектива, как у Агаты Кристи. Преступление, совершенное в изолированном участке пространства — мчащемся поезде, плывущем пароходе, в доме, отрезанном снегопадами от всех дорог. Строго ограниченная группа действующих лиц. Стопроцентная уверенность: «Убийца среди нас, леди и джентльмены!» Азартная интеллектуальная игра...

Да, в мире вымышленном это походит на игру, а на родном астероиде — трагедия. Ну как же можно подозревать всех подряд? Милых, честных, самоотверженных людей? Допрашивать «Санта-Клауса» — Тома Карра, или бедняжку фру Энгстрем, или увальня Глебова, или... не приведи господь, Марину! Марину же будут допрашивать, искать неувязки в ее словах, ставить ей логические капканы. Какое тяжкое оскорбление!

...Наверное, он не прав. Ну, конечно. Он пристрастен, а потому вреден делу розыска убийцы. Пусть все идет своим чередом. Не ему, дилетанту, вмешиваться в столь ответственную область.

...Сердцу не прикажешь. Больно за любимую станцию, за всех больно... Глебова будут расспрашивать, Сикорского.. Дэви...

Дэви! Вот кого, вероятно, стоило бы допросить в первую очередь. Он, Панин, не решается рассказать о ее странном безмолвном контакте с Анандом, о просьбе не мешать врачу, высказанной буквально телепатически за несколько минут до гибели Рама... Нет, конечно, к убийству она не имеет никакого отношения. А впрочем, кто знает? Опять-таки специалистам виднее...

...Так что же мешает ему сказать? Сразу направить следствие по пути... возможно, и не самому прямому, но, по крайней мере, не случайному; по пути, который, может быть, избавит от подозрений большинство работников станции? Что мешает ему сейчас же произнести имя Дэви? Неуверенность в собственных выводах? Говорящий взгляд, мыслепередача — такое могло и примериться в горячий предстартовый момент; к тому же опытных экспертов вряд ли убедит сказочка о чудесах йогинов... Да, колебания такого рода присутствуют. Но, кроме них, есть еще что-то... Смутное, необъяснимое... Нет. Нельзя выдавать Дэви.

...Что это? Эксперту возражает Волновой, доселе молчаливо и неподвижно восседавший в самом глубоком кресле. Годы посеребрили его шевелюру, он стал солидным, даже импозантным. Слова произносит отчетливо и медленно, с большими паузами.

— Я бы попросил уважаемого эксперта еще раз остановиться на том факте, что скафандры, предназначенные для «Вихря-2», имеют удлиненную антенну. А точнее — доходящую до ладони перчатки...

— Я уже говорил, что увеличение длины антенны служит...

Легкое движение руки Волнового — и эксперт моментально умолкает.

— Пожалуйста, прокрутите еще раз пленочку. Только со хорошим замедлением.

Не далее как сегодня они уже раза три просматривали эту запись, жуткую именно своей грубой документальностью. Рам Ананд идет к смерти. Уверенные, плавные шаги-прыжки вдоль белого фала. При таком замедлении показа он будет жить еще около минуты.

Шаг, другой... Под ногами Рама — ступени корабельного трапа. Неуклюжая лиловая кукла видна со спины. Черные кольца волос в прозрачном пузыре шлема. Взялся за поручень. Еще шаг.

— Стоп! — звенит сдержанным торжеством голос

Игоря Петровича, и Рам Ананд застывает с поднятой ногой.

— Видите?

Лиловые пальцы сжимают поручень. Что-то судорожное чудится в их цепкой хватке. Голова Рама откинута назад и чуть вбок; виден прищур левого глаза, какое-то страдальческое напряжение в линиях щеки и губ...

— А ну-ка, потихоньку дальше... По кадру...

Все крепче стискивает врач металлический поручень — и при этом запрокидывается назад. Вот начинают подламываться колени...

Волновому не пришлось продолжать. Все присутствующие наглядно убедились, что вакуум начал убивать Ананда именно в тот миг, когда космонавт взялся за поручень трапа.

— Значит... — поднял брови министр.

— Значит, — седовласый резко повернулся к нему, — ваш Рам Ананд ценой жизни спас по меньшей мере половину экипажа «Вихря» во главе с командиром.

Беглые возгласы, шумок в кабинете. Эксперт скромно опускается на стул. Он больше не киногерой, просто службист, честно исполнивший задание и не способный даже слово прибавить к своему рапорту.

— Я вас по-ни-ма-ю... — задумчиво цедит Геннадий Павлович. — Следовательно, поручень...

— Именно. Проводник. Человек десять могло бы одновременно держаться за него, поднимаясь по трапу. Стало быть, эта добавочная проволока в скафандре служила лишь промежуточным устройством. А антенной являлся весь корпус «Вихря»!

— Ага! — засопев, довольно воскликнул министр. — Это меняет дело!

...Уже и Виктор Сергеевич, с привычной осторожностью сдерживая вспыхнувшую радость, понял, что вина с астероида снята... или, во всяком случае, вероят-

ность ее намного уменьшилась. Колоссальное тело ракеты — антенна, которая может принять радиосигнал с расстояния в тысячи километров. Фактически из любой точки полушария. Да, убийца уже необязательно на станции, но экспертам не позавидуешь, район поиска увеличивается в миллионы раз...

Задумавшись, Панин не заметил общего скованного молчания, не расслышал вопроса Волнового.

— Что это ты, Витюша? — окликнул его «наш министр». — Никак уснул? Вот тут Игорь Петрович интересуется...

— Да... уж извините меня! Мне бы хотелось еще раз услышать, как именно Рам Ананд попросил ван Деерта и тебя, чтобы ему разрешили пройти первым?

— Все записано в машинной памяти. Я так точно не воспроизведу, — пожал плечами Панин.

— И все-таки интереснее послушать именно тебя, — мягко возразил Игорь Петрович. — Что машина! Ты-то не просто расскажешь, а с собственным отношением к событию... Ведь у тебя наверняка имеются какие-то собственные выводы или хотя бы догадки. Я уверен, он знал об опасности, явно знал, сознательно прикрыл собой товарищей... Но откуда знал? Почему не предупредил? Поделился бы мыслями, Виктор Сергеевич... Да заодно, если уж вспоминать, скажи, что значило это твое словечко при виде погибшего — «первый»?

В этот день он быстро устал. Просто ноги подкашивались. После выхода из Комитета едва поборол желание поехать домой и рухнуть в постель. Знал по опыту, нельзя ложиться, встать будет почти невозможно. Это «хвост невесомости», как говорят космонавты, из-за отвыкания от земной тяжести. Если бы не два сеанса гипноадаптации еще в Казахстане, вообще не смог бы командир ни ходить, ни говорить, ни мыслить связно. И так едва не упустил стакан газированной воды из

автомата, показался стакан тяжелее кирпича. Надо походить часок-другой, приложить всю свою волю, чтобы побороть проклятую слабость. Ведь еще дня три быть ему на Земле. Визиты, переговоры, покупки (Марина надавала сорок поручений.) Приглашают на разговор в Женеву, в Комитет по контролю над разоружением...

Виктор Сергеевич присел на Тверском бульваре, напротив высокого здания из красного кирпича, до сих пор по старинке называвшегося «новым МХАТом». Здесь, если верить старым москвичам, мало что изменилось за последние полвека. Те же подстриженные газоны, кудрявые кроны деревьев, дремлющие пенсионеры с газетами, беготня детей. Поздние июньские сумерки. За низкой чугунной оградой скользят бесшумные электрические автомобили. Чиркнет фосфорной полосой по борту — и нет его... В небе светящийся циферблат городских часов. Еще пять... ну, десять минут передышки, и вставать. То есть просто насильно сдергивать себя с удобно выгнутого сиденья. Каким свинцом налиты ноги...

— А я еще, извините, помню старые скамейки. Обыкновеннейшая доска, молодой человек. Иногда другая доска вместо спинки, да и то не везде. Но сидеть могли, между прочим, часами. Молодость! Году этак в девятьсот восемьдесят пятом-седьмом ждал тут кое-кого, на во-он то окошечко поглядывал и шепотом молил: «Выйди, выйди же наконец...»

Малорослый, круглоглазый и подвижный, как воробей, старик сидел рядом с командиром, подкрепляя свои слова энергичными взмахами свернутой газеты.

Виктор Сергеевич, вообще очень предупредительный к старости, охотно закивал головой:

— Собственно, и меня-то уже молодым человеком можно назвать разве что из любезности...

— Да ну, бросьте! Вам, верно, едва за сорок? А то и нет еще?

— Изволите комплименты делать... Сорок шестой уже.

— Хорошо выглядите. Спортсмен, должно быть?

— Вроде того... Космонавт.

Собеседник слегка поклонился в ответ. Скорее из учтивости, чем в знак особого почтения.

— Рад познакомиться. В девятьсот восемьдесят пятом непременно спросил бы фамилию, а сейчас толку нет. Уж больно вас, извините, много. Как в мое время, скажем, летчиков.

Виктору Сергеевичу внезапно захотелось произвести впечатление. Нечасто говорил он с людьми «иног круга».

— Моя фамилия, если угодно, Панин.

Выцветшие глазки под контактными линзами сверкнули детским восторгом, задралась острая белая бородка:

— Ну?! Вот уже не думал, не гадал... Знаю, знаю, молодой человек! Слежу за вашей, так сказать, биографией. Ну, как там, на астероиде?

— Работаем, — сдерживая смех, коротко ответил командир.

— Святое дело, святое... А можно вам еще вопрос задать? Не секретный?

Старик рывком развернул газету и поднес ее к самому лицу Виктора Сергеевича.

— Вот, сегодняшняя «Вечерка»... Смотрите! — Забрав газету, старик прочел сам: — «Как сообщает наш... ну, и тому подобное... несколькими обсерваториями мира зафиксировано прохождение на параллельных курсах двух неизвестных космических объектов. Высота — около двух тысяч километров над Землей, линейные размеры — до пятидесяти метров. Сенсации подобного рода появляются регулярно. Как правило...» Ну, тут, как положено, о шарлатанстве, «летающих тарелках»... Вот главное: «В отличие от прежних, более или менее достоверных находок в околоземном про-

странстве, данное наблюдение единогласно подтверждено астрономами, объекты сфотографированы обсерваториями...» Что вы на это скажете, дорогой товарищ Панин?

Собеседник сразу перестал казаться симпатичным; Виктор Сергеевич терпеть не мог жадного любопытства полужнаек, обывательского мифотворчества.

Он взглянул на бело-оранжевый сияющий круг часов, точно приклеенный снизу к облачному одеялу. Подобрался, застегнул пиджак и сухо ответил:

— Скажу, что космос, к сожалению, набит всяким хламом. Отгоревшими ступенями ракет, топливными баками, носителями и прочим. Пора учредить общество охраны космической среды. Тогда окончатся сенсации.

А теперь — встать. Послать тело прочь со скамейки. И-и — р-раз!.. Честное слово, словно тонну стал весить. Даже мышцам больно...

— Очень приятно было познакомиться, — сказал Панин, еще нетвердо стоя на аллее. — Извините, мне пора идти. Дела!

Кажется, старичок здорово обескуражен и растерян. Совсем съежился, слезливо моргает. Не иначе, как посчитал мгновенный подъем собеседника признаком сильного раздражения. Как бы то ни было, обижать доброго человека не стоит. Командир заставил себя наклониться, — боль обожгла позвоночник, — подал руку:

— Всего лучшего. Возможно, я и не прав. Я обязательно разузнаю, что там видели астрономы... Хотите, позвоню, скажу?

— Нет, благодарствуйте, это для меня не так уж важно, — глядя смиренно и уныло, бормотал старик. — Не утруждайте себя, пожалуйста, мало ли у вас работы...

Панин покинул его с чувством вины. Шел, волоча тяжелые мешки ног в сгущающемся сумраке. Немного

развевался только среди бесшумной толчеи Арбатской площади. Прозрачно-голубые и воздушно-зеленоватые длинные машины скользили по эстакадам разных уровней под ногами и над головой командира; на ажурных мостиках виднелись редкие пешеходы. Потоки электро-мобилей сплетались, скрещивались. В просветах между опорами развязок мерцали чудовищные плоскости, мириады оконных квадратов и на их фоне желтое, патриархальное, трогательное здание ресторана «Прага». Там уже горели люстры.

Остановившись между пестрым ульем автоматического кафе и кабинами видеотаксофонов, командир внезапно подумал, что не худо было бы повидать Валентину с дочерью. Нет, не являться, конечно, в чужую семью, а глянуть со стороны. Скажем, как они гуляют по набережной. Женя еще совсем малышкой обожала смотреть на воду и плескаться в ней. Перед тем, как расстаться окончательно, Виктор Сергеевич договорился с женой: никаких встреч! Незачем ставить перед ребенком сложные проблемы — почему папа и мама не живут вместе, кто в этом виноват, и так далее. Были ли они правы? Теперь поздно гадать. У Жени новый отец. По мнению общих знакомых, очень любящий и заботливый. Гм... и все время на Земле, это очень существенно...

Можно было бы, конечно, поехать домой, кризис позади, «хвост невесомости» стал куда легче, Панин наверняка хорошо выспится и легко встанет. Но не обмануть, не заглушить сосущее чувство пустоты.

Решено. Он поедет к друзьям.

Став на эскалатор вакуумного метро, Виктор Сергеевич снова вспомнил Дэви, ее всегдашнюю азиатскую замкнутость и внезапное, как молния, раскрытие.

Сегодня на вопрос Игоря Петровича, почему при виде погибшего Ананда командир воскликнул «первый!», Виктор Сергеевич ответил просто и четко. «Первый» — значит, первая человеческая жертва в истории крошеч-

ной планетки; первый мученик астероида. Это была правда. Но не вся правда.

По мраморной стене подземной станции (уцелевшей от старого метрополитена) тянулся ряд дверей. Когда подошел поезд, они отползли в пазы. За каждой дверью оказалась гармошка герметического шлюза. Командир вошел в полупустой вагон; двери станции вернулись на место, гармошки сжались, и поезд пулей рванулся в безвоздушный тоннель.

...Вся правда — это мрачное предчувствие, овладевшее командиром сразу после того, как вихревцы бросились спасать врача. «Первый» значит не последний. Значит, Рам Ананд только открывает список возможных жертв. Что-то надвигалось на беззащитную станцию — невидимая свирепая сила, враг пострашнее «фактора икс». Звериное, из миллионолетних подвалов поднятое предвидение опасности не покидало Виктора Сергеевича. Кто знает, возможно, и Дэви разворошила эти подвалы...

И все-таки, если Рам знал о готовящемся ударе, почему он поступил так странно? Камикадзе... Или он не представлял точно, что должно случиться, а только глухо чувствовал беду, вот как сейчас командир, и решил рискнуть, проверить на себе: что же именно готовится? Дэви была согласна с планом Рама... Просила не мешать ему... Или опять-таки привиделась командиру эта бессловесная мольба? В таком случае, почему же он сменил гнев на милость и разрешил ван Деерту пустить врача первым? Соучастник... Как ни верти, по собственной воле или благодаря внушению, но Панин в этом деле — соучастник...

...Или спаситель? Ведь запрети он проход Ананду — и экипаж «Вихря-2» цепочкой пошел бы по трапу, держась за поручни. И вместо одного трупа было бы десять или двенадцать. А затем — всемирный скандал, дружный натиск всех антиастероидных сил; вероятно, разочарование многих пылких сторонников станции,

протесты перепуганных членов семей... В общем, кончился бы астероид. Точный был расчет.

...Рам Ананд спас не только товарищей, но и великое начинание... Решено. Едва появившись на командном пункте станции, Панин вызовет Дэви и припрет ее к стене. Хочет она того или не хочет. Зашемило в душе при мысли о разговоре с загадочной девушкой. Опять Марина будет беспокоиться...

Он скосил глаза на пассажира, сидевшего слева. Вернее, на газету, которую тот читал. И увидел все ту же «Вечернюю Москву» с заметкой о двух космических объектах, дружной парой прошедших в виду обсерваторий и бесследно сгинувших в пространстве.

— ...Эта марка — новейшая, опытные образцы были испытаны не далее как в прошлом году.

Сидя за столом, главный инженер махнул в сторону нейтрально серого скафандра на манекене, стоявшего в углу бюро, как стаивали в романтических замках полные рыцарские доспехи. Молодой сосредоточенный эксперт, тот самый, что докладывал в кабинете у «нашего министра», нажал кнопку крошечного передатчика, и щиток гермошлема мгновенно откинулся.

— О-о, да вам, я вижу, и объяснять ничего не надо! Даже код знаете! — улыбнулся главный. — Между прочим, элементарный набор сигналов. Семерка по азбуке Морзе...

— Прошу прощения, — перебил эксперт, — насколько я понимаю, дистанционный режим предназначен для аварийных случаев?

Перейдя на сугубо профессиональную тему, инженер оживился, словно забыв, что этот разговор был, по сути, вопросом.

— Помните, как девять лет назад при входе в земную атмосферу потерпел аварию рейсовый лунник? Возник пожар. На высоте тридцати километров пилот ка-

тапультировался. Все было бы в порядке; да от жара еще в корабле лопнули кислородные баллоны. Пока падал с парашютом — задохнулся в шлеме. А если бы руководители полета послали код и разгерметизировали скафандр, — остался бы человек в живых...

— Ну, с этим более-менее ясно, — выслушав с явным любопытством, сказал эксперт и опять напустил на себя «шерлок-холмсовскую» непроницаемость. — Теперь скажите: вы уверены, что дополнительный отвод антенны к ладони сделан заводским путем? У вас... а не, скажем, по пути к астероиду?

— Да, — понуро признался главный инженер. — Чистая работа.

— Каким же образом это могло произойти?

— Скафандр полностью, от начала до конца, делает автоматическая линия. Она запрограммирована. Следовательно, отвод был заложен в программу... — Инженер ударил кулаком по столу. — И снова-таки этого быть не может, потому что линию программировали при моем участии!

— Успокойтесь, мы все выясним, — с неподражаемой солидностью заверил эксперт. — Допустим, кто-то искажил или тайком заменил программу. Но как мог ваш контроль...

— Электронный контроль принимает во внимание не схему изделия, а качество его работы. Скафандры работали отлично.

Эксперт благосклонно кивнул, словно и ждал такого ответа.

...Они прошли в цех сборки скафандров. В безлюдье и тишине, на фарфорово-белом полу, под светящимся потолком десятки ловких механических рук собирали «нервную ткань» скафандров, одевали ее эластичной плотью. Скафандры были распылены на подвижных стенах, и металлические щупальца копошились вокруг них, точно резвые побеги чудовищных вьюнков. «Вих-

ревская» марка с производства временно снята, на линиях — костюмы монтажников-пустолазов...

В диспетчерской, отделенной толстым стеклом от линий сборки, эксперт потребовал диск программы. Перепуганные операторы сообщили, что диск уже тщательно проверен. Ни повреждений, ни следов стирания. Приходилось предполагать почти невозможное — никем не замеченную подмену магнитного диска на время изготовления серии; последующее, столь же тайное возвращение «правильной» программы. Прежде чем войти в диспетчерскую, оператор переодевается в спецодежду — голубой блестящий комбинезон. Спичечную коробку с собой не пронесешь, не то что увесистый диск размером с доброе блюдо.

Эксперт на несколько минут впал в самое настоящее замешательство. Внешне это никак не проявилось — стоит стройный детектив с точеным неподвижным профилем и смотрит, глубоко задумавшись, на суету механических рук. Но порученное важнейшее дело было у эксперта одним из первых, служебная репутация только складывалась, он волновался до безумия. Пересилив себя, захотел узнать нормативное время изготовления каждого скафандра злополучной серии. Может быть, здесь найдется какая-нибудь зацепка?

Компьютер выдавал информацию через динамик. Эксперт поморщился, решив, что можно было снабдить машину более благозвучным голосом.

«Изделие ноль шестнадцать, — утробно сообщила машина. — Время изготовления — от двенадцати минут тридцати шести секунд до двенадцати минут пятидесяти одной...»

Затем компьютеру пришлось постараться, выискивая в памяти реальный хронометраж выпуска «вихревских» костюмов.

Операторы уважительно перемигнулись, увидев, как азартно встрепенулся эксперт: «Взял след!» Действительно, ни один гермокостюм из предназначенных для

«Вихря» не собирался менее четырнадцати минут. Лишнее время, конечно же, ушло на то, чтобы протянуть вдоль рукава к ладони роковую проволоку, не предусмотренную схемой...

В течение двух следующих часов механики распотрошили перед бдительным взором эксперта все автоматы цеха. Главный инженер устал от напряжения и позевывал, деликатно прикрывая ладонью рот. Он прекрасно видел, что эксперт только ради формы таращится на стальные и пластмассовые внутренности машин. Автоматы были безупречны.

Затем дотошный эксперт пожелал увидеть вблизи сборку скафандра марки 0-16. Главный инженер предложил пойти пообедать... вернее, уже поужинать. Эксперт согласился на промежуточный вариант: они будут следить за сборкой, но при этом заправятся кофе с пирожками. Одного из самых юных механиков откомандировали в буфет, и автомат был пущен на сборку. Но задержаться в цехе им не пришлось.

Гибкие, молниеносные щупальца сложили упругий каркас скафандра, разукрасили его интегральными платами автоматических устройств. Оба наблюдателя так и подались вперед, когда обтянутые резиной пальцы робота стали укладывать провод антенны. Дошли до плеча... до локтя... ловко припаяли бляшку размером с пятак. Все. Никаких добавочных отводов. Щупальца покрывают каркас слоями переливчатой ткани.

— Да не мучайте вы себя, — не выдержал сердобольный главный инженер, когда они с экспертом вернулись в кабинет. — Утро вечера мудренее, завтра что-нибудь придумаем...

Эксперт как будто не слышал. Прихлебывая кофе, машинально тыкал пальцем в кнопку своего микропередатчика. Главный сочувственно вздохнул. У него были взрослые сыновья.

...Телефонный звонок.

— Не может быть, — говорит главный инженер.

Брови его поднимаются высокими дугами. Чей-то голос возбужденно жужжит в трубке, убеждает...

— Все. Уже идем! — Главный бросает трубку и как бы в отчуждении смотрит на палец эксперта, нажимающий кнопку. Вдруг спохватывается:

— На сборке пустолазных скафандров — брак. Во всем цехе. Сейчас пять штук заporоли, надо перемонтировать электрохозяйство.

Вбежав в диспетчерскую, они застали там чуть ли не все заводское начальство. Давно уже не случалось ничего подобного в набитом точнейшей электроникой, полностью автоматизированном производстве. На табло пульта горели позорные алые буквы: «Брак». Затем пять скафандров-уродов были сдернуты щупальцами со стендов и брошены в специальную тележку. На пульте вспыхнул новый транспарант: «К работе готов».

— Подождем с работой, — ворчливо распорядился главный инженер. — А ну-ка, Мамед-оглы, запроси, брат, машину; пусть воспроизведет нам все подробности последней сборки... вот этой, бракованной.

Чернявый оператор мигом выполнил задание. Тем более что за каждым его жестом следило ошарашенное руководство — заместители директора, начальники цехов, конструкторы, технологи и даже почему-то бухгалтер-ревизор.

Через несколько секунд главный инженер читал на ленте запись всех воздействий, которые получали чувствительные работающие автоматы: энергия, нюансы программы, тепло, свет, шумы, радиосигналы...

Радиосигналы.

Бессмысленная «морзянка», которую отстукал на пердатычке в кабинете главного инженера затосковавший «Шерлок Холмс».

Он протянул запись эксперту, как бы невзначай держа ногу на нижней строке цифр.

Все-таки у детектива, несмотря на молодость, была хорошая выучка. Сразу сориентировавшись в ситуации,

он сжал локоть главного инженера и заявил громким беспечным голосом:

— Извините, но все это не имеет никакого отношения к интересующему меня делу. Если вы не против, я вернусь допивать кофе.

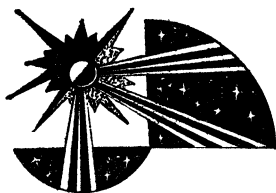
Главный оказался догадливым — хоть в сыщики. Ленту небрежно свернул, сунул в карман.

— Идите, конечно... — И затем столпившимся вокруг пульта: — Я думаю, все дело в местной неисправности эффекторов. Или детали попались некондиционные...

В кабинете эксперт кофе допивать не стал, а заперся и набрал телефонный номер чуть ли не из двадцати цифр. И доложил кому-то, прикрывая трубку и ежесекундно поглядывая на дверь, что сборочные автоматы-роботы чувствительны не только к стационарному каналу связи с компьютером, но и к радиоволнам. Сигналы близко расположенного передатчика исказили технологию, пошел брак. Очевидно, что другим подбором радиоимпульсов можно заставить автоматы выполнить некий ряд определенных операций. Например, вложить в скафандр удлиненную антенну.

Далее молодой человек посоветовал начать поиски радиопередатчика — на заводе, в квартирах инженеров и техников, в рабочих общежитиях. Ему же, эксперту, лучше убраться отсюда, изобразив полную неудачу расследования.

Потом он все-таки допил остывший кофе. Руки дрожали, чашка постукивала о зубы. Никого кругом не было; главный инженер еще возился в цехе, сбивая с толку сотрудников: можно было расслабиться и выйти из привычного образа «железного инспектора»...

Глава 1V

НАПАДЕНИЕ

Небольшого роста, рано начавший полнеть, Рашид Гаджиев был чрезвычайно подвижен, энергичен, казался безмерно влюбленным в свое дело. В не меньшей степени он боготворил Панина. Было прямо-таки неудобно при посещениях электроцентрали встречать восхищенный взгляд выпуклых и темных, как вишни, глаз инженера реакторной защиты. Виктору Сергеевичу претила угодливость Рашида, было что-то заискивающее в позах и движениях. Профессионально Гаджиев был безупречен.

Сейчас, садясь в гермовAGON после очередного инспекционного визита, Панин не мог отделаться от мысли, что Гаджиев знает больше, чем говорит. Неужели заразили подозрительностью приезжие детективы? Да нет, вероятно, подозрения командира основаны на фактах биографии Рашида. Потомок азербайджанских эмигрантов, бедняков из городка на Апшероне, когда-то, до Октябрьской революции, в поисках счастья осевших за океаном. Отец и по сей день держит магазин в Луисвилле. Там, на юге Штатов, пустил корни прадед, ибо климат напомнил ему родину... Рашид с детства увлекался космонавтикой, атомной энергетикой, мечтал построить термоядерный звездолет. Так, во всяком случае, писали о нем газеты. А как же! Однажды за него как следует взялась пресса, он даже по центральному теле-

видению выступал. Причиной послужил отъезд Гаджиева из Америки и его просьба о предоставлении советского подданства.

В тех же газетных и телевизионных интервью Рашид говорил о том, что, побывав в СССР, он бесповоротно решил возвратиться на родину предков. Рашид не скрывал своего восхищения советской наукой и техникой и своего сокровенного желания принять участие в «грандиознейшем мероприятии века» — создании орбитальной станции на астероиде. Он согласен на самую скромную роль — только бы туда, поближе к атомному сердцу станции. Ему, Гаджиеву, совершенно ясно, что только в Советском Союзе, в краю дерзких проектов и всенародного энтузиазма, возможно осуществление его мечты о звездолетах.

Вроде бы и правильные вещи говорил репатриант. И разных подозрительных личностей, подъезжавших к нему с заманчивыми предложениями, гнал от себя нещадно (Виктор Сергеевич знал об этом, ибо, конечно же, знакомился с личным делом Гаджиева). Но, может быть, все это лишь отличная бутафория? Уж слишком много шума...

«Прицепилась лихорадка», — насмешливо думал Панин, косясь через иллюминатор на приевшиеся рыже-черные скалы в блестках, на пролетающие опоры дороги. Сотрудники почтительно молчали, видя, как погружен в себя шеф. «Ну, что он сегодня такого сделал, Гаджиев? Почему я на него взъелся? Да если он действительно хорошо скрытый диверсант, я своими придирами только испорчу дело, заставлю его насторожиться...»

...Находясь в диспетчерской электроцентрали — фарфоровом, неправдоподобно чистом зале с подковой пультов, разноцветных и мигающих, как новогодние елки, Виктор Сергеевич захотел непременно побывать в реакторном помещении. Несмотря на то, что главный бриддер-реактор на быстрых нейтронах — замечательная ма-

шина, «съедавшая» одно ядерное топливо и дававшая взамен другое, ничем не худшее, — был прекрасно виден на гигантском телеэкране, а разрез его переливался огнями посреди мнемосхемы, командир впервые пожелал увидеть «котел» вблизи. Чем это было вызвано, Виктор Сергеевич и сам не знал. То ли природной до тошностью, то ли намерением пристрожить персонал — мало ли что, привыкнув надеяться на средства связи и забудут дорогу в святая святых... Одним словом, Панин высказал свою волю и ждал возражений сопровождающих, уговоров начальника энергостанции. А Гаджиев, едва сомкнулись командирские губы, помчался, взлетая над полом, открывать кладовую противорадиационных костюмов. Не его это была обязанность. И Виктор Сергеевич, ощущая, что срывается, но уже не в силах сдерживать себя, сказал на всю диспетчерскую неприятным, наждачным голосом:

— Товарищ инженер реакторной защиты, будьте так любезны, вернитесь на свое рабочее место! — Затем, увидев, как понуро, чуть не плача, возвращается к пульту Гаджиев, командир почувствовал укол совести и попытался смягчить удар. — Можно подумать, Рашид, что у вас здесь что-то не в порядке и вы пытаетесь нас спровадить!

Шутка тоже вышла неудачной. Еще ниже опустилась голова Рашида, задрожали ресницы, и он, пробормотав какое-то извинение, довольно явственно всхлипнул.

— Э-э, не раскисать! — вмешался начальник централи, Повилайтис, человек педантичный и жесткий. — Вам сейчас предстоит удвоить внимание, люди идут к реактору!

И пришлось Виктору Сергеевичу уже буквально с отвращением облачаться в неуклюжий усиленный скафандр с приборами на запястьях и проплавленными в скале коридорами следовать к бридеру, и слушать чрезмерно специальные объяснения Повилайтиса, стоя возле круглой стальной стены, за которой бушевала сила,

способная разметать весь поселок. Хотелось поскорее выйти отсюда, разобраться в самом себе, в своих симпатиях и антипатиях. Успокоить нервы.

Надо бы позвонить Бергсону... Нет, сначала посидеть хоть полчаса в кабинете Марины, выпить кофе, заглянуть в ее ласковые глаза. Пусть полечит от сыскной лихорадки...

Олаф Бергсон бредил космическими пришельцами, и бредил так основательно, что об этом знали многие. Тому способствовала громкая профессиональная известность Олафа. Несмотря на молодость, он слыл одним из крупнейших астрофизиков Скандинавии. В научных журналах с некоторых пор фигурировали даже «радиогалактики Бергсона». Поэтому восторженные полужурналисты, каковых немало на всех континентах, внимательно следили за выступлениями Олафа в печати. «Уж если такой человек верит в инопланетный разум, значит, что-то есть!»

Впрочем, события последних месяцев заставили зашевелиться даже скептиков. Над Землей прошли два «объекта», сфотографированных многими обсерваториями. На вызовы с орбитальных станций НЛО не ответили. Некоторое время пресса мусолила эту тему, потом успокоилась. Солидный американский еженедельник опубликовал статью, доказывавшую как дважды два, что мнимые «космолеты» есть всего лишь пустые баки от горючего, сброшенные огромным кораблем «Вашингтон», недавно стартовавшим с заатмосферной площадки к Юпитеру. Журналу не верили только самые заядлые «тарелочники» и искатели следов марсиан. В их числе, как ни странно, и Олаф.

Бергсон собрал в своем доме близ фиорда мощную радиостанцию. Второй этаж каменного здания, выстроенного в стиле ранней готики, был набит приемопередающей аппаратурой. Олаф, сам прекрасный кон-

структор и более того, практик-умелец, непрерывно совершенствовал известные схемы. Запатентовал способ приема сверхдальних радиопередач с помощью сужения приемного радиолуча. У него скопилось за несколько лет с десятков «ничейных» посылок из Вселенной, весьма похожих на осмысленный код. Всерьез заняться расшифровкой, как говорится, руки не доходили. Наконец, выбрал время: тихий северный июнь. Как раз в те дни, когда на астероиде погиб Рам Ананд, и заварилось сложнейшее расследование, Бергсон сел на втором этаже своей крепости и отключил все средства связи, кроме экстренного канала, известного лишь матери, близким друзьям и руководству. Больше он оттуда не выходил, благо позволяли честно заработанный отпуск и гора продуктов в холодильнике.

Дом Олафа, как и большинство хорошо оборудованных личных мастерских и лабораторий начала нового века, вмещал целый вычислительный центр. Конечно, процессоры «умных» машин занимали немного места; самыми крупными предметами в комнате были универсальное печатающее устройство, дисплей и графопостроитель. Составив программы расшифровки накопленных сигналов, Бергсон ввел их в компьютеры и уже через несколько минут убедился, что путь, взятый им, неверен. До вечера маялся, составляя новый пакет. Не окончив, махнул рукой и пошел вниз заваривать кофе. Такой, какой он любил, — угольно-черный.

Буйнобородый, с маленькими глазками под выпуклыми круглыми стеклами, Олаф стоял у плиты и напевал какую-то мелодию. За узким высоким окном, прорубленным в толстой стене, уходили под уклон свинцовые скалы, испятнанные рыже-зеленым лишайником. Из глубоких расселин доносились ритмичные всхрапы волн, порой взлетали брызги. Дальше, словно брезентовое полотно, чуть колыхалось море — тусклое, неприветливое под сплошным ковром туч, но столь дорогое душе северянина.

Плита у астрофизика была прадедовская, с газовыми баллонами и конфорками, не чета современным высокочастотным, снабженным элегантными панелями управления. Но один прибор возле плиты все же имелся, хотя и не причастный к жарке-варке. Прямо перед глазами Олафа висел на стене электрический звонок с лампочкой. Он сигнализировал, когда антенна «кинжального» действия, день и ночь вращавшаяся на коньке двускатной крыши, ловила очередной голос из космоса.

И вот, когда шапкой поднялась в кованой турке рыжая пена и следовало как можно скорее выключить огонь, звонок испустил оглушительную трель, и замигала лампочка. Хотя Олаф постоянно ожидал чудес, но это было так неожиданно, что он замешкался, и кофейный водопад с шипением погасил конфорку. Звонок помолчал и грянул вторично.

Почему-то он сразу сопоставил передачу с двумя загадочными спутниками Земли. Узкополосная приемная аппаратура была столь чувствительна, что могла выделить слабый радиосум, доходивший от отдаленных галактик. Луч антенны описывал медленные круги, а компьютер с лихорадочной быстротой отсекал все знакомое: писк межзвездного газа и бормотание тысяч солнц, переключку пилотируемых автоматических спутников, сигналы лунной обсерватории. Передачи-загадки, редкие жемчужные зерна из черного бездонного омота, записывались в машинной памяти.

Через несколько минут, прослушав две серии четкой морзянки и получив из печатающего устройства широкую ленту с двумя колонками цифр, Олаф окончательно убедился, что перед ним сенсация. Два объекта, летевших по параллельным траекториям, неизвестным шифром передавали что-то на Землю. Значит, вернулись, описав гигантскую замкнутую кривую. Конечно, это могли быть не только безликие близнецы, впопыхах объявленные пустыми танками из-под стартового топлива

«Вашингтона». Но уж больно маловероятным казалось совпадение.

Олаф тотчас же перевел антенну в режим поиска, и в компьютер потекли данные...

Расшифровка давешних передач была забыта начисто, как и священнодействие над туркой. Бергсон сидел неподвижно возле машины, пока та не просчитала новое задание. А тогда вдруг сорвалась с места и заерзала по листу бумаги шина графопостроителя, начали выскакивать слова и цифры на экране дисплея. Вскоре Олаф уже любовался безупречно вычерченной схемой: кривизна земного шара, положение летящих объектов над ним... «Пришельцы» тоже работали узким лучом — только не приемным, разумеется, а передающим. Компьютер смог определить, куда направлены радиопупальца близнецов. Объекты посылали сигналы на юго-восток Тихого океана. Широта и долгота участка маняще подмигивали с экрана.

Пока одна из машин рассчитывала дальнейший курс «пришельцев», Олаф через терминал связался с единым банком данных, давно заменившим все справочные бюро страны. Теперь даже домохозяйки пользовались терминальными линиями; запрашивали банк, чтобы на экранах кухонных дисплеев прочесть рецепт праздничного торта.

Ответ пришел незамедлительно. Электронный «карандаш» вычертил карту. В искомом участке раскинулся пустой океан. Только цепочка небольших островов тянулась на востоке — забытый богом архипелаг, окраина большого государства. А в центре квадрата зияла многокилометровая впадина, провал океанского дна...

В груди уже щемило от азартных предчувствий, и ноги сами порывались бежать куда-то. Олаф заставил себя ждать, потому что компьютер уже выдал свое предсказание. Близнецы двигались по вытянутой, яйцевидной орбите; в узком конце «яйца» находилась Земля. Через несколько часов можно было снова ловить таин-

ственную морзянку. (Неужели в иных мирах пользуются тем же кодом: «точка — тире»?!) Действительно, это просто и удобно... Или все-таки на орбите — земные корабли, запущенные вне национальных и международных программ? Странно, что никто не засек взлет.)

Он развлекался пайкой каких-то совершенно ненужных контактов, пил кофе, искал в книгах фотографии южных морей, пока опять не разразился короткими гудками приемник. Направление радиолучей было прежним. Безликие «говорили» с тропическим океаном. Может быть, там плавает судно, оборудованное для космической связи?

Олаф неожиданно представил себе южное море во всей его романтической пышности. Золотую чешую волн под полуденным солнцем, и уютные заливы с диковинными раковинами на дне, и путаницу райских островов, и вулканы, и каноэ, и звездчатые тени пальм на белых песках. То, о чем грезил над страницами авантюрных повестей. Представил и понял, что не успокоится, пока не побывает там, в квадрате, куда пара космических бродяг втыкает острые, как спицы, радиолучи.

Позвонить в редакцию одной из газет, на телевидение? Собрать большую экспедицию? О нет! Бергсон не станет спешить. Тайна сделала его жизнь яркой и насыщенной. Сдержанный внешне, флегматичный потомок викингов, Олаф с детства ждал приключения, достойного далеких предков, на парусных ладьях дошедших до пределов мира. Оттого, наверное, и занимался таким «несерьезным» делом, как инопланетный разум.

Олафу хотелось быть первооткрывателем. Вот когда он доведет поиск до конца и выяснит, что за корабли или станции кружат высоко над Землей, кто ведет передачи с их борта и кому их адресует, тогда можно будет и сделать сообщение. Поразить землян.

Он предупредил только одного человека, весьма далекого от журналистских кругов, Виктора Сергеевича Панина. Разумеется, и ему не сказал всего, тем более

по радио. Сообщил, что уезжает на несколько дней в район Полинезии, а когда вернется — возможно, привезет кое-что интересное именно для космонавтов... С Паниным Бергсон познакомился незадолго до основания поселка на астероиде, во время одного из конгрессов, посвященных поиску внеземных цивилизаций. Виктор Сергеевич сидел в президиуме в качестве почетного гостя, ерзал и нередко смотрел на часы — кажется, не было в зале человека, более равнодушного к «братьям по разуму». Но громкая слава марсианского Колумба, ловца малых планет подействовала на Олафа. Они познакомились и подружились. Видели друг друга очень редко, куда чаще с удовольствием болтали на расстоянии. Астрофизик обещал быть примерно через неделю.

За это время Олаф собирался воспользоваться любезностью другого своего приятеля, бывшего однокашника по университету, доктора Теруатеа. Доктор командовал плавучей гидробиологической базой, снабженной десятком батискафов. Взяв билет в столичном аэропорту, Бергсон за считанные часы перенесся из туманной страны фиордов в благословенный край кокосов и хлебного дерева. Затем старенький самолетик с разноцветными заплатами на крыльях чуть не рассыпался в воздухе, доставив потомка викингов на крошечный островок, возле которого дрейфовала база. И, наконец, Олафа принял на борт катер на воздушной подушке — один из тех легких «ховеркрафтов», которые рыскали по мелководным лагунам в поисках интересной живности.

Плавучая база не походила на обыкновенный корабль. Белоснежная, обширная, плоская, она лежала на зыбкой синеве, точно льдина, занесенная от берегов Антарктики. Легкие прозрачные надстройки были отнесены к узкой корме; палубу, просторную, как поле стадиона, занимали ряды катеров и вертолетов. С немалым трудом можно было разобрать в абрисе гидробиологического судна «Тритон» черты былого авианосца. Разоружили его когда-то, сняли броню с бортов, заменили бом-

бардировщики мирным исследовательским транспортом, и вот который год уже ходит в горячих широтах движущийся остров-лаборатория...

Рене Теруатеа встретил Олафа как нельзя более радужно. В первые секунды встречи желто-коричневое, широкоскулое и плосконосое лицо доктора расплылось счастливой улыбкой. Так улыбка на нем и осталась до конца встречи. Не то чтобы так уж увлекался гидробиолог пресловутыми «зелеными человечками» или их космолетами. Просто был он чувствителен, сентиментален и пылок, как положено полинезийцу, даже и высокоученому. Да к тому же несколько месяцев не видел нового лица... Оттого, вероятно, таскал бы Теруатеа дорогого гостя по своему хозяйству и день, и три, и пять, хвастался бы стеклом и хромом лабораторий, и аквариумами, и вычислительной техникой, поил бы в кабинете ледяными коктейлями, если бы уже на второе утро Бергсон не поставил точку над «и».

— Явление, с которым мы столкнулись, носит, если угодно, характер чуда, — строго заявил он озадаченному доктору над блюдом креветок, оставив недопитый бокал «королевского джуса». — Если это действительно космические аппараты неземного происхождения, ты представляешь, насколько важно выявить их земного партнера по переговорам? Может быть, у них здесь давным-давно действует какой-нибудь пост... или колония!

— Но где? — едва успел вставить слово Теруатеа. — Ведь в том районе нет ничего, кроме воды и нескольких обломков рифов, мне прекрасно известных...

— Я уверен, что их поселение под водой! — не унимался Олаф, совсем позабыв о завтраке. — Как знать, не океан ли — привычная среда их обитания?

— В таком случае, эта пара звездолетов не более чем громадные соленые ванны... — попытался свести разговор на шутку доктор, опечаленный пренебрежением к своим кулинарным шедеврам. Однако северянин игры

не поддержал и по замечательнейшему салату из морских гребешков со свежими водорослями так скользнул взглядом, словно перед ним поставили блюдо с песком. Тогда Теруатеа сделался серьезным:

— Подумай хорошенько, Олаф! Ведь, положи руку на сердце... не так уж много шансов на то, что это именно они, те, кого ищут и ждут уже сотни лет!.. Скорее всего корабли имеют сугубо земное происхождение. Может быть, секретные. И здесь их передачи ловит подводная лодка, экипажу которой ты вовсе не понравишься, если сунешься туда на батискафе.

— Какая секретность после разоружения? — взорвался Бергсон, ударяя вилкой по столу. — Забыл, что ли, на каком корабле сам плаваешь?! Да все военные субмарины, если не пошли в переплавку, так возят спешные грузы в непогоду или служат науке...

— Это может быть предприятие, затеянное частными лицами, — многозначительно понизив голос, ответил доктор. И Олаф разом помрачнел, надулся, стал погнутой вилкой ковырять салат.

Он отлично понимал, на что намекает Теруатеа, и не мог не признать высокой вероятности догадки. Пусть давно демонтированы многомегатонные пугала, и бывшие зенитные ракеты рассеивают тучи, несущие град, и зловещие авианосцы ходят под командой глубоко штатских «очкариков», — борьба с жестоким прошлым не окончена. Недаром так бдителен Комитет контроля над разоружением — единственная на Земле организация, располагающая войсками и арсеналом... Впрочем, единственная ли? Бергсон знал о «факторе икс», о принятой «Обществом Адама» попытке разложить изнутри астероидную общину. А Коллинзова секта, ныне запрещенная, существовала именно на средства «невидимых империй» (Во время последнего сеанса «связи Панин ничего не сказал приятелю о диверсии, жертвой которой пал Рам Ананд. Командира попросили молчать об этом до конца расследования.)

Многим не по нраву пришлось разоружение. Черный фронт консолидировался против светлого; разрушение — против созидания.

Потому и призадумался Олаф, что припомнил некоторые сенсационные репортажи, фотографии в газетах, кадры телепередач, дрожащие, точно от испуга. Внезапно разрушенные вокзалы и рынки — лишь бы сразу уложить побольше народу. Обломки мирных авиалайнеров. Трупы похищенных политических деятелей со следами зверских пыток...

Холодок тронул спину Бергсона. Даже заиндевевший бокал с «королевским джусом» по контрасту показался теплым. Какова же должна быть мощь подполья, владеющего ракетным флотом! Да... Слишком уж большая сила, чтобы ее не заметили электронные глаза Комитета контроля...

То ли природная беспечность одержала тогда верх в душе Олафа: мол, «с кем угодно может случиться беда, только не со мной». То ли опять-таки выиграла страшная кровь викингов. А может быть, и то, и другое, и что-нибудь третье вроде законного чувства противоречия сработало в подсознании гостя. Но заботливому и слегка растерянному доктору Бергсон ответил уверенно и веско:

— Сегодня частное лицо не может владеть парой космических кораблей и гонять их по Солнечной системе. Не те средства обнаружения, Рене... Засекли бы и такую колоссальную перекачку денег, и сборку ракет, и пуск. Так что, полагаю, мы с тобой все-таки на пороге сенсационного открытия!

Бергсон почти убедил легковверного, внушаемого Теругатеа. Навсегда останется неизвестным, был ли полностью убежден своими рассуждениями сам астрофизик.

...Отступить не позволило самолюбие. Батискаф лежал на скользком полотне бортового слипа. Стоя у края

спуска в окружении белозубой возбужденной толпы матросов и ученых, ласковыми черными глазами следил доктор Теруатеа, как медведем забирается в люк коренастый неуклюжий Бергсон. Солнце на миг уподобило языку пламени его золотистую воинственную бороду. Олаф задержался, стоя по пояс в люке, словно хотел сказать что-то очень важное, и даже руку протянул к Рене. Тот так и подался вперед... Нет. Принужденно улыбнувшись, гость помахал на прощание и скрылся. Крышка медленно завинчивалась. Там, внутри чуть приплюснутой стальной сигары, похожей на торпеду с притороченными по бокам толстостенными баллонами, глянул на приборы веселый парнишка Ким Дхак — и подал сигнал оператору за пультом «Тритона». Язык слипа со скрежетом опустился к самой воде. Торпеда заскользила, будто судно, сходящее со стапелей, и с громким плеском исчезла в слепящих волнах. Теруатеа вытер глаза и поспешил к телеэкрану.

Батискаф был испытанный, надежный, но не слишком новый. Его постройку финансировало еще военное ведомство. Нет худа без добра — нынешнее исследовательское судно являлось, по сути, достаточно резвой сверхглубоководной субмариной с могучими аккумуляторами и многосуточным запасом хода. В нем отсутствовало сходство с масляными и бензиновыми «поплавками» более ранних времен, однако при этом батискаф мог повторить рекорд Пикара, штурмовав хотя бы и десятикилометровую глубину. Предвидя — в случае отсрочки всеобщего мира — появление донных ракетных установок или иных сюрпризов с ядерной начинкой, упрятанных в океанской пропасти, конструкторы создали бронированную акулу очень широких возможностей.

Впрочем, сейчас на ней отсутствовало вооружение.

Великая тишина царила в темно-зеленой пропасти. Конечно, при желании Бергсон мог бы включить сонар и послушать «переговоры» далеких рыбьих косяков, может быть, знаменитый щебет дельфинов, в котором мож-

но различить искаженные человеческие слова. Но ему хотелось насладиться безмолвием. Родное северное море даже в безветренные дни рокотало в теснине фиорда, и тяжелые вздохи его заставляли вздрагивать стекла дома. Здесь же был мир, подобный космосу. Нет — более тихий! Олаф мог сравнивать, ибо не однажды посещал на орбитальном самолете гигантский телескоп-спутник. Там, вне Земли, кричали и бормотали сотни радиоголосов; вопреки видимой пустоте, простор казался густонаселенным. Да и в самолете что-то все время взрывало, посвистывало, болтали на разных языках и смеялись пассажиры... А здесь — ничего. Океанская впадина пустынна, далеки многоярусные «города» подводных ферм. Аккумуляторный батискаф бесшумен, как рыба. Плавно совершается падение в глубину, точно спуск по невидимому пологому склону.

Ким, опытный, несмотря на юность, рулевой-механик даже головы не повернул от штурвала, когда в большом, чуть вогнутом и наклонном иллюминаторе промелькнула первая «живность». Зато Бергсон так и подобрался, увидев стаю длинных, головастых, резко сужающихся к хвосту рыб. Ах, если бы он мог узнавать подводную фауну! Вильнув и чуть не коснувшись окна, рыбы исчезли за рамой.

Некоторое время их преследовало странное широко-ротое существо, с одиноким длинным усом посреди бороздавчатого лба и как бы обвешанное тряпьем. Трепеща, оно спускалось, точно не в силах оторвать взгляд от освещенного нутра лодки. Глядя в выпученные зрачки рыбины, Олаф, как положено, вспоминал страшные рассказы и фильмы о глубоководных спусках, где в самый неожиданный момент появлялся великан-осьминог или даже уцелевший под морской толщей плезиозавр и увлекал аппарат в свое логово на дне...

Но до дна было еще ох как далеко. И бродяга тряпичник отстал, взмахнув оборками, погнался за более доступной добычей. Несколько раз рябила какая-то се-

ребристая мелочь, будто туча стрел, посланных навстречу. Потом все живое пропало. Один в темнеющих массах воды, мчался наискось вниз батискаф. Порою Ким Дхак, надев наушники, отрывисто переговаривался с кем-то на «Тритоне»; пару раз Териатеа захотел поболтать с Бергсоном, все больше о пустяках: не давят ли, мол, на плечи два километра океанской толщи... три километра...

Когда сгустилась вокруг настоящая мгла, Ким зажег носовой прожектор. Загипнотизированный тишиной и быстрым плавным движением, Олаф погрузился в созерцание дымчатого тоннеля, пробитого лучом далеко вперед. Теперь стало видно, сколько живой мути клубится у них на пути; какая взвесь крошечных снующих созданий расходится перед носом «акулы». Вот что-то более крупное пересекло тоннель, похожее на лилию венчиком назад...

Тут Бергсон сообразил, что Ким уже не первый раз обращается к нему. Услышав, наконец, что предлагает рулевой, Олаф сдвинул шторку донного иллюминатора, на которую до сих пор ставил ноги. И сразу весь «гипноз» выбило новым, еще более сильным ощущением. У ног астрофизика, напоминая о космосе, лежала сплошная чернота, отделенная лишь парой сантиметров стекла. Он невольно убрал ступни под кресло — не задеть, не разбить... В провале кружился рой нежно сиявших огней. Мелькали настоящие люстры, окруженные пепельным ореолом...

— Плохо, — сказал Ким, понаблюдав с минуту вместе с пассажиром.

— Что плохо? — скорее удивился, чем испугался Олаф.

— Мало света, — сказал Ким, поднимая личико серьезного ребенка с бровями-крыльями, как бы нарисованными углем.

— А что, раньше было больше?

— Раньше летом здесь прожектор зажигать не надо

было. Как полнолуние! — назидательно поднял палец рулевой-механик.

Олаф еще раз посмотрел на полную мягкого мерцания феерию под ногами — и вдруг защемило сердце. Сразу стало жарко, и захотелось прочь из тесного салона с розовой стеганой обивкой. Приближалось оно. Приключение. То, чего бессознательно ждал он с детских лет, с тех пор, как в необычно знойный для его родины полдень увидел над синим хребтом моря ртутную каплю «летающей тарелки». (Так Олаф и не узнал потом, что тогда видели они с матерью.)

— Что же это такое? — невинно поинтересовался Бергсон. — Отчего вдруг планктон может уменьшить свечение?

Ким оскалился, эта гримаса у него соответствовала пожатию плечами.

— Не знаю. Вулкан. Цунами. Электрический феномен. Вон, на острове Нараинга целая деревня видела, как из воды огненные столбы поднимались и гром гремел. Это рядом тут, считайте — по нашему курсу. Может, врут. Хотя из деревни человек двадцать сбежало в глубь острова...

«Что же ты раньше молчал!» — чуть не крикнул Олаф, вцепляясь в подлокотники. «А впрочем, откуда тебе знать, что я ищу, о чем говорил с Теруатеа. Я-то для тебя просто досужий европейский экскурсант...». Сдержавшись, Бергсон спросил:

— Давно видели?

— Что?

— Да столбы эти. Огненные...

— Точно не скажу. С месяц, наверное. Недавно.

Олаф уже раскрыл было рот, чтобы попросить соединить его с Теруатеа. Бог с ней, с тайной. Ким — человек надежный. Но тут подошло расчетное время. И сработал прибор, аналогичный кухонному звонку Олафа, только с более изысканным, мелодичным звоном.

Это значило, что антенны «Тритона» приняли радиолуч близнецов.

Включив по просьбе пассажира динамик, Ким с хмурым недоумением слушал отрывистую морзянку. Отныне роль рулевого сводилась к малому: вмешиваться в управление батискафом при явной опасности. «Акулу» вела электронная машина. Туда, вглубь, где скрещивались в непостижимом фокусе узконаправленные лучи антенн безликих кораблей.

И, куда неслась ко дну одной из величайших на планете водяных «ям» бесстрашная стальная скорлупка, Олаф допрашивал Кима, как положено солидному специалисту по НЛО. Не иначе как позабыл на время запальчивый викинг, что не перед своим камином сидит он рядом с нахохленным рулевым, и не в надежных стенах обсерватории...

6700 метров глубины. 6850...

— А еще раньше, в прошлые годы, здесь никто не наблюдал подобных феноменов?

— Я не слышал, врать не буду.

— Ну, может быть, что-нибудь другое... Скажем, летающие объекты, или какое-нибудь необычное свечение...

— Тарелки, что ли?

— Необязательно. Просто что-нибудь непривычное.

— Всякое говорят. Всего не упомнишь. Мы в разных районах плаваем. Океан, он большой...

7100 метров. 7300. Намерение связаться с Теруатеа забыто. Олаф увлеченно расспрашивает, а Ким, не в силах отказать настырному пассажиру, отделяется все более скупыми, отрывистыми репликами. Батискаф вырван из рук рулевого, им командует машина, а по сути, этот рыжебородый сорокалетний мальчишка; в душу Кима, склонную к фатализму, закрадывается гнетущее предчувствие.

7800 метров. 8000. 8230...

— Ну а вам-то, Ким, лично вам, не доводилось ни-

чего такого встречать во время плаваний? На воде или под водой?

— Ничего.

— Вы уверены в этом?

— Уверен.

— А скажем, в районе Бермудских островов...
8580 метров. 8810...

Ким уже не отрывает глаз от окошка глубиномера, где выскакивают цифры, как на счетчике такси. Несведущий наблюдатель мог бы подумать, что идет отсчет перед неким тревожным и ответственным стартом или началом опыта.

На отметке 9025 метров замигал алый глазок посреди пульта: ультразвуковой локатор предупреждал о препятствии. Олаф замолчал. Краска отлила от его щек. Луч света уперся в заглаженную скальную стену, скользнул ниже. Ким ринулся к штурвалу — разворачивать батискаф. Бергсон непонятно закричал на родном языке, вцепился в плечи рулевого. Тусклый блик бежал по дну впадины, по ребрам чего-то круглого, выпуклого, будто крышка чудовищного бака.

Не обращая внимания на крики и мольбы пассажира, Ким Дхак отшвырнул его в угол салона и дал форсированный подъем.

Вслед возносящейся «акуле» вспыхнуло кольцо хищных прожекторных глаз по ободу крышки. Олаф, упавший вниз лицом, успел увидеть в донном иллюминаторе, на фоне слепящей световой завесы, черную, непреклонно идущую на сближение сигару торпеды.

Тщетно насиловал передатчик плачущий Рене Терутаеа.

Тщетно вызывал в этот вечер Олафа Бергсона по экстренному каналу связи утомленный собственными детективными страстями Виктор Сергеевич Панин.

Сообщение о гибели известного астрофизика, решившего совершить экскурсию в глубины тропического океана, появилось в печати три дня спустя. Когда вер-

толет-рыборазведчик обнаружил в открытом море куски розовой обивки салона батискафа.

Дэви стояла перед ним — совсем не такая, какой он знал ее прежде. Она не изменилась внешне: та же гладкая ореховая кожа, и гордая головка на высокой шее, и тяжелые смоляные волосы, откиннутые на спину. Виктор Сергеевич ожидал увидеть ее в темной одежде, а не в привычном белом комбинезоне. Но затем вспомнил где-то вычитанное: в Индии траурный цвет — белый...

Что же все-таки столь неузнаваемо преобразило девушку? Настолько, что даже прежнее чувство Виктора Сергеевича к Дэви — странная тяга, родственная ощущению человека, стоящего над пропастью, — сменилось более мягким, теплым, чуть ли не отеческим?

Он присмотрелся и понял.

Не потеряв ни скульптурной своей красоты, ни царственной осанки, Дэви в горе обрела то, чего раньше была лишена напрочь: незащищенность. Глаза ее больше не казались снисходительно мудрыми. Стоя перед командиром, Дэви искренне и серьезно ожидала его поддержки.

— Садитесь, — сказал Панин, обрывая долгую паузу.

Они снова испытующе посмотрели друг на друга, и губы Дэви тронула легкая улыбка.

— Так и есть! — воскликнул командир, припечатывая ладонью бумаги на столе. — Я смотрю вам в глаза и отлично понимаю, чего вы от меня хотите; а вы знаете наперед, что я собираюсь сказать. Может быть, мы с вами попробуем вообще обходиться без слов?

— Боюсь, что у вас на первых порах это не получится, — ответила Дэви. И голос ее прозвучал совсем не так, как раньше: чуть смущенно, с забавным и очень женственным акцентом.

— Жаль. А мне почему-то казалось, что у нас хороший мысленный контакт.

Дэви покорно опустила глухие шторы ресниц. По-

истине, она сегодня робела перед Паниным и была готова, как девочка-школьница, послушно ответить на все вопросы.

— Да, командир, у нас есть созвучие. И месяцев через шесть мы уже могли бы обходиться без слов. Но вам пришлось бы потратить много сил, чтобы достигнуть этого.

— Понятно, — кивнул Панин. — Специальные упражнения?

— Это лишь оболочка, — еще ниже опуская ресницы и склоняя голову, ответила Дэви. — Никакие упражнения не помогут, если нет главного — цели. Нужно стремиться к достижению высшего, а не просто принуждать тело и дух.

— Так, — сказал Виктор Сергеевич. — Значит, вы прошли этот путь?

— Его нельзя пройти до конца; путь к совершенству продолжается и за пределами нынешней жизни.

— Там же и ваша цель?

— Нет, — все так же терпеливо и тихо возразила она. — На каждой ступени — своя цель. Есть ближние и дальние, и есть главная, недостижимая в отдельном существовании: растворение конечного в бесконечном...

— Вы, надеюсь, простите меня, если я перейду к более конкретным вопросам, — чуть строже сказал Панин. Ему показалось, что Дэви намеренно уводит разговор от, конечно же, заранее известной ей темы. — Но вы должны меня понять...

Он хотел еще многое объяснить девушке: что он глубоко сочувствует Дэви, и просит прощения за свою настойчивость, но, как начальник орбитального комплекса, ответственный за жизнь сотен людей и работу всемирной важности, не имеет права не поинтересоваться причинами поступка Рама Ананда и явной осведомленностью Рама и Дэви о готовившейся диверсии, и...

— Не надо, командир, — сказала Дэви, вдруг посмотрев на Панина с прежней своей высоты. — Я вас

отлично понимаю и признаю за вами любое право. Поверьте, я сумею выдержать какие угодно вопросы и, если смогу, дам полный ответ на них.

— Легко с вами, — вздохнул командир. — Сделайте милость, расскажите все сами. Вы в английском сильнее меня, стало быть, и вопросы сформулируете лучше, чем я бы это сделал...

Не повышая голоса и держа руки смирно сложенными на коленях, Дэви принялась рассказывать, точно дисциплинированная пациентка на приеме у врача. История была не такой уж сложной, но показалась Панину самой удивительной из всех, которые он смог припомнить на своем веку. Порой, слушая Дэви, он ловил себя на мысли, что все это — выдумка, бредни девочки-сказочницы, выросшей среди индийских мифов, на земле Вед и таинственных ашрамов. Тогда Дэви на мгновение запинаясь, и брови ее укоризненно сходились на переносице.

Мифы были растворены во всей ее жизни. Они обрели плоть, когда ее, ученицу младшей группы в маленькой школе, выделил из числа прочих старик учитель, потомок браминов, и стал объяснять ей и еще двум-трем детям основы сокровенного знания. Тогда-то Дэви впервые услышала, что степень владения скрытыми силами всецело зависит от того, насколько предан человек своей цели, чем готов жертвовать для ее достижения. Дэви страдала, ибо никак не могла решить, для чего же она живет? К чему следует стремиться, какому идеалу служить? Религиозное подвижничество девочку не привлекало, нирвана — венец всех воплощений — виделась чем-то неопределенным, сугубо умозрительным. Хотелось отдать себя захватывающему земному делу, пусть даже мудрые книги называют видимый мир «покрывалом Майи», обманом чувств...

В пятнадцать лет ей встретился Рам Ананд. Они почувствовали неодолимое влечение друг к другу и — тайне от других — стали мужем и женой.

Незадолго до того как раз завершилось атомное разоружение. Джайпуру, родному городу Дэви, выдали изрядную сумму на покрытие первостепенных нужд. На окраине быстро поднялась новенькая, великолепно оснащенная больница. Первым приехал работать в ней выпускник столичного университета, двадцатидвухлетний Рам Ананд.

Рама неодолимо влекло в космос, и этим влечением он полностью заразил Дэви. Врач также пытался раскрыть тайники внутренней силы, и ушел дальше, чем его юная возлюбленная. Многие мог Рам из того, что поражает непосвященных, и больные боготворили его. Кроме того, говорили, что он умел читать чужие мысли и передавать свои, правда, не кому угодно, а столь же подготовленному человеку. Космос, по объяснению Рама, был не только безграничным пространством, но и духовной родиной людей. Там, в царстве могучих раскрепощенных сил, будущим поколениям суждено обрести всемогущество. Там и только там конечное сливается с бесконечным, крошечное «я» со всеобъемлющей душой мира.

При всем своем стремлении разделить мысли и заботы любимого Дэви не сразу поняла философию Рама. Усвоив же, приняла не рассудком, а сердцем, как великую мечту о свободе от природных ограничений. Это она первая восхитилась приходом «Вихря» с астероидом на буксире, предложением Панина строить поселок на летающей горе. Рам, оценив по достоинству предприятие «вихревцев», назвал его духовным подвигом. Вскоре он стал усиленно готовиться к международному конкурсу на занятие вакансии в экипаже «Вихря-2», а Дэви поступила на курсы операторов вычислительной техники. Цель жизни была найдена: рядом с Рамом шагать все дальше от уютной Земли, осваивая грядущую родину. Утихли тревоги, в душе воцарилось согласие. Дэви была счастлива.

Но тут в ее жизнь диссонансом ворвался мотив, слов-

но взятый из старинной индийской драмы. Родители, до сих пор видевшие во встречах Дэви и Рама лишь невинную юношескую дружбу, после поступления девушки на курсы заподозрили что-то неладное и пожелали как можно скорее выдать дочь замуж. Открыться немедленно было невозможно: мать тяжело болела, любое волнение могло убить ее, и даже Рам не имел сил помочь измученной женщине.

Пришел день, когда отец позвал Дэви и сказал, что скоро она увидит своего жениха. Если Дэви не хочет убить свою мать, то она должна подчиниться воле родителей. Жених был сыном богатого коммерсанта, выходца из Индии. Семья жениха, как и сам он, жила постоянно где-то на Ближнем Востоке, но часто приезжала на свою бывшую родину.

Девушке он показался странным: рослым, но с чуть писклявым тихим голосом, с упрямым бычьим лбом и могучими руками. Глубоко посаженные глаза смотрели пронзительно. Он с трудом изобразил восхищение при виде красавицы. «Фанатик», — подумала Дэви. Благодаря Раму она уже начинала чувствовать сущность человека после нескольких секунд знакомства.

Если отрешиться от неприязни, которую Дэви испытывала к человеку, навязанному ей силой, «жених», пожалуй, был интересен. При всей своей скрытности умел развлечь беседой, представлялся содержательным и остроумным. С благословения родителей Дэви посещала с ним кинотеатры, бывала в компании его немногочисленных друзей, таких же, как и он, эмигрантов.

Как правило, они собирались в просторном доме, который приобрел отец жениха. Здесь часто говорили о политике, о международных событиях. Но больше всего, как ни странно, об освоении космоса. Только не восторженно и вдохновенно, как Рам. Попытки многих стран, в том числе и их бывшей родины — Индии, основать внеземные поселения объявлялись здесь безумными, бессмысленными и неоправданно опасными. Жених даже

заговаривал о кощунстве против «верховного разума», правящего Вселенной, и с ним соглашались.

Во время одной из редких, тайных, болезненно-коротких встреч с любимым Дэви рассказала ему о последней вечеринке в компании жениха. Точнее, о загадочном разговоре, состоявшемся после ухода большинства гостей, когда она и жених остались в роскошной курительной комнате. Изрядно подвыпивший сын новоиспеченного богача пустился в откровенность. Сидя на тигровой шкуре и посасывая мундштук антикварного кальяна, он усиленно намекал, что движение борцов против «безумия и святотатства» скоро от слов перейдет к действиям. У «космоборцев» есть высокие покровители, об этом он узнал от отца. Недалек день решительного удара по твердыне безбожников, развращающих народы, — дьявольской небесной горе... Дэви, по юному неразумию поступившая на операторские курсы и не желающая бросать их, несмотря на родительский гнев, может искупить невольный грех. Для нее найдется парочка ответственных поручений. В уме и энергии девушки люди, по поручению которых он говорит, не сомневаются; яркая же красота Дэви поможет ей выполнить задания надлежащим образом...

Дэви захотелось бежать куда глаза глядят от липкого, кошмарного разговора. Но сработала выучка, приобретенная в школе и позднее, под руководством Рама. Даже мускул не дрогнул на смуглом лице Дэви. Она поняла, что существует организация, и жених, возможно, только пешка... Как знать, не его ли хозяева устроили сватовство к ней?!

...К ее удивлению, Рам отнесся спокойно к рассказу Дэви. Молча ходил по номеру пригородной гостиницы, о чем-то размышлял. А затем попросил Дэви, во имя их любви и высших целей, делать вид, что она соглашается на предложения «космоборцев».

Вначале Дэви возмутилась. Ведь ожидала совсем другого: покоя в крепких объятиях любимого, слов уте-

шения и совета. Может быть, гневной вспышки Рама, рыцарского единоборства с черными силами. Потом поняла, что Рам прав. Обнажить шпагу сейчас означало бы бесславную гибель их обоих. Попытка разоблачить «космоборцев» перед властями дала бы немногим лучший результат: фанатики, судя по всему, действительно пользуются чьей-то сильной поддержкой. Никаких доказательств у Дэви нет: и она и Рам предстанут фантазерами, болтунами... Скандал прежде всего убьет больную мать, а затем для обоих правдолюбив найдется пуля, или бомба в самолете, или автобус, выскочивший из-за угла. Бежать тоже бессмысленно: найдут.

В течение нескольких недель ее не беспокоили, жених разглагольствовал о пустяках и водил на американские вестерны. Одновременно Рам (с невероятными ухищрениями, чтобы сохранить в секрете их встречи) тренировал Дэви в практике мыслеобмена, передавал удивительные своей простотой и действенностью приемы немного общения на расстоянии. Он должен был стать постоянным свидетелем действий жены во вражеском лагере.

Однажды жених пригласил Дэви к себе в дом на какое-то семейное торжество. На сей раз беседу в курительной повел сам хозяин, а сын лишь смиренно поддакивал. Дэви предлагалось остаться на курсах. Она должна преуспеть в учебе, заслужить отличную оценку учителей; после окончания — принять участие в конкурсе операторов, желающих попасть на астероид. В ее победе на этом конкурсе он не сомневается...

Дэви, как они с Рамом задумали, согласилась.

Она была в числе первых на конкурсе операторов в Международном космоцентре и стала незаменимой помощницей Глебова, начальника стартового комплекса астероида.

Перед отлетом в орбитальный поселок Дэви сумела настоять перед коммерсантом, чтобы его сын оставил ее

в покое. Обручение распалось. Успев по-настоящему влюбиться, «жених» изрядно страдал, но на это, видимо, никто из его хозяев не обратил внимания.

Позже произошла трагедия, известная всей Земле. Дэви узнала от своих «хозяев» о предстоящем запуске двух космических кораблей, предназначенных для диверсий и уничтожения станции. Она сумела передать эти сведения Раму, который вошел в состав интернационального экипажа «Вихря-2». Рам словно предчувствовал моменты наибольшей опасности. Ценою жизни Рам Ананд спас «вихревцев», отвел первый удар от астероида. Да, она знала, что Рам может погибнуть. Да, она волевым усилием заставила Панина не мешать мужу. Это был, по их мнению, единственный выход.

Что? Она слышит незаданный, вертящийся на языке вопрос командира. Связь с «космоборцами» Дэви поддерживает постоянно. У нее есть радиопередатчик. О близости Дэви и Рама так никто и не узнал; хозяева кораблей-убийц, один из которых послал сигнал разгерметизации скафандров, приписали неудачу простой случайности. Теперь от «агента» ожидают весьма значительной услуги. Очевидно, предстоит прямое нападение на астероид. Задача оператора — по команде с Земли торпедировать грузовыми ракетами пассажирские корабли, находящиеся в порту, после этого вывести пусковые площадки из строя. Спасение самой Дэви гарантируют.

...Нет, ни о сроках операции, ни о том, какими силами она будет произведена, Дэви ничего не знает. На таком расстоянии она могла угадывать только мысли Рама, да и то, когда он адресовал их жене. Ей известна лишь цель: физическое уничтожение поселка. Может быть, просто бомбардировка с кораблей или удар лазерного луча... Хотя вряд ли. Скорее всего диверсанты попытаются создать видимость самопроизвольной катастрофы. Чтобы неповадно было землянам и через сот-

ню лет осваивать астероид, чреватый смертельными сюрпризами.

...Нисколько не стесняясь тем, что Дэви, по-видимому, действительно могла читать его мысли, Виктор Сергеевич ходил взад-вперед по кабинету, думал, взвешивал и отбрасывал варианты. Да, положение! Сообщить все на Землю? А вдруг у них налажен перехват радио-и телесвязи? Не исключено, что налажен... Даже наверняка. Придется своими силами... Своими...

...Но все-таки с чего они начнут? Когда и откуда ждать тревоги? У станции много уязвимых мест. Построены грандиозные установки, хранящие колоссальный запас энергии; любая из них, выйдя из нормального режима работы, станет не менее опасной, чем ядерная мина. Та же солнечная ловушка: достаточно сместить фокус наводки — способна хлестнуть огненным бичом по поселку. Таят угрозу склады горючего, двигатели ракет, котлы плазменных буровых машин... Наконец, электроцентральный Реактор-бридер, один из самых могучих на Земле. Уж он-то, перестав подчиняться, не замедлит обратить астероид в мертвую радиоактивную болванку...

— Огромное вам спасибо, Дэви, — сказал Панин, вставая с оседланного стула. — Вы даже не представляете, чем мы все вам обязаны... Вам и Раму. Не знаю, насколько это вас утешит, но, когда окончится эта мерзкая история, я поставлю здесь, перед командным пунктом, обелиск в честь героя. — Он взял обеими руками ее сухую, шелковистую, чуть дрожащую руку. Неожиданно женщина всхлипнула, уткнулась лбом в плечо командира. Несколько секунд он гладил ее роскошные, электрически потрескивающие волосы, приговаривал ласковую бессмыслицу. Овладев собой, Дэви резко, почти враждебно отстранилась. Она стояла, расправив плечи и вскинув подбородок, на полголовы выше командира, — и ожидала распоряжений.

Глаза Дэви угасли, стали сухи и непроницаемы, как

черный агат. Непостижимым образом Виктор Сергеевич вдруг увидел в них судьбу погубителей Рама.

— Будьте любезны, возьмите на столе программу, — отогнав видение, будничным тоном сказал Панин. — Я приготовил ее для вас. Здесь серия стендовых испытаний ракет-носителей для спутников геологоразведки. Извольте сообщить Глебову и остальным, что я вас вызывал именно по этому поводу.

Дэви послушно спрятала маленький медно-желтый диск. Разговор был окончен.

Но на пороге она обернулась еще раз и сказала, разом выловив основное в потоке бурных, разрозненных мыслей командира:

— В нашей службе нет сообщников тех. За весь штат астероида я не ручаюсь. Иногда мне чудится какое-то злое, темное дуновение... От кого оно исходит — определить не могу. Рам тоже чувствовал — и не мог определить.

— Что нужно для того, чтобы вы нашли... этого человека? — мгновенно подобравшись, спросил Панин.

— Мне? Хотя бы раз прикоснуться к каждому из жителей поселка. К руке или ко лбу. Придумайте предлог, какой-нибудь поголовный тест или осмотр... Впрочем, я же не медик, это будет подозрительно...

— Не беспокойтесь. Техническую сторону я беру на себя.

Изящно и покорно кивнув, небесная танцовщица выплыла из кабинета. Закрылась за ней мнимо хрупкая, покрытая морозным узором дверь-переборка. Виктор Сергеевич постоял еще немного на ковре, широко расставив ноги и засунув руки в карманы. Затем сказал несколько слов по-русски, которые наверняка смутили бы Марину...

Выйти на связь с Землей по поводу «близнецов» ему так и не довелось.

Реактор-размножитель на быстрых нейтронах, или бридер, не только потребляет топливо, но и производит его. Горючим бридеру служит смесь плутония с ураном-238. При использовании быстрых нейтронов каждые три распавшихся атома урана-238 производят один атом плутония...

Сидя в своем закутке, возле торца подковообразной, панели, Рашид Гаджиев сонно слушал осточертевшие объяснения начальника централи. Опять экскурсия. На сей раз какие-то престарелые миссис, из числа тех сухопарых и утомительно-любопытных англосаксонских дам, которые толкуются вокруг всех достопримечательностей планеты и везде чувствуют себя как дома. Как же, нужны им твои нейтроны! Только для того, чтобы потом хвастаться за чаем перед менее предприимчивыми подругами набором собственных фото в скафандрах, на фоне жуткой черноты, наняли богатые бездельницы экскурсионный корабль НАСА и теперь делают вид, что им интересно, тянут иссохшие, в куриной коже шеи...

Слава богу! Волоча ноги в непривычной магнитной обуви, заторопились к выходу. Визит окончен. Приближается условная «ночь». Повилайтис прощается с Рашидом покровительственным взмахом руки. Гаджиев сегодня дежурный. Закрылась тяжелая освинцованная плата двери. Все. Он один.

Рашид встал, чтобы немного размять мышцы. Прошелся вдоль подковы, уютно и празднично мерцавшей бесчисленными огоньками, экранами, символами. Стены круглого зала — глухие, гладкие, незаметно переходившие в такой же кремовый купол — создавали впечатление незыблемой прочности. Здесь было спокойно работать. Смутную тревогу рождал только огромный телеэкран, где, как в синеватом сумеречном окне, виднелась цилиндрическая громада бридера, точно ствол гигантского дерева, оплетенный удавами трубопроводов. Во время одиноких ночей дежурства, подобных сегодняшней, Гаджиев частенько останавливался против

экрана и силился представить, как бесшумно и непрерывно «разбухает» тело реактора под ливнем нейтронов. Да, это был факт, хотя и похожий на чудо, — конструкции бридера обрастали новым металлом, постепенно теряя строгость форм. Если не принимать меры, через сколько-то лет заглохнут проводящие пути, безобразные опухоли расползутся по коже...

Рашид оторвался от созерцания реактора, чтобы набить из зеленого шелкового кисета черную обгрызенную трубку (то и другое — память об отце), тщательно примять табак большим пальцем, раскурить и прикрыть жар узорной крышечкой. Добрый азербайджанский табак спасал от сна куда лучше, чем кофе или чай.

Гаджиев снова прогулялся перед изогнутой панелью, там шелкнул тумблером, здесь утопил клавишу... В общем, все шло нормально. На красочной, точно неоновая реклама, подробной мнемосхеме горели яркие цвета: графитовые стержни, обозначенные синим, были надлежащим образом внедрены в алую активную зону: вишневым потоком струился пар, вращая генераторы; мерцало голубизной, мерно текло кольцо охлаждения. Астероид требовал энергии круглые сутки. В том числе и новенькая гостиница, где теперь спали обогреваемые самым дорогим в мире теплом, овеваемые самым дорогим в мире воздухом старушки-путешественницы.

Он опустил на свой «штатный» стул в конце полукруга пустых сидений и не без злости подумал, что тощие леди, по крайней мере большинство из них, никогда в жизни не знали настоящих забот или печалей. Вечно за чьей-то спиной, под чьей-то опекой — родительской, мужниной... Туго набитые кошельки, масса свободного времени, рабелепные горничные, массажисты, врачи, водители, пилоты ракет... хм... начальники централей... Старые девчонки, мелочные, невежественные и капризные. А ему, оставившему родительский дом ради благородного дела, ему, самому пылкому обожателю астероида, самому старательному работнику не доверяет

командир! То есть, конечно, виду не подает, Виктор Сергеевич для этого слишком умен и сдержан, но ведь он-то, Рашид, чует... «Можно подумать, Рашид, что у вас здесь что-то не в порядке...» Отравленной иглой засе-ли эти слова, небрежно брошенные Паниным неделю назад. Повилайтис, службист, робот, с его всегда брезгливо поджатыми губами, тоже понимает отношение командира к Гаджиеву. Оттого никогда не похвалит, не улыбнется, не спросит о делах или здоровье. Только сухие распоряжения, официальный тон и выговоры — очень корректные, но едкие, обидные... За что?! Особенно в последние дни... Встретили командира возле пускового «корыта» — сразу глаза-щелочки под шлемом и колючий вопрос: «А вы чем изволите здесь заниматься, товарищ инженер реакторной защиты?» Объяснил ему, что тренируется, закаляет себя пешими прогулками по космическому острову, что хочет через некоторое время получить квалификацию бортинженера атомных дальнорейсовых кораблей. Опять-таки не поверил. Многозначительно переглянулся с кем-то из помощников, скупно кивнул, ушел осматривать снизу опоры стартовых «желобов»...

Для того ли Рашид покинул Штаты, чтобы никак, ну никак не сделаться полностью «своим» на Родине?

Совсем загрустив, он в очередной раз встал и, крепко затаившись, поплелся к одному из блоков пульта. Надо было отвлечься от тяжелых мыслей, и чем основательней, тем лучше. Для этой цели Гаджиев придумал проверку дублирующих электроцепей. Ну-ка, изобразим маленькую аварию, скажем, с клапаном сброса давления пара... Удастся ли запасным цепям принять на себя всю нагрузку?

Он протянул руку к рубильнику и тут же невольно вскрикнул. Показалось, что именно из-за его незавершенного жеста вдруг заиграли блеском пожара целые ряды датчиков и подала голос монотонная выматывающая сирена.

И вдруг все погасло и умолкло.

Рашид впервые в жизни очутился лицом к лицу с мертвым пультом. Подкова сразу стала хмурой, громоздкой и, как ослепший гигант, ловила человека расставленными руками.

Самое страшное было то, что умерла мнемосхема — черный зеркальный чертеж в окружении словно бы перегоревших лампочек. Мутным зеркалом стал и главный экран...

Держась за поручень, чтобы не вспорхнуть, Гаджиев бросился к тому единственному блоку, который не переставал жить и после отключения электрических связей. «И при железной дороге не забывай двуколку» — это присловье любит вспоминать Повилайтис. Там добрый старый манометр, стеклянная трубка термометра с ртутным шариком на дне. Надежные старики-приборы соединены трубками с реактором. Трубками, а не проводами...

...«И при железной дороге...» Затрепетав, как желтые мотыльки, потухли осветительные плафоны на куполе. Вместо них разлили синеватое сияние химические светильники. Кто-то предусмотрел подобный случай.

Он смотрел, не веря себе, как дружно ползут к красной черте опасности стрелка манометра и столбик ртути. Рашид, выросший среди точнейшей электроники, подсознательно не доверял «железкам» паровозного века.

...Значит, нельзя никому позвонить, никого предупредить. Дороги для тока перерезаны.

...Систему жизнеобеспечения поселка будут еще долго питать аварийные батареи. Они в каждом здании. Даже чуткие приезжие миссис не проснутся от холода и удушья.

...Долго ли? Охлаждение, понятно, не работает. Скоро вода в замкнутом контуре превратится в перегретый пар. Будет взрыв. Если бы бридер стоял в атмосфере, взрывающая волна разворотила бы к дьяволу активную зону. В безвоздушье реактор уцелеет. Что дальше? Ра-

бочие парогенераторы, ранее дававшие энергию, также перегреваются и, вероятно, разделят участь охлаждения. Активная зона продолжает раскаляться. Наконец, плавится ураново-плутониевая смесь. Ручейки металла сливаются в лужу на дне бридера и тут же застывают. Критическая масса невелика. Сколько минут пройдет — пять, семь, — прежде чем на месте централи вспыхнет, стремительно раздуваясь, белое ядерное солнце?..

Более не раздумывая, Гаджиев одним прыжком-полетом перенесся к дверям кладовой. Лихорадочно натянул защитный костюм, срастил швы. Разумеется, электрический замок на входе в шлюз тоже не действовал; но и здесь не была забыта «двуколка», и Рашид, сцепив зубы, повернул тугое колесо...

В эти самые минуты всей кожей почувствовал юный первогодок-диспетчер, дежурный по стартовому комплексу, как кто-то бесшумно вошел на командный пункт. Рывком обернулся и облегченно вздохнул.

— Что тебе, Дэви? Не спится?

Она смотрела сверху вниз, какая-то особенно прямая, неподвижная, будто пораженная шоком. Потом, снова повергая в трепет белобрысого диспетчера, механическим жестом протянула руку к пульту:

— Пересядь, пожалуйста, Юрген.

Когда юноша подчинился, Дэви быстро привела в действие портовый телескоп, дала машине команду поиска. Не прошло и тридцати секунд, как в раму одного из малых экранов всплыло что-то массивное, темное, без огней. Точно неслыханный звездный кашалот, хищник, замерший перед нападением на безоружный поселок.

— Что ты делаешь, Дэви?! Надо звонить Глебову, командиру, на Землю... — беспомощно лепетал Юрген, глядя на ее окаменевший профиль, на руки, с пугающей быстротой и точностью снующие по панели. Повинуясь движениям вдохновенных пальцев, пробуждались

озаренные сухим светом прожекторов орудия на дне каменного «корыта», поднимали блестящие стволы. Все ракеты, все, сколько их было на астероиде, — почтовые, метеорологические, с контейнерами ископаемых, назначенными к отправке на Землю, — уже висели в захватах кранов.

— Да как же, Дэви...

Юрген бросился к ней — и точно налетел на невидимую стену. Нет, она не остановила его ни рукой, ни словом, ни взглядом. Просто ходу дальше не было. Отброшенный непонятной силой, диспетчер забарахтался в воздухе, хватаясь за спинки кресел.

Суставчатые лапы рычагов прижали тела ракет к желобам. Первая восьмерка готова. Вспыхивают едва заметными венчиками пусковые патроны.

...Он шевелится, почти неразличимый хищник на экране телескопа. Учуж! Багрово полыхнули боковые дюзы. Начинается разворот.

И одновременно, будто единственный бледный глаз моргает посреди круглого чела. «Кашалот» защищается, он отстреливается от неуклонно мчащейся стаи.

...Что они могут, мирные ракеты, тонкостенные жестянки? Вот цифры и знаки дисплея свидетельствуют, что одна из посланниц Дэви взорвана в пути... Другая...

Юрген с ужасом, переходящим в настоящий мальчишеский восторг, смотрит, как летящие факелы, боясь атаковать в лоб, обходят со всех сторон неуклюжего хищника. Еще одна ракета рассыпалась искристым фейерверком... Тщетно! Стаей руководят гениальные руки. Дэви в одиночку исполняет работу целого штата диспетчерской, и как исполняет!

На скорости в несколько километров в секунду любая жестянка становится сокрушительным тараном. «Кашалот» уходит, но как-то неуверенно, боком. Возможно, он уже поврежден обломками одной из взорвавшихся ракет. Траектории полета стаи, чуть разойдись, снова смыкаются вокруг кормы пришельца.

Диспетчер победоносно кричит и барабанит ладонями по коленям. Есть! Кольцевая радуга с черным ядром расплывается по экрану, наискось прочерчивает его какой-то бесформенный раскаленный осколок...

— Ну вот и все, Юрген, — говорит слегка вспотевшая Дэви, совсем «домашним» жестом сдвигая прядь со лба. Больше нет никакой стены, и можно схватить чуть дрожащую руку волшебницы, и сбивчиво высказать ей свое восхищение. А потом спросить, кого же это, собственно, мы с тобой уничтожили сегодня ночью в трех сотнях миль от астероида?

Немного отойдя от крышки колодца, Рашид почувствовал, что колени его слабеют. Перед глазами сгустилась темнота, что-то немилосердно обожгло горло. Медленно, как пузырь с горячим воздухом, опустился Гаджиев на ребристые плиты пола. Неужели уже действует? Очень возможно, доза страшная, никакой костюм не спасет, счетчик на рукаве прямо пылает...

Хотелось слизнуть капли, собравшиеся изнутри на стекле шлема. Может быть, его дыхание тоже радиоактивно?..

...Надо бы отползти подальше, да нет сил. Вон лежат штабелем огромных, грубых брусьев твэлы — тепловыделяющие элементы бридера, которые он только что выволок из горячего колодца. На Земле эти пятиметровые «заряды» реактора не выволок бы без электроподъемника весь личный состав централи. А здесь, у края колодца, все тот же неизвестный благодетель, сторонник спасительной «двуколки» предусмотрел узенькие кольцевые рельсы и ручной кран. На такой вот случай, как сегодня, — жестокий случай, крайний, когда либо один погибай, либо со всем астероидом...

Рашид лежал вверх лицом, отчужденно глядя, как реют под фермами потолка, кружатся, сталкиваются

стеклянные шары. Это вода из колодца, которую прежде удерживали крышка и молекулярная пленка.

Нараставшее оцепенение ненадолго отступило, когда вместо холодных квадратов химического света сверкнули веселые плафоны. Централь больше не мертва, включились аккумуляторные резервы.

Откуда было знать Гаджиеву, что за несколько мгновений до этого был разрушен мирными ракетами корабль-хищник, висевший над астероидом?.. Как не знала и Дэви, что руки ее прервали узкий поток магнитных волн, падавший с борта пирата на купол централи; луч, парализовавший все электрические связи...

Он еще успел ощутить прилив гордости. Стало легко. Светильники расплылись, растянулись золотыми крыльями...

Рашид не увидел лица Марины Стрижовой, склонившейся над ним; не почувствовал рук, поднявших его с пола...

Глава V

КОМАНДИР ЛИСТАЕТ АЛЬБОМ

...И снова перед ним альбом — плотный, в чуть потертом голубом бархате с солидными серебряными уголками. На Земле он весил бы изрядно. Вон как разбух от новых фотографий. Предпоследнее фото, наклеенное Виктором Сергеевичем, изображает «нашего министра», перерезающего ленточку перед воротами собственного астероидного металлургического комбината. Это сооружение, подножие которого хорошо видно в иллюминатор, меньше всего напоминает земные предприятия с их аккуратно расставленными по равнине пеналами цехов. Негде здесь размахиваться вширь. Комбинат представляет собой сложной конструкции башню, уходящую далеко от станции, дальше, чем уходят от Земли вершины самых высоких небоскребов и телевышек. Технологические линии вытянуты по вертикали: у массивного астероида словно появился стройный, длинный серебристый побег. Ничего, тяготение позволяет...

Последняя фотография — открытие памятника Героям астероида. Толпа в скафандрах вокруг странного на первый взгляд, двойного обелиска, напоминающего белую двузубую вилку. Оранжевые розы в прозрачной капсуле, и над ними — два имени, высеченных крупным шрифтом. Рам Ананд и Рашид Гаджиев.

Да-с, следующий снимок наклеит кто-нибудь другой. Нет, не кто-нибудь, а конкретный человек, начальник

орбитальной станции с завтрашнего дня, Георгий Калантаров, старый боевой товарищ, штурман «Вихря-1»...

Скоро, очень скоро руки Виктора Сергеевича ощутят вес земных предметов. Будет долгий, долгий отпуск — ласковое море, ненавязчивый надзор медиков. Потом, через полгода или год, эти самые медики весьма жестко определят: летать ли еще Панину, выходить ли в скафандре под черный, усыпанный огнями купол или до конца дней почивать на лаврах, сокрушаясь, отчего в самую ясную южную ночь звезды все-таки мельче и тусклее, чем в пустоте...

Командир еще раз бережно провел пальцем по глянцевой поверхности последнего снимка.

Двойной обелиск...

Конструкция придумана не случайно. Никогда уже, — если, конечно, не грянет беда совершенно непредвиденная, — никогда не будет нужды ставить на астероиде еще одно надгробие. Но прежде чем командир в последний раз перед отлетом на Землю открыл альбом, произошли многие события...

Разбойничий налет на атомную электроцентраль вызвал настоящую всепланетную бурю. Руководители некоторых государств даже заявили во всеуслышание, что они впервые жалеют, что переплавили свои арсеналы: не худо бы отыскать гнездо мафии и рассчитаться с ней.

Действительно, картина возникала тревожная. Сначала — история с «фактором икс», надолго занявшая умы землян. Хотя и состоялся международный суд, запретивший деятельность «Общества Адама», и были опубликованы подробные материалы следствия, многие так и не поверили до конца, что психическая эпидемия на астероиде была хитроумной диверсией. Мало ли что: космос все-таки среда не слишком знакомая, от него жди каких угодно подарков. «Может, все это разбира-

тельство — пропагандистская выдумка русских, а Комитет контроля попался на их удочку... (Такое мнение поддерживала часть буржуазных газет.)

Когда погиб от разгерметизации шлема Рам Ананд, скандал был такой, что все попытки «отвести глаза публике» провалились сразу. Диверсант, пробравшийся на завод скафандров и с помощью микропередатчика заставивший автоматы сборки приделать к серии 0-16 добавочные отводы антенны, сдался после многодневного преследования и сделал сенсационные признания по телевидению. Многих из названных им активных «космоборцев» арестовал Интерпол, других «взяли» национальные службы безопасности, но крупная рыба, как всегда, ускользнула. Кто-то просто исчез; инженер, придумавший трюк с удлинением скафандровой антенны, мигом попал под колеса поезда парижского метро; один из финансовых вдохновителей мафии предпочел застрелиться... В общем, к центру паутины не приблизились и на этот раз.

Пара «бесхозных» космолетов, пронесшихся по земному небу и по страницам газет, возбудила новые надежды у инициаторов расследования. Намечался более или менее ясный путь. С корабля, приблизившегося к астероиду, вполне мог быть передан код разгерметизации скафандров 0-16. Очевидно, «космоборцы» сделали этот отвод в рукаве именно для того, чтобы антенной стал весь корпус «Вихря-2» и сигнал мог быть принят за тысячи километров.

Но «близнецы» поначалу не проявляли никакой агрессивности; да и на ловлю их ушло бы слишком много сил. К тому же американская пресса довольно убедительно разъяснила насчет стартовых баков «Вашингтона», которым было придано большое начальное ускорение. В довершение всего экспертам мешала быть достаточно активными мысль, приходившая в голову и злополучному Бергсону: сегодня частное лицо не может тайне построить и запустить пару дальнорейсовых ко-

раблей. Изготовление и доставка деталей, сборка, взлеты не прошли бы незамеченными.

Когда все заинтересованные лица окончательно успокоились по поводу «близнецов» и отнесли их к разряду безобидных НЛО, грянула ночная битва Гаджиева и Дэви с обнаглевшим пиратом.

Удайся экипажу корабля его замысел — стереть орбитальный поселок взрывом ядерного котла, все было бы шито-крыто: дескать, случилась авария на атомной электростанции. Может, невесомость выкинула фортель, да и нервы операторов напряжены.

Однако Рашид спас централь, а вдова Рама Ананда жестоко отомстила за мужа, расстреляв убийц мирными «почтовыми голубями» и рудовозами. Исчезли все сомнения в том, что антиастероидная мафия владеет собственным ракетным флотом.

Неизвестно, долго ли продолжался бы поиск секретного космодрома, сколько бы еще мыкались с материка на материк, с острова на остров инспектора Комитета контроля, если б не совершенно внезапное заявление Рене Теруатеа. Видный полинезийский гидробиолог, капитан исследовательского судна «Тритон», сообщил представителю Комитета в Бангкоке, что несколько дней назад при тревожных обстоятельствах погиб батискаф с «Тритона», погрузившийся в одну из крупнейших океанских впадин. На крошечной субмарине находились рулевой-механик Ким Дхак и гость Теруатеа, физик Олаф Бергсон. До последних метров пути батискаф вел себя вполне нормально, связь с ним прервалась в один момент. То, что аппарат не просто затонул, а был взорван, установили вертолетчики рыболовецкой флотилии, нашедшие части непотопляемого оборудования и клочья надувной обивки.

Стоило доктору упомянуть о том, что его романтический друг поймал в районе этой впадины скрещение двух каких-то радиолучей из космоса якобы с внезем-

ных звездолетов, чтобы Комитет развернул целую стратегическую операцию. Прежде всего изолировали Теруатеа — для его собственной безопасности. Подобно Панину не доверяя радиоволнам, бангкокский инспектор послал нарочного с шифрованным письмом в Женеву. Там быстро приняли меры. Рабочая группа инспекции высадилась на островах, примыкающих к впадине, и произвела там осторожный опрос населения. Напуганные островитяне выложили все, что знали про подводный гром и огненные столбы. Три дня спустя разведочная микротелекамера, сброшенная с туземной пироги, показала изображение гигантской бронированной крышки, или колпака, прикрывающего дно впадины. Еще через неделю пять бесшумных субмарин последнего поколения перед разоружением сошлись с разных сторон над океанской крепостью. В Комитете опасались не столько поединка — огневая мощь лодок была достаточной, — сколько самоуничтожения врага. Поэтому, прежде чем начать «вскрытие консервной банки», субмарины парализовали все механизмы под колпаком. Можно усмотреть некий символ в том, что хозяева подводного космодрома подверглись такому же магнитному ливню, как и тот, который они сами обрушили недавно на централь астероида.

Кому-то из главарей отряда, отсиживавшегося под крышкой, удалось бы затеять пожар, но огонь потушили свои же. По-видимому, даже фанатичным мафиози не слишком хотелось жертвовать жизнью, чтобы выгородить высокопоставленных боссов. Из бокового люка показалась рука с белым флагом, а затем вылез и парламентар. Взятый на флагманскую субмарину, он попросил от имени осажденных вернуть электричество, ибо в противном случае будет невозможно открыть главный люк. Командующий эскадрой согласился, но предупредил, что при малейшей попытке к сопротивлению сметет крепость. Лодки приняли прицельное положение, магнитное поле было убрано. Под крышкой глу-

хо ударило несколько выстрелов — очевидно, еще кто-то воспротивился мирной сдаче. Затем центральная часть колпака лопнула посередине и медленно раскрылась...

Пятьдесят два человека, сдавшихся эскадре, были доставлены в Женеву. Страницы газет и развороты журналов запестрели снимками секретных цехов, мастерских, пусковых шахт. На заводе под толщей океана уже собирали следующую пару кораблей-убийц, вооруженных лучше, чем предыдущие...

То, что разразилось в мире после разоблачения главного антиастероидного заговора, можно было сравнить разве что с кампанией протеста последних лет перед разоружением. Людям, не так давно вздохнувшим спокойно — пятидесятилетние еще отлично помнили нервную атмосферу «термоядерного противостояния», — вовсе не хотелось опять со страхом включать телевизоры. Беспощадная организация «космоборцев», собравшая недобитых реакционеров всех мастей, возбудила против себя многоликий и многообразный протест. «Первый случай в нашей истории, — чтобы и левые, и правые, и белые, и цветные, и католики, и протестанты столь активно помогали полиции!» — признался министр внутренних дел крупной капиталистической страны.

В нескольких буржуазных государствах Европы пали кабинеты; обанкротились значительные фирмы, биржевая паника в очередной раз ударила по самым твердым видам валюты. Волей-неволей, ощутив угрозу еще более страшных потрясений, финансовые боги были вынуждены пожертвовать даже самыми близкими помощниками. Международный суд рассматривал одновременно сотни дел; перед его рабочими группами представляли одуроченные интеллигенты и матерые разведчики, психопаты и профессиональные преступники, запуганные пешки и многоопытные короли терроризма. Частая сеть розыска набрела и на «экспериментальный центр»

мафии, где несколько, безусловно, талантливых, но, увы, профашистски настроенных ученых работали над принципами неуловимости космических кораблей. Именно благодаря их стараниям был надежно замаскирован от следящих устройств взлет «близнецов»...

Под шум скандального расследования покровители «космоборцев» — известные всем, но юридически неподсудные миллиардеры, сумели добиться освобождения верхушки «Общества Адама». Коллинз и его подручные были признаны лишь косвенными соучастниками преступлений. «Пророк» Иеремия отделался штрафом (который за него уплатил один из благотворительных фондов) и даже заявил публично, что считает методы террористов «нехристианскими и недостойными цивилизованных людей». Кажется, слова его были искренними. Во всяком случае, с тех пор «честный фермер» не произносил поджигательских речей и безмятежно учительствовал в каком-то колледже.

Приговоры суда удовлетворили даже наиболее непримиримых борцов против мафии. Видимо, времена были уже не те, чтобы покрывать нарушителей всеобщего мира... Подводную крепость разоружили и передали океанологам. Орбитальная станция работала нормально; всю строилась башня комбината, снова готовился к запуску «Вихрь-2». Жители внеземного поселка отпраздновали победу над силами зла и позабыли о ней в будничных заботах.

Кажется, только три человека в мире не почувствовали полного облегчения. Более чем обычно замкнувшись, ожившей статуей расхаживала по диспетчерской Дэви; ей предлагали досрочный отпуск, она отказалась. Неотвязная дума омрачала дни Виктора Сергеевича; чаще обычного впадал он в раздражение или, наоборот, на целые сутки затворялся в своей квартире под слоем камня, на нижнем жилом горизонте командного пункта. Переживая за командира, почти перестала улыбаться Марина.

А если быть совершенно точным, Панину не давали покоя две думы. О неведомом враге, которого еще предстоит найти с помощью Дэви среди поселенцев астероида. И о том вполне ясном, но почему-то всеми на радостях забытом факте, что по Солнечной системе кружит второй, пока безмолвный и невидимый пиратский космолет.

С некоторых пор Марина стала пропадать в виварии. Все свободное время проводила возле решеток и витринных стекол, за которыми копошились звери и птицы, странно преображенные микротяжестью. На недоуменные вопросы коллег, откуда вдруг такая страсть к животным, Стрижова отвечала, что еще в детстве заметила успокоительное влияние животных. Может быть, дело тут в каком-нибудь свойстве биополя, но скорее, в самой скромной, незатейливой, лишенной всяких тайн жизни пса, кошки или аквариумных рыбок. Рядом с этим мудро-элементарным бытием собственные заботы подчас кажутся пустой, надуманной суетой.

Марина подружилась со всей командой вивария, с зоологами, ветеринарами и техниками. Помогала готовить пищу и чистить клетки, терпеливо выслушивала длинные рассказы о рационе слоновой черепахи или обезьяньих заболеваниях. К ней присоединился «Санта-Клаус», седовласый Том Карр. Том так и остался начальником солнечной ловушки, Сикорского после психической эпидемии врачи больше не допустили к ответственной работе. Вместе с Мариной, только более откровенно и бурно, он изумлялся тому, как осторожно ползет-стелется по нежной траве местный, родившийся в невесомости кролик. Ему чужды веселые прыжки. Невероятно огромный и пушистый, ползающий кролик кажется страшноватым неизвестным животным. А трава, приминаемая его осторожными лапами, несмотря на малое тяготение, все равно растет вверх. Ей указывает дорогу Солнце...

Рыбки, по-видимому, вообще не чувствовали, насколько ничтожна гравитация. И привезенные с Земли,

и родившиеся здесь гуппи с радужными хвостами, алые меченосцы, бархатные моллинезии водили все те же привычные хороводы вокруг кормушек, бросались по прямой из угла в угол. В жилищах птиц были подвешены у потолков эластичные сетки, иначе пернатые разбились бы вдребезги. Как ни странно, к диковинным условиям первыми привыкли российские лесные пичуги, зарянки, пеночки, королюки и прочая шумная, деловитая мелочь; чуть трепеща самыми кончиками крыльев, они висели посреди остекленного пространства или неторопливо планировали, обходя ветви буйно разросшихся кустов. Царственные же орлы и раззолоченные павлины то и дело забывали, где они находятся, и с дикими воплями с размаху втыкались в сетку...

Птенцы всех птичьих пород, уроженцы астероида, вели себя одинаково осмотрительно и даже, пожалуй, горделиво. Вероятно, их врожденное самолюбие было удовлетворено тем, что даже голые крючки — зачатки крыльев — позволяли отлично летать. За нелепыми бесперыми летунами гонялись крошечные макаки и пушистые сосунки-капуцины, наловчившиеся загребать воздух ладошками. У обезьянок наблюдалось резкое удлинение лап, они напоминали пауков...

Стрижова и Карр возились со всей этой живностью, забывая о режиме дня; приходилось вмешиваться командиру. Иногда в виварий являлась «хозяйка» смежного блока — оранжерей — Марта Энгстрем, и при ней новоиспеченный оператор оранжерейной гидросети сильно похудевший Сикорский. Эти визиты также происходили не без ведома Панина. Неразлучная парочка рьяно бралась помогать зоологам, и Марине приходилось ретироваться.

Оказавшись на рабочем месте, она старалась полностью отдалиться труду, чтобы не оставалось места ни лишним мыслям, ни проклятому постоянному предчувствию новых бед. Впрочем, не надо было особых стараний, чтобы с головой уйти в должностные обязанности.

Чего стоила одна гипнотека! Это начинание казалось прямым волшебством новым жителям поселка. Марина собирала в машинной памяти магнитные записи словесных внушений, формулы определенных видов отдыха. «Вы входите в зал... гаснет свет, раздвигается занавес...», «Перед вами распаивается пространство, замкнутое синеватыми туманными горами; по каменистой жаркой дороге приближается путник. Это — «Явление Христа народу» Александра Иванова...», «Еще мгновение, и блесна вашего спиннинга с плеском падает в воду...», «Как упруга шляпка гриба! Как искусно прячется боровик под сосновыми иглами, среди мха и опавших листьев!...», «Удар! Вы отразили и эту подачу...»

Наш мозг способен воспринимать время в сжатом сконцентрированном состоянии, «прокручивать» события в темпе, тысячекратно превосходящем действительный. Оттого за несколько секунд сна можно «прожить» часы, а то и недели. Суггестирующие записи позволяли человеку в течение десяти минут провести несколько суток прекрасного, безмятежного отпуска. Все, кто испытал гипноотдых, проникался восторженным чувством к науке; никогда до сей поры не слышала Марина таких любовных излияний и дифирамбов; один запальчивый кубинский курсант назвал ее «богиней, чудесно продлевающей жизнь». Только однажды случился совершенно неожиданный конфуз.

«Патриарх» астероида, шестидесятипятилетний библиотечарь Антон Корчак долго не мог преодолеть предвзятого отношения к гипнозу. «Боюсь, право слово... и знаю, что ничего страшного, а боюсь... будто марионеткой станешь, себе не принадлежащей...» Как-то Марина подвергла Корчака очередному обследованию, после которого заявила, что почтенный поселенец явно перерутомился; если упрямый библиотечарь не пожелает воспользоваться внушаемым отпуском, его придется списать на Землю. Антон больше всего опасался быть списанным, это означало для него старость. Потому волей-

неволей поплелся к пульту машины психофизцентра и начал набирать некую программу. Вслед за этим машина дала сбой. Среди трех сотен видов отдыха, собранных к тому времени Стрижовой, не оказалось разновидности, заказанной Корчаком. Марина спросила о желании пациента очень мягко, чтобы не задеть его национальные чувства; неужели при составлении «гипнотеки» она обошла вниманием отдых, популярный в Чехословакии?!

Ответ почтенного «пана Антона» был смиренным и весьма неожиданным. Библиотекарь, который провел детство в доме своего отца-лесничего среди Высоких Татр, обожал на досуге колоть дрова...

Скоро, в соответствии с долгосрочной программой работ, пришло для Марины такое напряженное время, что вместо привычного забвения в трудах стало тянуть ее к расслаблению, к пассивному отдыху. Уже и гипнотеккой не пользовалась. Просто лежала с книгой на кушетке, а то и без книги, бездумно глядя в потолок.

Начались испытательные полеты с биоуправлением. Первые опыты проводились еще в 70-х годах прошлого века. Налаживали связь между нервной системой испытуемого и управляемым устройством. Посредник — электронная машина. Повинуясь желанию человека, без прикосновения рук, работали послушные механизмы. Неспециалистам это казалось чудом. Специалисты солидно объясняли, что никто не видит ничего чудесного в подчинении нашим желаниям мышц тела. Биотоки — точно адресованные электрические импульсы — бегут от мозга, заставляя нас ходить, вставать, садиться, жевать, писать или строить глазки девушке на сиденье напротив. Поставьте на место мышц чувствительные механизмы — вот вам и биоуправление...

Одним из первых попробовал подняться в ракету, лишенной пульта управления, космонавт Муреш. Два его предшественника без всяких приключений стартовали с астероида и несколько раз облетели вокруг него,

одним усилием мысли выполняя сложные маневры. А вот у Муреша начались «сюрпризы»...

Вообще-то он был непростым парнем, Пол Муреш, американец венгерского происхождения, потомок одной из уважаемых «космических» фамилий США, слава которой зародилась в 1990-х годах, во время полетов семейства челночных кораблей. Дядя Пола, человек суровый и своеобразный, любивший вздыхать и жаловаться, что родился на триста лет позже «своего времени», имел довольно необычные убеждения. Он был опытным и заслуженным пилотом, но почему-то призывал своих коллег и учеников «не слишком доверять технике». «Ну и что из того, что мы утюжим пустоту и под ногами у нас сто тысяч лошадиных сил?» — говаривал старый Лайош смешливым юнцам из пополнения. «Все равно мы ничем не отличаемся от матросов какой-нибудь колумбовой «Ниньи» или «Пинты». Только что руки не обдираем канатами. А жаль, лучше бы обдирали. Это делает из хлюпиков мужчин. Впрочем, если у вас на полном ходу откажет подача кислорода или начнется вибрация, веселья будет побольше, чем у испанцев на пути в Новый Свет...» Дядя не уважал электронику: «Вы мне не говорите про медлительность человеческих реакций; где-нибудь в сече с турками мой прапрадед соображал скорее, чем ваши компьютеры, иначе остался бы без головы...» Не жаловал он также психофизиологический контроль и вообще медицину. «Подумаешь, насморк у тебя или переел с вечера! Машина предполетного осмотра, видите ли, забраковала... А что она понимает, рухлядь? Может, у тебя желание и воля в сто раз больше, чем у самого здорового, и ты, сцепив зубы, пойдешь вперед там, где он захнычет и попросится домой. Этого машине никогда не понять. Она бы того же Колумба или, скажем, Магеллана не допустила бы к плаванью из-за гнилого зуба...»

Взгляды ворчливого Лайоша перенял его младший брат — отец Пола и, наконец, сам Пол. Оттого, подняв-

шись на ракете, испытатель решил, по его собственному выражению, «поводить машину за нос», доказать, что человек все равно умнее...

С этой целью Пол скомандовал кораблю сделать достаточно крутой разворот, а когда ракета беспрекословно подчинилась, вдруг мысленно нарисовал прямую линию полета. Стальные стены ощутимо вздрогнули. Муреш почувствовал легкое покалывание на запястьях, там, где к его коже были приклеены датчики машины, преобразовывавшей биотоки. Тем не менее упрямый пилот снова «предложил» ракете немедленно прекратить разворот и двигаться прямо. На этот раз корабль даже «ухом не повел», зато Пола изрядно потрянуло током. Крепко выругав автоматику, он волей-неволей завершил маневр.

Вдоволь посмеявшись над рассказом Муреша, кибернетики признались ему в небольшом подвохе. Испытателей не посвящали в тонкости схемы обратной связи, предпочитали, чтобы пилоты все постигли самостоятельно. (Это тоже предложила Марина, неистощимая на выдумку в деле различных тестов и проверок своих подопечных.) Датчики, снимавшие картину биотоков, бегущих от мозга, передавали ее весьма коварному микрокомпьютеру. Если желание пилота не выходило за пределы возможностей корабля, машинка, работая в качестве приемного устройства, посылала импульс главной ЭВМ ракеты. Если космонавт требовал чего-то нелепого, недопустимого или разрушительного, электронный страж отвечал ему разрядом, так сказать, приводил в чувство. Чем больше было отклонение от нормы, тем сильнее становился разряд, вплоть до весьма болезненного. Пилота, потерявшего сознание, такой «укол» мигом оживлял; кроме того, достигнув определенной силы, тревожный сигнал транслировался в центр управления полетом.

Панин запретил Марине (и кому бы то ни было другому) делать выговор Полу. Упрямец должен был все

понять сам. Тем более что вскоре ему предстояло более серьезное испытание.

Космоцентр СССР совместно с НАСА разработали специальный корабль для исследования пояса астероидов — чудовищного роя мелких и крупных обломков планетного «строительного материала», висевшего между Марсом и Юпитером. Пример «Вихря», притащившего драгоценный подарок Земле, оказался заразительным. Многим странам захотелось запустить руки в космическую россыпь и выудить оттуда самородок подороже. Сдерживала только страшноватая хроника полета того же «Вихря». Никому не хотелось уворачиваться от глыб и горных пиков, летящих вдесятеро быстрее артиллерийского снаряда.

Именно для успешного лавирования среди камней пояса и была создана эта относительно небольшая, очень прочная и маневренная ракета с мощными «якорями», способными намертво вцепиться в облюбованную глыбу. Но успех маршрута высшей сложности зависел исключительно от быстроты реакций пилота. Ручное управление было слишком медленным. Корабль мог трижды погибнуть, пока пилот, заметив опасность, совершил бы необходимые манипуляции на пульте. Передача всех функций управления автоматам также не гарантировала благополучного исхода; в дьявольском лабиринте требовались и фантазия, и умение рисковать, и даже та гениальная нелогичность, которая раз и навсегда поставила человека выше всех его рукотворных подобиий. Итак, оставалось только биоуправление, сводившее почти до нуля промежуток между решением и поступком. Испытания на астероиде должны были подтвердить пригодность ракеты «Варан» для путешествия в те края, где ее могла выручить только верткость, свойственная пустынной ящерице, подарившей свое название новому виду космоплавания...

Для наблюдения за стартом и полетом Виктор Сергеевич не поехал на пусковой комплекс, а уселся вместе

с Мариной перед экраном командного пункта астероида. В центральной части был хорошо виден короткий круглоголовый «Варан», крепыш с растопыренными стабилизаторами, смиренно лежавший в желобе. Слева сидел в пилотском кресле одетый в скафандр Пол Муреш, скуластый, веснушчатый и рыжий, непрерывно что-то жевавший. Глаза у него были узкие, зеленые и неприветливые, должно быть, подозревал будущие провокации со стороны автоматов. Правая треть экрана показывала зал пускового, где в числе прочих операторов колдовала с наушниками на голове бледная Дэви и переваливался вдоль пульта мешковатый Глебов.

«Варан» привезли на станцию совсем недавно, Панин его изнутри не видел и теперь заинтересовался, сообразив, что кабина выглядит непривычно. То, что перед пилотом не было вообще никаких органов управления, только сводный блок приборов, — это исходило из системы корабля. Но почему колени Пола упирались в прозрачную перегородку, за которой явственно виднелось еще одно пилотское кресло?

Это была спарка. Тренировочный вариант. Передняя кабина предназначалась для космонавта-инструктора. Спарки применялись довольно давно, со времен появления первых орбитальных самолетов — кораблей много-разового использования для связи с жилыми спутниками. Теперь почти любая серия ракет начиналась со двоемной модели. Только большие дальнорейсовые плането-леты по вполне понятным причинам вторых кабин не имели. Спарки позволяли одновременно обкатывать корабль и обучать его будущего хозяина. Часто на месте учителя выходил в космос сам конструктор.

Сегодня второе рабочее место было свободно. Через дублирующий пульт осуществлялась связь с центром. Руководитель испытаний мог следить за состоянием каких угодно систем, только не имел возможности вмешаться в процесс управления. Такое ограничение было оправдано психологически. Космонавт знал, что ему не

на кого переложить свои обязанности. В любом случае он целиком и полностью отвечал за полет. Конечно, это мобилизовало, не позволяло ослабить внимание, оробеть, потерять присутствие духа...

Программа нынешних испытаний предусматривала полный набор операций, выявляющих все качества «Варана». Полу предстояло силой мысли осуществить выход на курс, облететь астероид и решить ряд нелегких оперативных задач, в том числе сманеврировать между несколькими гигантскими «буями», спутниками, сделанными из тончайшей пленки.

Виктору Сергеевичу нравилось, как Пол проверяет готовность корабля: закрыв глаза и приложив пальцы к вискам, пилот являл собой картину полного, можно сказать, йогического сосредоточения. В такт его мысленным распоряжением вспыхивали индикаторы, оживали циферблаты, выстраивались цифры в окошках дисплеев. Ни задержек, ни сбоев. Что называется, дисциплинированный ум.

Наконец, точно очнувшись от оцепенения, Муреш угрюмо пробормотал что-то о готовности к пуску. Глебов вопросительно оглянулся на экран с лицом Панина; командир кивнул, и Дмитрий Витальевич разрешил Полу взлет. «Орудие» уже стояло наподобие голенастого журавля, задрав ствол к зениту. Сработал пусковой патрон — и вот уже «Варан», крестом раскинув стабилизаторы, резво удаляется от астероида. Теперь телекамера, показывавшая корабль извне, работала от следащего радиолокатора, поэтому ракета ни на секунду не пропадала из поля зрения...

Минут пятнадцать все шло нормально, потом начались странности. Пол все так же изображал крайнюю собранность, только руки уже не приближал к вискам — мешало опущенное стекло шлема. Однако, как это бывало уже не раз, командир краем глаза глянул на Дэви и заметил ее беспокойство. Вслед за этим Виктор Сергеевич повернулся к планшету курсографа, где от услов-

но изображенного астероида убегали две светящиеся линии, белая и красная: белая — расчетный путь «Варана», красная — действительный. И увидел именно то, чего с момента пуска опасаются все руководители полетов. Линии расходились. Алая трасса, вместо того чтобы бежать вплотную к завиткам и петлям белой, резко уклонилась вниз.

— Дмитрий Витальевич, — со сдержанной злостью сказал Панин. — Что там у вас за игры? Извольте одернуть парня...

Еще не окончив фразу, Панин уже знал, что говорит впустую. Гусев ответил, часто моргая и разводя пухлыми ладошками:

— Одергивали, командир. Не реагирует.

Неужели Пол перехитрил-таки машину? Вряд ли. Первый полет на «Варане» многому научил его. Кроме того, вот уже в круглом глазке прибора набухает и пульсирует тревожная багровая вишня. Значит, компьютер бьет космонавта жгучими разрядами, а тот не чувствует. И на запросы Глебова никак не отвечает. Почему?

Виктор Сергеевич подумал было, что самопогружение Пола оказалось слишком глубоким. Впрочем, это не Дэви, он таким приемам не обучен. Да и вообще, лицо пилота кажется слишком неподвижным для подлинной сосредоточенности. Скорее это маска.словно в тот самый момент, когда Пол представил себе маршрут полета, что-то разом выключило его сознание; так он и остался, со значительной миной, со складками на переносице, но уже не мыслящий, не действующий...

Господи!

Лоб Муреша заблестел, покрываясь испариной. Капля пота скатывается по щеке.

С одной стороны, наступило некоторое облегчение — «жив». С другой, надо было срочно разобраться: что же происходит на «Варане»? Если отказала терморегуляция, Мурешу конец через несколько минут. Рам Ананд,

Гаджиев... Даже думать об этом жутко. Еще одна смерть. Прикроют, прикроют станцию... Неужели снова диверсия? Конца этому не видно! Происки пиратов или того, безликого, кто до сих пор прячется в поселке?..

В следующее мгновение компьютер, которому было, разумеется, наплевать на все происходящее, сообщил, что корабль окончил ориентацию. Куда сориентировался «Варан», об этом можно было только догадываться. Может, к Веге или к Сириусу. Но это значит, что сознание Муреша живет. Расстроенное, искаженное, оно продолжает управлять ракетой.

А терморегуляция в полном порядке, если, конечно, не врут все приборы сразу, и на «Варане», и у Глебова, и здесь, на командном пункте станции, и в Космоцентре на Земле, откуда уже называют встревоженные Волновой и Тарханов, и в центре НАСА...

Так. Вполне логично. Ориентация окончена, включаются маршевые двигатели. «Варан» обретает вид огненного креста и уносится прочь от астероида. Минута, другая... Пузатое тело ракеты продырявливает белоснежный мяч «буя», разлетаются полотнища пленки. Еще один спутник уничтожен. Красная линия уверенно стремится к краю планшета. Струйки пота льются по неподвижному лицу Муреша. Затем его изображение, дернувшись, гаснет. Провал зияет в левой трети экрана, в центре безмятежно пылает крест сопел «Варана», в правой части видна паника на пусковом участке. Операторы вскакивают с мест, кто-то, не рассчитав усилия, болтает руками и ногами в воздухе. Одна Дэви внешне спокойна и, видимо, изыскивает способ пробиться к пульту «Варана». Панин ведет себя чуть сдержаннее, но скрыть волнение не может. Марина со страдальческой гримасой слушает через наушники, что ей толкует с Земли Тарханов.

Инструкции Космоцентра что-нибудь предусматривают на подобный случай?

Предусматривают.

Виктор Сергеевич объявил через все громкоговорители в помещении астероида:

— Внимание! Аварийная ситуация номер один! Работы на станции прекратить. На связь никому не выходить. Ожидать дальнейших распоряжений.

(...И снова растерянно разинет рот Том Карр, и потихоньку перекрестится фру Энгстром, и станет ее успокаивать донельзя перепуганный Сикорский. В который раз за последний год тревога на астероиде!)

Всю правую треть заслонила широкая заспанная физиономия и круглые плечи Глебова.

— Есть предложение, командир.

— Ну?

— Тряхнуть стариной. Я беру транспортный корабль и догоняю этого психа. Слава богу, опыта мне хватит.

Как просто, подумал Панин. Для кого-то Глебов — тюфяк, увалень; но ведь на самом-то деле ас, ветеран космонавтики, втайне тоскующий о полетах... как, впрочем, и сам Виктор Сергеевич. Кому же, как не Диме, и гоняться за взбесившимся «Вараном»?

«Не будь этого предложения, через полминуты я бы сам решил лететь. Н-да... и получил бы выговор от Марины... Глебову не устроит сцены, а мне вот...»

— А есть готовый транспортник?

— Обязательно. В главном порту, новозеландский «Зэт-9». Заправлен, проверен, завтра должен тащить руду на Землю. Ну, руду мы выкинем в два счета.

— Придется. («Паршивец этот Пол, теперь нам платить неустойку новозеландским фирмачам!») Вместо нее возьмешь в трюм добавочный бак.

— Понял, Витя.

— Ну, Димочка, благословляю. Держи связь.

...Быстро они справились. «Варан» еще не успел и на тысячу километров отойти от станции, как транспортеры вывалили руду из великана-грузовоза (пыль висела огромным облаком по всему «корыту» порта), краны

внесли в трюм цистерну с горючим, машины рассчитали наилучший курс преследования. Глебов натаскивал скафандр на раздобывшее со времен космической практики, неповоротливое тело, путался в застежках. Ему помогали, сдерживая смех, два юнца наладчика.

Тут машины выдали — хорошим шрифтом на белом листе, как требовал Панин — полную сводку проанализированных данных по «Варану».

Связь была тщательно проверена, все сигналы доходили до космонавта. Логические схемы управляющих машин исправно делали свое дело. (Значит, путь ракеты исказили именно команды Пола... Взбесился он, что ли? Или захотел жить робинзоном где-нибудь на Марсе?) Поражало другое. Почему одновременно с «помрачением» Муреша выключилась телекамера в кабине? Как будто специально с тем, чтобы затруднить наблюдение. И еще. В сводке черным по белому написано: когда Пол начал отклонять ракету от расчетного курса, машины сначала попытались привести его в чувство боевыми сигналами, а затем включили аварийную программу возвращения. Но «Варан» не пожелал разворачиваться к астероиду. Значит, команды не дошли до двигателя.

...Раньше бытовала пословица: и незаряженное ружье раз в году стреляет. Хорошо. Как бы вы отнеслись к незаряженному ружью, у которого вылетает из ствола пуля, взрывается сам ствол и одновременно отваливается приклад? А ну-ка, рассчитаем вероятность такого события...

Когда-то в результате непредвиденной аварии погиб героический экипаж первого «Салюта» — Добровольский, Волков, Пацаев. Коварная неисправность подстерегла их у самой Земли, когда лишь десятки минут отделяли космонавтов от крепких объятий друзей, от дома... А экипаж «Аполлона-13»! Ученые и техники предусмотрели 1600 наиболее вероятных отказов корабельных систем. Случился 1601-й вариант: взорвались кислородные баки...

С тех давних, хрестоматийных времен методы проверки ракет достигли виртуозности, безопасность обеспечивалась двукратно и десятикратно. Конструкторы говорили, что скорее откажет домашняя кофеварка, чем даже самый новый, необкатанный корабль. Это было правдой. «Варан» столько дней прошупывали, простучивали, просвечивали рентгеном, тестировали с помощью автоматов советские и американские космслужбы, что даже выход из строя какой-нибудь откидной крышки от мусорного ящика казался неправдоподобным.

Может быть, что-то разладилось в связи с биоуправлением? Сомнительно. Искусственные «нервы» тысячекратно проверены на Земле, испытаны на радиоуправляемых моделях в космосе. Кроме того, линия перехода на автоматы аварийного возвращения соединена с биосистемой только через компьютер, а он исправен. Значит, не потому выстрелило ружье...

В левой трети экрана, там, где раньше виднелась кабина спарки, теперь ворочался на откинутах кресле Глебов. Транспортник был готов к взлету, машинные материалы по его маршруту заложены в бортовую память.

«Ну, Дима... — сказал Панин, поднимая руку так, словно хотел перекрестить начальника порта. Гусев ободряюще моргнул. Последовал обмен сухими уставными словами: «Ключ на старт», «Пуск»...

Это был «земной» корабль — громадный, как тысячеветная секвойя, красновато-черный «Зэт-9» с новозеландской эмблемой, на которой красовалась, точно в насмешку, бескрылая птица киви. И поднимался он не так, как астероидные ракеты с прицепленным к боку патрончиком, а величественно, в туче пламени, заставив содрогнуться скалы вокруг «корыта».

Экран разделился на четверо. Бледный факел «Варана» был оттеснен кверху, под ним обрисовалась непреклонно мчащаяся сигара транспортника. С планшета

курсографа был убран никому не нужный белый узор трассы несостоявшихся испытаний. Вместо него рос отрезок реального пути «Варана». И под углом к нему проклюнулся от нижнего края, точно росток, курс преследователя...

Скоро с лица Глебова сползли малиновые пятна, и веки перестали походить на мешки — окончилась перегрузка. По просьбе Дмитрия Витальевича, Марина сообщила ему последние данные медицинской телеметрии. Конечно, сведения далеко не полные, ведь очень важную информацию психофизиологи черпают из голоса обследуемого, а Пол молчал. Анализ последних телекадров как будто говорил о состоянии глубокого сна или обморока. Температурных датчиков на коже Муреша не было, но Марина установила, что воздух рядом с пилотом нагрет выше нормы. Поскольку на охлаждение жалоб не было, оставалось предположить, что у Пола жар. Поколдовав с расшифровкой биотоков Пола, поступивших на машины «Варана», приблизительно установили пульс пилота. Он оказался здорово учащенным, выше ста тридцати. Все вместе было похоже на внезапное заболевание; последние команды, бросившие корабль куда-то «в Галактику», Пол, вероятно, отдал в припадке бреда...

Спустя несколько минут Глебов потерял из виду ракету Муреша, но, поскольку путь обоих кораблей строго соответствовал намеченному, на станции не сомневались, что «Зэт-9» в конце концов догонит «Варан».

Так и случилось. Одна из неподвижных звезд, которая только что вошла в поле зрения визира Глебова, — эта картинка передавалась на один из малых мониторов, расчерченный белой сеткой, — нарушая все правила небесной механики, сползла с места, пересекла один квадрат, другой... Сонной, нахохленной птицы как не бывало. Подтянутый, помолодевший, азартный Дмитрий Витальевич так и прирос к визирю; его руки управляли огромным транспортником почти вслепую.

— Как будто он? — немного погодя спросил для

страховки Глебов, с этакой небрежной хрипотцой, не без желания покрасоваться.

— Он, он и есть, — миролюбиво подтвердил командир, одним глазом поглядывая на планшет. Трассы чуть-чуть разошлись, есть угловое смещение... Молодец Дима: сам заметил, выравнил. Ас...

Скоро звезда «Варана» стала увеличиваться, пока не засияла, мигая, как пламя электросварки. Пол так и не выключал двигатель, явно собираясь разогнаться до максимума. Ослепленный Глебов опустил на визир дымчато-лиловый фильтр.

— Витя, — спросил Глебов, — можно, я дам добавочный импульс?

Добавочный импульс — прыжок транспортника в направлении беглеца — мог иметь два исхода. Либо Дмитрий Витальевич сумеет путем весьма сложных маневров, несмотря на ускорение, состыковать корабли, либо, как камень из пращи, пролетит мимо «Варана», и тогда пиши пропало: на скорости чуть не в тридцать километров в секунду даже резервного горючего не хватит, чтобы выполнить разворот и опять догнать Пола...

Панин верил в опыт и мастерство старого пилота, но все же попросил Марину провести анализ состояния Глебова и дать прогноз его самочувствия в ближайшие часы. Изображение Дмитрия Витальевича на экране, «рисунок» голоса, данные об условиях в кабине «Зэт-9» — все это было брошено в медицинский компьютер.

Тем временем баллистики сообщили свой вывод: удачный импульс должен приблизить стыковку более чем на час. Если с Мурешем действительно не все в порядке, за час может случиться многое. Опять-таки, зная сноровку Глебова, баллистики стояли за прыжок.

Когда, со своей стороны, дала хороший прогноз Стрижова, — Глебов чувствовал себя как нельзя лучше, дух погони мобилизовал его, — Виктор Сергеевич решил передать расчеты на «Зэт-9». По сути, это бы-

ло благословение. Пилот кивнул, не отворачиваясь от визира: «Спасибо, Витя, я не сомневался...»

Массивная сигара выстрелила длинной струей слепящего пламени. Прыжок!

Почти не утомляясь, они наблюдали, как ювелирно тормозит Глебов, как он маневрирует и приближает громаду транспортника к маленькому «Варану». Только иногда Панин сухо и коротко бросал в микрофон: «Дима, сдерживай!» или «Пора стабилизировать».

Подойдя почти вплотную, пилот обнаружил, что сбегавший корабль вращается как волчок и оживленно «рыскает» носом. Это был «грязный» полет, Муреш явно потерял контроль над «Вараном». Не задумываясь, Глебов прилепил к его бортам пару магнитных радиоуправляемых торпед с маленькими двигателями. Точно две искры мелькнули во тьме, и «Варан» стабилизирован. Когда визит Дмитрия Витальевича показал почти вплотную борт «Варана», по командному пункту пронесся дружный говор. Незаряженное ружье продолжало стрелять и рассыпаться на части. На ракете Муреша было искалечено стыковочное устройство. Один из его «лепестков», предназначенных для захвата чужого шлюзового выхода, мучительно вывернулся наружу.

...Единственное, что на астероиде знали достоверно и что, конечно же, было сообщено Глебову, это то, что Пол Муреш жив. Датчики показывали расход кислорода в кабине. Больной ли, здоровый ли, с помраченным или ясным сознанием — Пол дышал...

— Что предпримем, командир? — нетерпеливо, очевидно уже не в первый раз, спрашивал преследователь. Слева, удивленно подняв брови, смотрела на Панина Марина. Разом выведенный из раздумья, Виктор Сергеевич провел рукой по усталым глазам и поспешно ответил:

— Стыковка, по-видимому, исключается...

— Само собой.

— Может быть, взять на буксир?

— Трудный номер, Витя, он же в активном полете... И потом, как я буду столько часов волочить его до станции, не зная, что с Полом, не нужна ли ему помощь? А может, он уже там...

— Ладно, ладно, понял. Иди рядышком. Будем думать вместе.

Дмитрий Витальевич тяжело вздохнул и захлопал веками. Он стал похож на сову — сердитую, потревоженную в солнечный день неугомонными лесными птицами. Командир внезапно понял, что скажет Глебов в следующее мгновение.

— Слышишь, Витя... Я, в общем-то, все уже давно обдумал. Поверишь ты мне или не поверишь — это твое дело. Но я ожидал какого-нибудь подвоха со стыковой... Надо выйти наружу и влезть в «Варан» через спасательный люк. И чем скорее, тем лучше.

— Ну, как же ты это так, сразу... — сердясь на себя за растерянность, бестолково забормотал Панин. — Давай все-таки посоветуемся...

...Они были профессионалами одной школы, одного уровня, Глебов и Панин. И на все возражения, которые сумел бы привести один из них, другой нашел бы точные и быстрые ответы. В предложении Дмитрия Витальевича было много «за». Если пилот выйдет из транспортного, через каких-нибудь двадцать минут Полу будет оказана первая помощь. Глебов сможет связаться с Мариной, с медицинскими компьютерами астероида, а если надо, то и Земли. Однако присутствовали и очень серьезные «против».

Глебову — рыхлому, обрюзгшему от сидячей жизни, ослабевшему от полуневесомости, придется порхать в безвоздушие между кораблями. Чудовищный риск. Потеряй он хоть на секунду фал, и вместо одного погибшего будет двое. Кислорода в наплечных баллонах надолго не хватит, даже весь ракетный флот планеты не успеет подобрать улетевшего спасателя... Да и в слу-

чае удачного перехода сколько еще придется повозиться, вспарывая спасательный люк!

...Боже мой, спасательный люк!

Представим себе, что «Варан» и его пилот действительно стали жертвами диверсии. Безликий неизвестный на астероиде постарался навредить как можно больше, у него были широкие возможности: Полу Мурешу привита какая-то странная болезнь, телеметрия отключается посреди полета, системы аварийного возвращения вырублены из корабельной сети, в стыковочном «цветке» будто динамитная шашка взорвалась. Зачем же предполагать, что разрушитель остановится на этом? Просчитав все варианты спасения Пола, диверсант придет к выводу, что одна из отважных космических душ решится на самоличное вскрытие шлюза «Варана». И милейшим образом установит в этом люке мину.

...Все это совершенно необходимо и оправданно: подсчет «за» и «против», забота о Поле, забота о Глебове... Но ведь минуты-то идут. Оба корабля, дружной парой сверлящие пространство, нещадно жгут топливо, и скорость их уже приближается к сорока километрам в секунду.

— Виктор Сергеевич, — особенным, почти бесцветным, даже ленивым, но почему-то вызывающим дрожь тоном сказала Марина. — Виктор! (Впервые без отчества!) А как бы вы поступили... на его месте?

— Запрещенный прием, Марина. Ты же знаешь, как бы я поступил.

— Тогда не держите Глебова, командир.

...Он мог бы сейчас связаться с Космоцентром, с «нашим министром», снять с себя ответственность, заручиться распоряжением вышестоящих... Больше того, от Панина наверняка и ждали запроса. Хотя формально командир имел право решать самостоятельно все вопросы, связанные с астероидом и пришвартованными к нему кораблями, руководство ничего не имело бы против

такой осторожности. Но где-то в глубине подсознания тот же Геннадий Павлович затаит очажок презрения к Панину. Сам летал, сам командовал... Да и товарищи по станции, и Марина...

Мысль о том, что Марина разуверится в его мужестве, воле и умении поставить на своем, заставила Панина проговорить в микрофон — пожалуй, торопливее, чем нужно:

— Делай, как знаешь, Дима... Только осторожнее, ради всего святого, как можно осторожнее!

...Вот сейчас тот, темный, превратившийся в воображении Виктора Сергеевича чуть ли не в демона, нажмет кнопку карманного передатчика, и «Варан» разлетится во все стороны огнем, как карнавальная хлопушка с конфетти...

Нет. Пока что на главном экране все спокойно. Исчезло деление начетверо; в средней трети мирно висят почти вплотную друг к другу Давид и Голиаф.

Затем экран распался сразу на пять долей. Это значило, что Глебов выбросил микротелекамеры с магнитными «присосками»; они прилипли к обоим кораблям, и каждая показывала люк на боку другой ракеты.

Но первым из транспортника «выпорхнул» отнюдь не человек. Все-таки многое предусмотрел запасливый ветеран. Возможно, и то, о чем недавно подумал Панин... К «Варану» плыл, растопырив крылья антенн и солнечных батарей, мигая крошечным движком, рабочий автомат, в просторечии «жучок» или «божья коровка». За ним тянулся страховочный фал.

В следующие минуты «жучок», проявив недюжинную ловкость и смекалку («думать» автомату помогала корабельная машина), смонтировал переносное рабочее место для своего хозяина. Дело было в том, что спасательный люк «Варана», как и любого серийного корабля, предназначался для наземных условий на случай, если космонавту придется оказывать помощь после неудачной посадки. Конечно, скафандр позволял Дмитрию

Витальевичу войти в ракету Пола, просто открыв заслонку, но кто знает, в каком состоянии сам Муреш, не повредит ли ему разгерметизация? Потому приходилось собирать внешний переходной шлюз — такую гармошку, прикрытую на концах герметическими люками.

Действуя многочисленными гибкими захватами, автомат с проворством фокусника расставил вокруг люка опорные штанги, соединил их кольцо леером, разложил на крышке необходимый набор инструментов и даже — чем черт не шутит — аварийный запас кислорода, аптечку и ящик с водой и пищей. Все это держалось магнитным притяжением.

Несмотря на нервность обстановки, на астероиде и в космоцентрах мало кто смог удержаться от улыбки, слыша, как Глебов беседует с «жучком». Космический волк проявил неожиданную склонность одушевлять механизм. Уже высунувшись из своего люка, торча наподобие снежной бабы над круглым боком транспортника, Дмитрий Витальевич сердитым шепотом подгонял «божью коровку», а когда та просигналила пискотом готовность, ласково сказал: «Ну, молодец, умница, жди меня».

Автомат послушно спрятал щупальца и блестящим мотыльком застыл рядом с изящной оградой люка. Тогда Глебов несколькими точными бросками перебрался по фалу на «Варан», повозился недолго — и вот уже вздувается над ракетой, растягивает секции гармошка шлюза.

Работа была, право же, красивая. Несмотря на кинематографическую замедленность движений, а может быть, и благодаря ей, плавные жесты Глебова казались прямо-таки балетными. Скафандр скрадывал мешковатость; Дмитрий Витальевич выглядел по-звериному сильным и пластичным. Панин невольно подумал о том, какой сенсационной станет эта видеопленка. Ее, конечно же, будут нещадно крутить по телевидению на всей Земле. Два гигантских корпуса ракет; на одном

видна нарисованная яркими красками ящерица, на другом — геральдическая киви. Между боками великанов протянута хлипкая, ненадежная с виду ниточка, и около нее копошится ловкий карлик, время от времени пуская веселые колючие вспышки елочным шариком шлема. А подо всем этим, далеко внизу — необъятная, синяя с белым, туманная, сияющая равнина планеты.

...Он проверил давление в шлюзе, стравил немного воздуха из входной камеры — приборы командного пункта сообщали о каждом действии спасателя.

— Дима, — вполголоса, хрипло предупредил Панин. Марина уже совала ему в руку эластичную «грушу» с кофе. Станным показалось, что немисливо далекая фигура в скафандре слышала тихое слово, и обернулась к объективу камеры, и несколько раз ободряюще махнула перчаткой. Да, все понял и все предусмотрел Глебов. Опять-таки не человек первым нырнул в шлюз, а моментально оживший «жучок».

И ничего не случилось. Плазменным резаком автомат вскрыл люк и двинулся внутрь «Варана». На все задействованные приемники — под шлемом Глебова, на астероиде и Земле — поступал уютный ритмичный радиописк «божьей коровки». Никаких мин. Стало быть, если и потрудился здесь диверсант, то либо не сумел предусмотреть насильственный «взлом» ракеты, либо не успел навредить до конца, либо попросту оснащенность не позволила подготовить взрыв...

Как бы то ни было, но очень скоро и Панин, и Марина, и все руководство астероида, и «наш министр» с Волновым и Тархановым, и высокие чины из НАСА невольню, не сговариваясь, зааплодировали Глебову. Дмитрий Витальевич, очутившись в кабине «Варана» сразу вслед за автоматом, выгнал «жучка» наружу, прикрепил к стене очередную камеру взамен поврежденной и теперь по-актерски раскланивался перед объективом. Но этому он уделил немного времени. Потому что рядом, пристегнутый ремнями к креслу, сидел, закатив

белки глаз под лоб и оскалив зубы, неподвижный, мокрый от пота Муреш.

...Перетащить Пола на борт «Зэт-9», содрать с него шлем, влить в рот стакан крепчайшего чаю и сделать под руководством Стрижовой несколько уколов обычной иглой по правилам акупунктуры было для Глебова лишь делом техники. «Варана» с отключенными двигателями взяли на буксир. К вечеру условного астероидного дня транспортник опустился на прежнюю стоянку. Злополучную тренировочную ракету подхватили магнитные краны. Первым по трапу «Зэт-9» гордо прошествовал храбрый «жучок», но ему, доказав извечную человеческую неблагодарность, тут же поручили вместе с другими, ничем не знаменитыми автоматами грузить обратно рассыпанную по площадке руду...

Иссиня-золотой павлин, сидевший уже полгода в клетке вивария, в очередной раз не рассчитал силу мышц и феерической кометой с кошачьим воплем ударился в потолочную сетку. Новый рой перьев смешался с пестрым облаком, висевшим поперек коридора после прежних павлиньих столкновений. Напуганные, заматались в клетках вокруг и напротив большие и малые птицы. Только старый мудрец кондор с бельмом на глазу и безобразным мясистым гребнем даже не оглянулся в сторону крикунов. Он был очень занят, подбирая остатки мяса. Кондор делал это, шустро ползая взад и вперед, цепляясь за прутья концами распростертых крыльев.

— Ну что же ты, дурачок этакий, ну что ты! — приговаривала Марина, сев на корточки перед клеткой. Она не хотела задерживаться. Просто пожалела птицу. Павлин, несмотря на все уговоры, из-под потолка метнулся обратно в угол. Сшибленная им гидравлическая поилка вылетела из гнезда, родив цепочку шариков воды. Стрижова вернула поилку на место. Дэви, вот уже не-

сколько дней сопровождавшая ее в виварий, тем временем своими удивительными руками поймала павлина, погладила его по спине, по венценосной головке, райский петух успокоился, сложил веер хвоста, медленно, вяло опустился рядом с кормушкой.

— Я их хорошо знаю, — с несвойственной ей материнской мягкостью говорила Дэви, одним пальцем проводя вдоль хребта павлина, отчего птица задернула глаза пленкой и тут же уснула. — Это мои соотечественники.

Марина, ощущавшая нечто вроде вины перед столь незаурядной женщиной, — надо же так по-девчоночьи ревновать Дэви к командиру! — водила индианку по виварию как бы в назидание себе. Испытываешь беспочвенную неприязнь к хорошему человеку? Сторонишься его? Так вот тебе, Стрижова: будешь дружить и заботиться! Поэтому, услышав реплику о павлинах, Марина усиленно закивала головой и спросила с подчеркнутым участием:

— Скучаешь по дому?

— Скучаю, — честно ответила Дэви. — Все-таки мама еще болеет, и конца этому не видно.

— Скоро отпуск, Дэви, меньше осталось терпеть.

— Да я не терплю ничего, мне с вами очень хорошо; у меня никогда не было таких друзей, как ты, как командир! — еще откровеннее заулыбалась Дэви; и ничего, кроме самых теплых чувств, не испытала Стрижова, хотя Дэви прямо упомянула Панина. — Просто не все же мне жить среди звезд... Я еще вернусь сюда...

Свернув за угол коридора, они вошли в санитарный отсек, где стояла выкрашенная белой краской клетка-изолятор. Марина показала на «пациентов»:

— У вас есть такие?

— Нет, это не индийские.

Серовато-коричневые, в нежной длинной шерсти, сквозь которую просвечивала розовая кожа, маленькие

обезьянки и впрямь казались унылыми, подавленными. Вместо того чтобы привычно виться или парить в просторном кубе клетки (эти существа с лукавыми старушечьими личиками быстро освоили «летний» образ жизни), мартышки вяло барахтались в нескольких сантиметрах от пола или висели, как мешки, на перекладинах.

— Что с ними?

— Грипп, Дэви. Одна из самых новых и коварных форм. Ты ведь знаешь, что бактерии приспосабливаются к лекарствам, мутируют, дают все более стойкие разновидности. У нас с ними давняя война, кто кого... Этот вирус, «Габон-Е-XXI», поражает и человека, и некоторых высших животных. Течение бывает вялым или бурным, в зависимости от...

— Марина, — вдруг прервала импровизированную лекцию Дэви, вероятно, уже «прочитавшая» продолжение рассказа. — Пол Муреш... бывал здесь?

Ненадолго утратив способность говорить, Марина только часто моргала, потом кивнула в знак согласия и, наконец, расхохоталась:

— Ой, я же совсем забыла, что ты у нас «чудо Индии»! Вернее, никогда не испытывала на себе...

Дэви отрицательно покачала головой:

— Еще недавно я бы не смогла узнать твои мысли. Я могу... видеть внутри... лишь у тех, кого люблю или ненавижу.

— Надеюсь, что зачислена в первую категорию? — шутливо сморщила нос Марина. — Впрочем, ты, наверное, догадалась кое о чем, когда я предложила перед входом в виварий съесть по таблетке. Верно?

— Да. А теперь я понимаю, зачем мы сюда пришли.

— Пожалуйста, — понизив голос, с нажимом сказала Марина. — Очень тебя прошу... если можешь... если ты что-нибудь можешь... Обезьяны заболели здесь. На астероиде. С Земли они прибыли вполне здоровыми, за это ручаюсь и я, и все мои компьютеры.

— Хочешь, чтобы я определила, кто заразил обезьян?

Стрижова опустила голову и опять едва заметно кивнула.

Дэви долго рассматривала полуживого, с красными глазами и взъерошенной шерстью седого самца, главу обезьяньего рода. Самец, носивший имя Руди, мерно покачивался под перекладиной. Прочие обезьяны тщательно облетали его.

— Кто на астероиде имеет дело с бактериями?

— Прежде всего микробиологическая служба. Но она подчинена мне, и я могу поручиться за каждого ее сотрудника. Кроме того, Дэви, я, каюсь, потихоньку проверила содержимое всех чашек с культурами, колб, термостатов. Там ничего нет. Вернее, есть, но только вирусы, вполне официально взятые у обезьян. И, в последние дни, у Пола...

— Еще где-нибудь работают с микробами?

Марина неопределенно пожала плечами.

— Ну... в пищевом цехе, там у них всякие ферментаторы, замкнутый цикл: микробы поедают органические отходы и производят белки, жиры, сахар. У пищевиков, пожалуй, контроль не менее жесткий, чем у меня.

— Так. И, наконец... извини, я чувствую, о чем ты сейчас думаешь и не решаешься сказать.

— Нет, — посмотрев некоторое время в темные, глубокие глаза Дэви, решительно ответила Марина. — Этого просто не может быть. Оранжерея? Брось, право! Виктор Сергеевич называет это «сыскной лихорадкой», ты уже готова подозревать кого угодно. Да, у Марты Энгстрем есть маленькое лабораторное хозяйство; она составляет бактериальные закваски для почвы и растворы против болезней растений, и... Нет, ты в самом деле подозреваешь Марту?!

— Я пока что никого не подозреваю, — осторожно

ответила Дэви. — Я только хочу спросить: кто пригласил Пола в виварий?

— Не знаю, — прошептала после мучительного раздумья Марина. — Я вообще была с ним едва знакома, только как врач... Он говорил во время последнего осмотра, что ему очень нравятся наши животные, хотя многие из них беспомощны в невесомости, как дети, которых впервые бросили в воду...

— Понятно. — Лицо Дэви вдруг застыло, жесткие презрительные складки обозначились у губ. — Как ты думаешь, какие именно животные могли показаться Полу похожими на детей? Почему он обратил на них особое внимание?

«Главврач астероида», не отрываясь, смотрела на медленно барахтавшихся, опухших обезьян.

— Наверное, он играл с ними... Возился... Кто-то открыл клетку... Тот, кто знал, что обезьяны разные...

— Точнее, заразил их, — с каким-то хищным шипением добавила Дэви.

Марина рывком повернулась к индианке, глаза ее казались огромными, как очки; накопившиеся слезы, не в силах скатиться по щекам, образовали выпуклые линзы.

— И все-таки, я не могу поверить... Не могу допустить... Да, она бывает здесь очень часто, вместе со своим Беном... Сикорским... Помогает зрителям вивария...

— Я хотела бы только одного, — сказала Дэви, еле шевеля губами. Она стала словно выше и стройнее; стала твердой, как натянутая до предела струна. Такой была хозяйка пусковых орудий в ночь расстрела пиратского судна. — Я хотела бы подержать ее за руку. Только взять за руку — и отпустить.

— Идем, — сказала Марина и, не дожидаясь ответа, громко стуча магнитными подошвами, вышла из санотсека.

С каждым шагом приближалась полупрозрачная дверь в конце коридора; пластина, покрытая рукотворной «изморозью», в изящной голубой раме, хрупкая на вид, но способная выдержать удар внезапного вакуума. Прикоснувшись пальцами к плечу подруги, Дэви влила в нее спокойствие, необходимое для легкого, непринужденного разговора. О да, они всего лишь стосковались по чудесной зелени оранжереи, по пышным, с гигантскими листьями, помидорным лианам и алым плодам размером с детскую голову; по золотым мячам лимонов, огурцам в рост человека, кувшинкам бассейна, в любой из которых могла бы свернуться кошка...

Великолепные владения у фру Марты... Вот и дверь открыта набором известного кода; и обе женщины, пройдя сквозь дымку дезинфекционного тамбура, оказываются среди искусно воспроизведенного тропического полудня. Над головой у них — переплеты потолка из толстого голубого стекла, освещенного извне; перед глазами — прямая гравиевая аллея; вокруг — настоящая сказочная страна, живое воплощение детских книжек с разноцветными картинками, земля гномов с колоссальными ягодами, с чайным лесом и привязными аэростатами ребристых тыкв, вся в веселых струях брызжащей воды, в игре радуг...

И посреди всего этого, под зонтиками чудовищного укропа, сидит на складном холщовом стульчике маленькая, чистая, сухая женщина в салатном комбинезоне, в роговых очках на детски безмятежном остроносом лице, с туго собранным пучком седых волос. Будто уснула, склонившись головой к коленям.

Марина зажала рот, чтобы не вскрикнуть.

Виктор Сергеевич с подавленным вздохом перевернул еще один картонный лист альбома.

Вот он, Пол Муреш, закутанный в тонкий мешок госпитальной постели, отощавший, щетинистый, с провалив-

шимися глазницами. Выражение лица — смущенно-радостное. Дело идет на поправку.

Этот неукротимый борец за «возвращение человека к естественному состоянию», с его крестьянским недоверием к технике, достойный внук ворчливого деда Лайоша, злостный нарушитель дисциплины, признался навестившему его командиру, что просто-напросто обманул перед полетом диагностическую машину. Он уже тогда чувствовал себя скверно: гудела голова, побаливало горло, в суставах рук и ног начиналась ломота. Решил не поддаваться хвори, выполнить программу эксперимента и, вернувшись, гордо заявить Панину, Глебову, Стрижовой, умникам из НАСА: «Грош цена вашему медицинскому контролю! Если человек захочет, он в любом состоянии сделает все, что от него требуется». Так-то посрамить создателей тепличного режима, а потом можно и в госпиталь, на койку, хотя лучше перенести на ногах...

— Мальчишка, — сказал тогда Полу Виктор Сергеевич, преспокойно переходя на «ты» и не стесняясь в выражениях. — Выпороть бы тебя, стервеца, да устав не позволяет, к тому же — болен... Ты что же, не понимаешь, что сила воли дана человеку не для самоистязания, а для того, чтобы держаться в особых, экстремальных условиях? Ты мне напоминаешь человека, который, живя в доме с отоплением, зимой специально отключил бы его и боролся с холодом, хлопая себя по бокам — так, ни для чего, из принципа... Зачем эти дурацкие, ничем не вызванные жертвы?..

Муреш только виновато моргал. Перед тем как подвергнуться кибернетическому осмотру, он специально понизил себе температуру, наглотался порошков, стабилизирующих сердцебиение, кровообращение и все такое прочее... Нет, кто его научил, он не скажет. Или скажет в том случае, если командир даст честное мужское слово молчать и никого не наказывать. Ах, так Виктор Сергеевич знает?! Неужели проболталась старушка? Ну да, это фру Марта. Она втайне сочувствует взглядам и убе-

ждениям Пола. Славная такая женщина. У нее тоже душа крестьянки, всю жизнь среди плодов и овощей... Пол частенько бывал у нее в последнее время. Да и в виварий старушка его водила. Нет, ее «жениха» с ними не было, наверное, ревновал... А что? Там здорово. До сих пор он никогда не имел дела с тропическими животными, только в зоопарке видел или на телеэкране. А здесь помогал за ними ухаживать, и кормил, и давал лекарства. Прекрасное занятие. Исконно человеческое...

Понятно, что до полного выздоровления отчаянный пилот, которого Марина прозвала «симулянтom навыворот», так и не узнал о том, что скромная и безответная Марта Энгстрем с первых дней работы станции находилась на ней в качестве агента антиастероидной организации. Фру Марта была согласно профессиональному определению «работником последнего эшелона», то есть начала действовать лишь тогда, когда провалились все иные попытки повредить поселку на орбите. Она знала и умела значительно больше, чем положено скромному ботанику и почвоведу; поэтому, когда Пол в порядке ответного приглашения повел Марту осматривать «Варан», ей ничего не стоило сунуть в соответствующие гнезда коммутаций электронные микроаппараты самого подлого предназначения. Включившись в надлежащее время, эти «горошинки» вывели из строя и телекамеры, и внутреннюю аварийную связь, и стыковочное устройство.

Культура вируса «Габон-Е-XXI», присланная хозяевами Марты в одной из вполне безобидных «научных» посылок, была введена не прямо Полу, а обезьянам из вивария. Такой ход затруднял возможное расследование; надо было еще доказать (в случае провала операции), что пилот общался с животными, что у него и у обезьян одна и та же болезнь.

В состав зловещего «оборудования», которым располагала Марта Энгстрем, входила и ампула с бысродействующим ядом. На самый крайний, страшный случай.

Операция сорвалась, Пол не погиб и снова явился на астероиде — как обличитель. «Работнику последнего эшелона» не осталось ничего, кроме ухода в небытие...

Глядя на цветное фото возвращенного «Варана», — корабль был лихо снят югославским корреспондентом через широкоугольный объектив, с многолучевыми размытыми огнями на корпусе, — Виктор Сергеевич подумал, что этот, чуть было не кончившийся трагедией полет помог выявить пороки биоуправления. Надо же! Стоило начаться жару, бредовому состоянию космонавта (очевидно, такое резкое ухудшение спровоцировали перегрузки при старте), — и чуткие, излишне чуткие датчики тоже начинают бредить, и корабль на разогнанных до предела двигателях уносится в никуда.

Взлеты кораблей, управляемых биотоками, отложены на неопределенное время. Система должна быть защищена от шума даже в том случае, если шум исходит из самой организованной на Земле материи — из человеческого мозга...

Что же было потом?

...Опавшие, свисающие бульдожьими складками щеки; слезящиеся глаза, довершающие сходство с угрюмым дряхлым псом. Неужели это Сикорский, весельчак и ругатель Бен, румяный силач, способный в свои пятьдесят шесть лет и согнуть железную балку, и без памяти влюбиться в одинокую пожилую женщину, даже в молодости, видимо, не бывшую предметом такой страсти?!

— Отпустите меня, шеф. Я все знаю, все понимаю, но... не могу больше здесь оставаться. Мне по несколько раз в минуту хочется... выйти наружу и открыть стекло шлема. Когда-нибудь я это сделаю, шеф. Право, отпустите.

— У вас же никого нет на Земле, — пробовал убедить его Панин. — А здесь вас все любят, мы — ваша семья...

— Вот именно, — сильным, ноющим голосом вел свою линию Бен. — Мне здесь каждый человек и каждый камень напоминает о... В общем, увольте меня в чистую. Как-нибудь доживу. Немного уже осталось...

— Хорошо, Бен, считайте, что этот вопрос мы решили. Но если передумаете, хотя бы на трапе ракеты, имейте в виду, что ваша прежняя должность за вами.

Сикорский отвесил благодарный поклон и, шаркая, двинулся к выходу из кабинета. На полдороге остановился, медленно обернулся к командиру. Нижняя губа вздрагивала, часто мигали покрасневшие веки.

— Что с вами, Бен? — ласково спросил Виктор Сергеевич.

— Как вы думаете? — спросил, запинаясь, бывший начальник солнечной ловушки. — Как вы думаете, если бы я вдруг узнал, что она... ну... занимается этим... если бы я узнал... может быть, я бы смог... своей любовью, всем... чем я могу... заставить ее раскаться, бросить это дело?

— Безусловно смогли бы, — не колебавшись и доли секунды, уверенно ответил Панин.

— Люди от одиночества способны совершать странные поступки. Ее наверняка обошли, обманули... она была такая доверчивая... или запугали до смерти, что им стоило... так ведь, шеф?

— Совершенно так, Бен. Так оно и было.

— Значит, ее бы не наказали строго, если бы она сама раскаялась? — почти закричал Сикорский, умоляюще протягивая перед собой руки.

— Еще и поблагодарили бы за помощь, будьте уверены.

Измятое лицо Бена осветилось прежним светом, он как будто даже плечи расправил. Ненадолго. Снова сгорбилась, тянет магнитные ботинки к двери...

...Другое лицо перед командирским столом — розовое, круглое, обрамленное воздушными седидами. Маска перепуганного диснеевского гнома.

— Вы меня, конечно, простите, командир, но, ей-богу, Том Карр с детства боится военных действий... Я еще помню стрельбу на улицах в Белфасте и наши заколоченные ставни. А здесь, похоже, война не прекратится еще очень долго...

Том лукаво хихикает, грозит пальцем:

— Похоже, что война, когда ее выгнали с Земли, решила зацепиться хотя бы за этот крошечный островок!

— Спасибо за откровенность, мистер Карр, — церемонно отвечает Виктор Сергеевич. — Нам будет жаль лишиться такого специалиста, но я не смею вас удерживать.

Гном опять смеется и покачивает головой:

— Скажите правду: вы ведь не думали, что старый шут на всю жизнь напуган английскими пулями?..

...И последний из астероидных «патриархов», седосый, в круглых роговых очках, суетливый и близорукий Антон Корчак.

— Я пришел к вам, командир, — возглашает он срывающимся фальцетом, — чтобы объявить о своем решении.

— О каком решении, уважаемый пан Антон? — сдерживая улыбку, осведомляется Панин.

— О моем решении остаться! — торжественно заявляет библиотекарь и становится по стойке «смирно». — Я осуждаю тех, кто покидает боевой пост в час опасности! Я готов, если понадобится, взять в руки винтовку... или то, что ее теперь заменяет, уж не знаю нынешней техники.

...Не пришлось пану Антону взять в руки оружие; так и заведовал себе астероидной библиотекой. Чистейшая, кстати, синекура: читатель набирает на пульте шифр нужной книги, и через минуту либо транспортер приносит ему заказанный том, либо дисплей сообщает, что книга на руках. Корчак сумел оживить автоматическую читальню: беседовал с посетителями о книгах,

устраивал выставки редких изданий, семинары, конференции, даже добился приглашения на станцию одного-двух писателей. В свободное время он, как и прежде, колол воображаемые дрова — Марина заказала лично для «патриарха» такую гипнозапись. А последний бой все-таки произошел. И дал его, в тысячах километров от астероида, «сам» глава отряда космонавтов, Игорь Петрович Волновой.

Сколько веревочке ни виться, а концу быть. Второй пиратский корабль заметили в орбитальный телескоп, когда вели наблюдение за одной из туманностей. Черное стреловидное тело проползло на мерцающем млечном фоне. Комитет контроля не снижал бдительности. Все этапы опознания были пройдены буквально за несколько минут. Национальные космоцентры подтвердили, что ни один корабль какого-либо государства не находится в наблюдаемом районе. Видеозапись с телескопа «просмотрели»! крупнейшие земные ЭВМ. Они же и начертили дальнейший путь бродячего убийцы. Можно было идти на перехват.

После недолгого совещания в «верхах» обезвреживание пирата поручили опытнейшему из советских космических летчиков, Игорю Волновому. Корабль Игоря Петровича был стандартный — давно испытанная «Москва-Р», но поднялся он почему-то с территории опытного завода.

С точки зрения непосвященного, Волновой вел себя более чем странно. Вместо того чтобы направить свою ракету на сближение с пиратом, Игорь Петрович двинулся по круговой околоземной орбите, держась таким образом, чтобы между ним и целью все время находилась наша планета. Словно прятал «Москву-Р» от возможного удара.

Однако настал некий миг, которого давно ждали в центре управления полетом, и Геннадий Павлович, отвечавший за исход боя, предложил «Соколу», то есть Волновому, «перейти в рабочий режим». Вслед за этим

«Москва-Р» исчезла с экранов; локаторы больше не видели ее, радио- и телесвязь были прерваны начисто. Но ни одна из полетных служб не изъявила беспокойства. Более того, даже «наш министр» доложил кому-то по спецлинии связи, что «все идет согласно программе».

Дело было в том, что Игорь Петрович вез на борту своего неприметного серийного корабля гравитационный аппарат, прототип которого несколько лет назад был испытан во время возвращения «Вихря». Относительно небольшой, но массивный контейнер мог создавать вокруг себя зону искусственного тяготения. «Пузырь» гравитационного поля окружал контейнер (и корабль-носитель) экраном, непроницаемым ни для каких видов энергии. Экипаж оказывался слепым и глухим; корабль было невозможно обнаружить в пространстве. Первые испытатели называли пугающее явление «эффектом Немо» — в честь знаменитого героя «Двадцати тысяч лье под водой», сумевшего надежно скрыть свою подводную лодку в морской пучине...

Следовало обладать необъятным опытом, выдержкой и — чего греха таить — замечательным чутьем Волнового, чтобы вслепую, при мучительно высоких перегрузках совершить прыжок над Северным полюсом Земли и, выключив поле, внезапно возникнуть точно в назначенном месте, в трехстах километрах за кормой крадущегося пирата. Затем, опять-таки после краткого диалога «Сокола» с «Авророй» — центром управления, корабль Игоря Петровича выдвинул жерло электромагнитной катапульты, и гравитационный контейнер ушел догонять врага.

Надо полагать, у пиратов был лихой и грамотный командир. Черная ракета, в полтора раза превосходившая величиной «Москву-Р», успела зажечь пульсирующую корону носовых тормозящих выхлопов, и навстречу Волновому помчались две торпеды. Но гравитационный контейнер перехватил их на полпути, затем пи-

ратский космолет волшебным образом исчез из поля зрения.

После рапорта Волновой спокойно лег на орбиту и принялся сужать витки. Контейнер, снабженный собственной электронной памятью, не нуждается в командах извне. Теперь искусственное тяготение привесило к пиратскому судну тысячетонный «груз», который неотвратно потянет ракету в нужном направлении. Никакой стрельбы и пиротехники. Тактично и элегантно, в духе разоружившегося, но отнюдь не беспомощного мира.

Где-то над островами Зеленого Мыса программа контейнера была исчерпана: «эффект Немо» оборвался так же внезапно, как и начался, и вместо молочной мглы в камерах внешнего обзора пираты увидели нечто еще более неожиданное и менее приятное. Над ними безмятежно голубело тропическое небо, а внизу, на столь же приветливой бирюзовой глади океана, поджидала эскадра Комитета контроля, знакомые по старым кадрам кинохроники серые утюги крейсеров и атомных фрегатов...

Задержавшись взглядом на приятной сердцу фотографии Волнового с новым орденом на груди, Виктор Сергеевич перелистал последние страницы альбома.

Восемнадцать месяцев со дня прибытия астероида: банкетный зал командного пункта, раскрасневшиеся лица, Марина в белом платье, сшитом здесь, на станции. Астероид обзавелся уже своим ателье мод! Комфорт приближается к земному, забыто круглосуточное ношение скафандров...

Годовщина подвига Рама Ананда. Почетный караул возле обелиска, пышные венки из живых цветов, заключенные в прозрачные футляры (дар индийского космодцентра), точеная — на полголовы выше прочих — фигура Дэви...

Снова, как в былые мирные времена, белые, черные,

желтые лица веселых курсантов, будто спорящих, у кого лучше и ровнее зубы.

И, наконец, снятое корреспондентским широкоугольным вознесение гигантской серебристой башни. Интернациональный космолет «Вихрь-2» начинает свой путь к Марсу! В его экипаже — добрые друзья, спутники по первой марсианской. Командир «Вихря» — бывший второй пилот Сергей Меркулов, бортинженер — все тот же Сурен Акопян. Панин невольно завидовал им. Ну да ничего не поделаешь...

Виктор Сергеевич закрыл бархатную обложку. Он был готов к завтрашнему дню.

Глава VI

В НОВОМ РИТМЕ

Гряды пологих холмов расположилась подковой, повторяя изгиб морского берега. Черное плетение дубовых ветвей было тронутو нежной зеленью; у подножия стволов, рядами поднимавшихся до самого гребня, кустились трава и папоротники. Весна в этих краях наступала быстро. Ближе к морю, в тени кипарисов, выстроившихся вдоль необозримо длинных набережных аллей, сплошным розовым прибором вставляли миндальные деревья, вовсю цвел инжир, набухали бутоны на розовых и олеандровых кустах. За клумбами, за барьером подстриженных кустов туи, закрывавшим путь в аллею холодным ветрам, виднелась в просветах широкая галечная полоса. На нее ритмично накатывалась плоская волна. Кричали чайки.

То было рукотворное море, давшее жизнь рощам и паркам гигантского оазиса под Байконуром, на месте бывших безжизненных степей, у края старого, заслуженного космодрома.

Все-таки, несмотря на плотную стену туч, промозглые порывы достигали аллей; день был неприветливый, и Марина подняла воротник плаща. Гравий центральной дороги радостно хрустел под ногами. Как здорово после осточертевших за полтора с лишним года магнитных ботинок надеть туфли на высоком каблуке и шагать вот так, ощущая упругую плоть земли, не опасаясь взлететь

от неосторожного движения! Позади — тоскливые недели реадaptации. Предстоит долгий отпуск. Телевидение и пресса поют хвалу деяниям первого экипажа астероида, ее, Стрижовой, чуть скуластое и высокобровое лицо под косой темной челкой теперь известно на всех континентах не менее, чем облик самых блестящих и прославленных кинозвезд. Еще во время пребывания в профилактории какие-то предприимчивые молодцы из разных стран умудрялись всеми правдами и неправдами передавать Марине любовные письма, а также стихи, порою даже неплохие. Скоро, очевидно, ей придется завести специальную печь для сжигания корреспонденции досужих вздыхателей. (Впрочем, если честно, так не столь уж и рядовое у нее лицо, очень даже симпатичное, и не скажешь, что ей хорошо за тридцать...) Можно, купаясь в волнах мировой славы, с толком проводить отпускные месяцы. Конечно, скоро набьют оскомину бесконечные напоминания о совершенных ими подвигах: поток солнечной энергии по договоренности кочует из страны в страну, заряжая колоссальные аккумуляторы; благодаря ретранслятору станции даже индейцы в амазонской сельве и зимовщики в Антарктиде могут смотреть телепередачи или переговариваться с любым пунктом Земли; мощные радиомаяки астероида намного упорядочили движение космических и морских судов... Ладно. При всем при том впереди острые, пряные развлечения. Лыжи — в Альпах, виндсерфинг на Гавайях, африканское сафари, осмотр Лхасы, наконец, — почему бы и нет, мы это заслужили, — ночной Париж... Все живьем, без помощи гипнотических пленок.

Так, да не так.

Может остаться без отпуска Марина Стрижова, и более того, если дело так пойдет дальше, потерять очень дорогих людей... нет, скажем так, — очень дорогого человека.

Она свернула в боковую аллею. За прихотливым камнепадом, на склоне последнего из холмов, над чи-

стым мелководным озером — все как есть искусственное — вырастали из дубняка розовато-желтые этажи пансионата. Несколько высотных зданий, как бы продолжающих холм к небу; прозрачные переходные галереи, одна из которых тянется прямо к морю... Марине встретилось несколько человек: трое или четверо в медицинских халатах, один в спецовке техника. Она кивала, на несколько секунд надевая, как респиратор, улыбку. То, что в парке не нашлось ни одного из жителей пансионата — членов первого экипажа астероида, несколько не удивляло бывшего «главврача» станции. В том-то и была загвоздка, что пансионат превратился в огромный госпиталь, изолированный от всего света.

А начиналось все, как любили говорить в Космоцентре, по «штатному расписанию». Панин благополучно сдал дела Калантарову; новый начальник орбитальной станции оказался дотошным и облазил весь астероид до последней пещерки в скалах. Вслед за Георгием стали прибывать новые руководители комплексов — солнечной ловушки, электроцентрали, порта, буровых, ретранслятора и проч. Это было мудро, при первом заселении «летучего острова» так не поступили, и оттого последовало немало неприятностей. Теперь же командиры должны были адаптироваться раньше, чем их будущие подчиненные, и стать не формальными, а естественными лидерами групп.

Гипнотека в те дни эксплуатировалась нещадно. Вновь прибывшие с помощью определенных пленок ускоряли свое приспособление к малой гравитации, пустоте, безвоздушью и беззвучию. Старожилы, наоборот, готовили себя к возвращению в земной мир. Бархатные голоса космоцентровских дикторов внушали им чувство увеличения тяжести. Сеансы гипноза чередовались с растущими физическими нагрузками, специальными упражнениями в магнитных «доспехах». Первоначально тяжесть — имитированную и внушенную — прибавляли по одной сотой g, затем — по одной десятой. По-

следнюю неделю и работали и отдыхали при полном «домашнем» весе. То, что когда-то так заботило и даже страшило ученых — реадаптация после долгого пребывания в невесомости, — теперь представляло методику, отработанную до микроскопических мелочей. Все удалось, не могло не удалиться!

Началось отбытие старожил.

О нет, не было никаких всеобщих проводов, торжественного отлета ракетной флотилии, увозящей сразу всю двадцатимесячную «смену». Банкет и церемония в порту состоялись только по поводу прощания с первой партией. На каждом комплексе поселка некоторое время работали бок о бок первопоселенцы и новички; шла передача опыта сменщикам, и число «стариков» уменьшалось постепенно.

Вопреки старому морскому закону, который предписывает капитану покидать судно последним, Виктор Сергеевич вылетел на одном из первых кораблей. С ним была Марина. Посудачив о том, как славно будет вдохнуть некондиционированный воздух, пусть даже с уличным перегаром, и поваляться на траве, не посеянной человеческими руками, глядя в тучи, плывущие по небу без помощи проектора, Стрижова вдруг сказала пророческую фразу:

— Я не удивлюсь, если космос преподнесет нам какой-нибудь сюрприз в начале карантина или после него!

Транспортник приземлился без приключений. Главные специалисты астероида спускались по трапу с нарочито бодрым и осанистым видом, сияя улыбками и размахивая руками, потому что именно в эти, начальные земные секунды особенно пристальны глаза родных и друзей и особенно падки до сенсационных снимков и записей журналисты.

Затем десятидневный полный отдых (комнаты с мягкой обивкой, голубой свет, нежная музыка, необременительная пища, смешные мультфильмы и шестнадцать часов сна в сутки). Байконурский профилакторий. Ра-

достный результат врачебных обследований: полная психофизическая норма, никаких затруднений с реадаптацией!

И, наконец, пансионат. Последний, двухмесячный период карантина. Разрешено практически все: пешие походы, купание в море, любительский театр, даже вечеринки с шампанским и танцами. У них были замечательные отдельные квартирки, куда в положенные дни наезжали родственники; в комнатах со стеклами регулируемой прозрачности во всю стену кондиционеры поддерживали морскую свежесть, и можно было при желании усиливать или ослаблять запах гниющих водорослей, гомон чаек или гул прибоя.

Все они, начиная с Виктора Сергеевича, еще продолжали жить астероидными проблемами. Тем более что на станции творилось необычное. Калантаров развернул бурную деятельность; Панин с некоторой ревностью говорил, что не ожидал от Жоры такой прыти. Часто командир собирал бывших соратников в телевизионном холле посмотреть очередную передачу с астероида, «поболеть» за свой космический дом, обменяться впечатлениями и прогнозами.

...Честно говоря, Панину в свое время предлагали взяться за этот эксперимент, но он отказался, мол, не до того, осваиваем, строим... Потом, когда начались беспокойные события, Международный центр психофизиологии словно позабыл о своем предложении. И вот опять выплыла эта тема. Только на сей раз ее поддерживало еще с полдюжины институтов — эргономики, космической медицины и другие, а главное, оказывала нажим МАФ. Вполне понятно: такой дорогой полигон, как астероид, Федерация хотела использовать, по словам Тарханова, «на все сто процентов и еще немножко».

Итак, на станции появился, выкатившись из канадского орбитального самолета, толстяк — энергичный

Ларри Митчелл, с которым Панин познакомился после завершения полета «Вихря». Тогда, в том же профилактории на Байконуре, «вихревцев» отдали на неделю в полное распоряжение доктора Митчелла и его лаборантов, похожих на бейсбольную команду. Ларри (называть себя иначе он не позволял) неутомимо расспрашивал экипаж о полетных впечатлениях, трудностях, хлопотах, о том, как давалась та или иная операция при наборе высоты, в активном или инерционном полете, при посадке; сам наговаривал километры магнитной нити, облепливал людей датчиками, не разрешал снимать их даже во время сна, задавал разные упражнения, тесты и т. д. И все это — играючи, с шуточкой, с прибауточкой на трех-четырех языках, просто одно удовольствие было с ним общаться; женщины звали Ларри «душка тенор», хотя голос у доктора был квакающий, сиплый. Что-то готовил уже тогда веселый Митчелл, чем-то собирался потрясти мир, а когда спрашивали, какие у него далеко идущие замыслы, опять же отшучивался. Панин многое перенял у доктора между веселой трескотней. Переняв же, использовал на астеронде. Например, метод обучения новых рабочих. Обычно, по словам Ларри, ученика заставляют освоить какую-нибудь технологию в целом, а уж потом обращают внимание на мелочи, шлифуют практический навык. По определению Ларри, «это все равно, что обучать первоклассника с голоса читать наизусть целую пьесу Шекспира, а потом в словах этой пьесы показывать ему отдельные буквы, учить узнавать азбуку. Не лучше ли наоборот?» Он советовал показывать рабочему сначала ничтожно малую часть процесса, какой-нибудь прием третьестепенной важности; доводить этот прием до полного блеска и лишь затем переходить к следующему, складывать целое по мелочам, «от азбуки к Шекспиру». Очень пригодилась на станции методика Ларри.

Сейчас доктор с помощью Калантарова развернулся

вовсю. Оказывается, весь многолетний сбор сведений, выработка трудовых методик служили одной цели: замене суточного ритма человеческой деятельности лучшим, более оптимальным.

Коллеги Митчелла давно заметили, что обычная «двадцатичетырехчасовка» — день для трудов, ночь для сна — отнюдь не является неизменным шаблоном. Конечно, такое чередование наиболее привычно для землянина, за ним — миллиардолетний опыт живых организмов. И все-таки, когда медики провели первые эксперименты (в пещерах, барокамерах), выяснились любопытные вещи. Испытатели, не имевшие возможности следить за временем или пользовавшиеся часами с намеренно нарушенным ходом, довольно легко приспосабливались к «суткам» длиной в 28, 32, 36 часов! Вариантов было много, и не все они сводились к делению условных «суток» пополам. Тридцатичасовой рабочий день и четырехчасовая «ночь», — даже такое диковинное сочетание не слишком выбивало людей из колеи, если только им не становился известным правильный отсчет времени...

В общем, давний тезис о косности биологического «хронометра» человека, о том, что деления его абсолютно жестки, подвергли изрядным сомнениям. Организм оказался более пластичным, чем считали раньше.

Когда Ларри смешил «вихревцев» ковбойскими анекдотами, одновременно ловко расставляя свои датчики, в труднодоступном районе Перуанских Анд давно уже функционировал чудо-городок Международного психофизцентра. Народу в нем жило немного, меньше тысячи человек, и занимались горожане делами отнюдь не глобальной важности: плотничали, малярничали, учили детей в школе, водили электромобили, рвали зубы в клинике или ходили в полицейском патруле. Был в городке собственный мэр, были судья, священник, парикмахер-виртуоз, звезда варьете; были футбольная команда и пара бродяг, которых ни к какому делу пристро-

ить не удалось. Единственное, чем отличалось это мирное местечко от обычного, это искусственная смена света и темноты. Над барами, писчебумажной фабрикой, игрушечным магазином мадам Гарсиа и чахлым Центральным парком, над городским бассейном, церковью и аптекой, над улицами Боливара и Панчо Вильи простирался пологий купол. Плоть его была пронизана капиллярами, усеяна светильниками, расчерчена трубами дождевальных установок. Следуя командам вычислительного центра, расквартированного в старинной индейской крепости, на куполе, точно в планетарии, появлялись восходы, закаты, призрачные облака или радуги. Ползли по кругу созвездия, рос или увядал месяц — в общем, все было, как снаружи, только в ином темпе.

Сутки продолжались сорок восемь часов. Восемнадцать из них уходило на сон, четырнадцать длился нормальный рабочий день на предприятиях и в учреждениях. Поначалу наблюдались тревожные явления: повышенная раздражительность (частые скандалы на рынке и в общественном транспорте), рост числа сердечных заболеваний, постоянное чувство утомления (ответ бармена врачу-экспериментатору: «Ты бы здесь час посто-ял, так руки бы отвалились!»). Через год жизнь наладилась; общественный продукт достиг запланированного уровня, и даже выборы в муниципалитет прошли без рукоприкладства, что считалось бы хорошим результатом и в обычном, не экспериментальном городе. Однако целый ряд специалистов, в том числе и доктор Митчелл, считал опыт не слишком удачным. Все-таки долго перестраивались люди. Космонавтика — главная «казачица» МПФЦ — таких сроков адаптации не приемлет. Что же, экипажу, прибывшему на планету с неземным ритмом дней и ночей, год привыкать, прежде чем браться за полноценную работу? Нет уж, надо выяснить, может ли человек срочно адаптироваться к иному ритму деятельности...

Тогда-то Ларри и посоветовал перенести все исследования «испорченного хронометра» непосредственно в космос. Доктор возлагал особые надежды на невесомость. На Земле обезвешивания надолго не добьешься, разве что с помощью каких-нибудь масляных ванн или гипноза, но ведь в таких условиях человек не сможет нормально работать... А тяжесть мешает ставить «чистые» опыты со сменой ритма. «Вертикально-пространственная ориентация» все время держит наш мозг в напряжении: несвобода, связанная с тяжестью, непрерывно шлет импульсы к мозговой коре. Но ведь давно известно, что раздражители ускоряют субъективное время. День, нагруженный хлопотами, пробегает куда быстрее, чем пустой. В космосе тяготение не теребит мозг, количество раздражителей резко падает, потому человек живет «медленнее» и может легче включиться в биоритм с более протяженными периодами.

Когда доктор предъявил Панину свою схему эксперимента и оказалось, что астероиду придется принять чуть ли не сотню человек добавочного населения — медперсонал, испытателей, техников, — Виктор Сергеевич едва сдержал ярость. Ограничился тем, что посоветовал Ларри заказать флоту МАФ второй астероид — пусть притащат, раз уж они так поддерживают биоритмологов...

А вот Калантаров, против ожиданий, выявил недюжинные способности дипломата. Схему Митчелла он принял, но с одной поправкой. Не надо-нам «варягов», пришлых испытателей. Пусть испытанию подвергнутся штатные работники астероида, каждый на своем посту. В перуанском-то городе живут самые обыкновенные инженеры, рабочие, врачи... Безусловно, надо прежде всего получить согласие экипажа на долгосрочный опыт. Но уж если согласия не последует, тогда он, Калантаров, просит у всех прощения и подает в отставку, ибо при наличии сотни «каскадеров», по сути, нахлебников, циклограмму плановых работ на станции он выполнять

не берется. Надо полагать, очень многие сотрудники последуют примеру шефа...

Федерация, МПФЦ, Космоцентр СССР — все уступили Калантарову. Да и люди согласились сломать привычный ход условных, но вполне подобных земным дням и ночей...

«Ну, ловкач! Гений!» — восхищался Виктор Сергеевич после очередных сводок телевизионных новостей. Было трудно понять, кого конкретно имеет в виду командир, Митчелла или Калантарова, поскольку похвал заслуживали и организатор эксперимента, и начальник астероида. После двух-трех недель с сорока-восьмичасовыми «сутками», в течение которых производительность труда изрядно шаталась, к ужасу плановых ведомств, жизнь явно вошла в колею. Однажды диктор не без нотки удивления объявил, что коллектив одной из буровых выполнил суточную (сдвоенную) норму на сто десять процентов. Это известие заинтересовало всю планету. На исходе первого месяца эксперимента производительность выросла во всех астероидных комплексах, и не на какие-нибудь десятые доли, а почти вдвое. Казалось, что ограничители, установленные природой, сломаны раз и навсегда. В условиях малого тяготения утомляемость тела и мозга была действительно ничтожной. Случалось, что люди (особенно занятые каким-нибудь сложным делом, требующим самоотрешения), увлекшись, работали и сорок, и семьдесят часов подряд, с маленькими перерывами для еды или разминки, а потом для восстановления сил им было достаточно десятичасового сна. Те же, кто работал «нормальных» шестнадцать-двадцать часов, обычно спали не более семи. И никаких признаков хронического утомления. Когда Ларри, жившего на астероиде, а значит, во власти нового ритма, спросил залетный корреспондент, не желает ли доктор вернуться к доброй старой двадцатичетырехчасовке, доктор ограничился одной ворчливой фразой: «Тогда я ни черта не успевал!» Он и

вправду был счастлив, неугомонный толстяк. Но так недолго...

В начале второго месяца испытаний, когда иностранные жители Байконурского пансионата начали потихоньку разъезжаться восвояси, Митчелл появился на телеэкране с выражением несправедливо обиженного карапуза. Рассказ Ларри был мрачен.

Он искал причину, почему противоестественный цикл так легко стал привычным? В лабораториях проводились подробнейшие обследования и анализы, — искали «пусковой механизм» перестройки в нервных реакциях, в работе желез и прочее. Одновременно Ларри прибегал к помощи гипноза: создавал у обследуемых иллюзию возвращения старого ритма. Хоть бы что! Стоило доктору «отпустить» подопытного, как тот спокойно возвращался в удлинненный цикл. Такая стойкость переменных казалась прямо зловещей. Первоначальная радость от успеха превратилась в тревогу. Чередование искусственных «дней» не нарушал даже сон, вызванный химикатами. Несколько раз поспав по десять часов после четырнадцатичасовых промежутков, люди упрямо возвращались к астероидному режиму...

Митчелл признался, что его охватил ужас. Неужели переключение необратимо? Но ведь тогда смена попросту не сможет вернуться на Землю! Эти люди не выживут даже под куполом экспериментального города; ведь там действует обычное тяготение, а значит, организму придется расходовать на сорокачасовое бодрствование огромную энергию. Даже рабочий день перуанских испытателей длиной «всего» в два обычных, да еще компенсируемый столь же продолжительным сном, недешево обходится МПФЦ: городок под куполом истребляет массу высококалорийных, богатых витаминами продуктов. А уж бывших астероидных испытателей не спасет никакая диета, никакие стимуляторы. Ведь психологическая перестройка не обозначает морфологической. Организм попросту «не переварит» пищевых и прочих

добавок, нужных для возмещения разрушительных затрат учетверенного «дня».

...Биохимические тесты дали очень мало. Эндокринная система вела себя как обычно. Но ведь энергия не возникает из ничего! Организм тратит больше, чем потребляет... Значит, где-то на уровне, пока недоступном приборам, «перестроенный человек», так сказать, ест сам себя.

...Природа прижимиста и запаслива. В нашем теле есть депо питательных веществ, ИЗ, которые не опорожняются даже при голодной смерти. Впрочем, так дело обстоит на Земле. Может быть, сюрприз невесомости? Вряд ли. Она требует меньшего расхода сил. В общем, заколдованный круг!

Ларри исповедовался в своих сомнениях, описывал мучительные, запутанные поиски. И, очевидно, на всей планете не было у доктора таких внимательных телезрителей, как астероидные старожилы, собравшиеся в холле пансионата.

— Не было там Дэви, — шепнула Марина Виктору Сергеевичу. — Она бы ему рассказала кое-что о скрытых возможностях организма...

Панин кивнул и невольно оглянулся, поскольку еще несколько дней назад там, в углу, рядом с настенным барометром неподвижно и чутко сидела бронзовоглазая... Уехала домой Дэви, «чудо Индии». Да не покинет ее счастье...

Наверное, никогда футбольные болельщики не следили так самозабвенно за игрой любимой команды в ответственном чемпионате, как Панин со своими бывшими подчиненными за ходом эксперимента на астероиде. Двадцать два человека, оставшихся в пансионате, буквально жили двойной жизнью; все их интересы сосредоточились там, среди обожженных морозом пестрых скал, где под герметическими сводами день за днем вершился неслыханный опыт. Команда доктора Митчелла боролась с джином, ею же самой вызванным из

тайников человеческой плоти. Победить во что бы то ни стало; вернуть людям ритм жизни, так легко и неосмотрительно сломанный, — так стоял сегодня вопрос в МПФЦ, во всех странах, пославших представителей на астероид.

...Однажды на видеоэкране в кабинете Панина после положенных сигналов и позывных явилось узкое желтоватое лицо Георгия Калантарова. Мешки под припухшими глазами, хриплое дыхание, какой-то нездоровый оттенок кожи — не лучшим образом выглядел Жора, даже боевые гуталиновые усы уныло повисли...

Виктор Сергеевич широко улыбнулся, принял удобную и непринужденную позу в кресле, но при этом обмер внутренне, даже в горле пересохло. Он чувствовал, что Калантарову страшно и что он, Панин, последняя опора нового шефа астероида. Георгий облизнул бледные губы, выдавил нечто вроде жалкой, скомканной улыбки:

— Давно не виделись, командир!

Это было и лестно, и опять-таки жутковато. Шеф орбитальной станции назвал командиром «отставного» предшественника. Интересно, почему? По давней привычке, из уважения или, не дай бог, от беспомощности?..

— Ну, я прекрасно понимаю, как ты был занят.

Виктор Сергеевич старался говорить как можно более буднично. Это подействовало. Калантаров снова облизнулся и сказал намного спокойнее, чем вначале:

— Я говорю с вами по узкому каналу; даже в нашем Космоцентре не знают, что я на связи.

— Ладно ли так, Жора? Я ведь на самом-то деле не командир тебе, а, можно сказать, частное лицо... И вдруг ты ведешь со мной секретные переговоры. Наверное, обоим влетит!

Георгий с отчаянием махнул рукой.

— Меня сейчас этим не испугаешь... Дело гибнет, Виктор Сергеевич!

— Что, еще какая-нибудь попытка сорвалась? Недаром я в свое время дал доктору Ларри от ворот поворот...

— Ох, недаром! — помотал курчавой головой Калантаров. И вдруг придвинулся совсем вплотную, точно хотел через несколько тысяч километров пошептаться с Паниным: — Производительность падает, командир. Вот обобщенный график за сегодня... то есть для вас за вчера и сегодня! — Он поднял пучок шелестящих лент. — Об этом еще никто не знает. Видите, после всех взлетов идет плавный, но непрерывный спад продуктивности. Это истощение, Виктор Сергеевич, истощение... Я по себе чувствую, как труднее с каждым часом говорить, писать, думать, даже отдавать команды машинам!

Георгий чуть слышно всхлипнул и запустил руку в волосы.

— А ну не раскисать! — как некогда на «Вихре», прикрикнул Панин. — Что за паника? — И спокойно, деловито: — У тебя есть данные самых свежих анализов Ларри?

— Есть, но...

— Давай-ка без «но»... — Совсем ощутив себя на «Вихре», Виктор Сергеевич чуть было не сказал «штурман». — Какие данные?

— Он сделал нескольким испытуемым лазерное просвечивание спинного мозга... — Георгий снова замялся, Панин подбодрил его энергичным жестом. — Говорит, что нашел какое-то вещество, воздействующее на высшие отделы мозга. В земных условиях оно вроде бы не вырабатывается... Ларри считает, что этот спинномозговой секрет и стабилизирует новый ритм...

— Погоди-ка, дай подумать. Помолчи, штурман.

Назвал-таки... У того даже брови дернулись от удивления. Не беда, пусть отвлечется на минуту от своих горестей.

Что-то внезапно забрезжило в памяти Виктора Сер-

геевича. Что-то, право же, не имевшее никакого отношения ни к спинномозговым веществам, ни к нарушенному ритму, и тем не менее приятное. Несущее надежду. Э, совсем расклеился Жора. И впрямь истощение...

«В земных условиях не вырабатывается». Там, где сильное тяготение; где намного выше нагрузки и на психику и мышцы. Переселить сейчас всех этих несчастных на Землю — значит убить. Они просто не выдержат, тут Ларри прав...

Необходима резкая кратковременная встряска. Чтобы не совсем раздавить подорванные организмы, а заставить их бороться. Посоветоваться, что ли, с Мариной? Нет, Калантаров обидится: вон какую развел конспирацию. Кроме того, он доверяет своей интуиции. Он чувствует, что близок к верному решению.

Встряска. Стресс. Черт ли в том, какая именно химия закрепляет изнуряющий ритм! Ударить по функции. Оказать противодействие. Химия сама придет в норму...

Ага, вот оно! Вертелось у порога сознания... Акопян. Конечно же, Сурен Акопян. Все тот же марсианский рейс «Вихря».

Бортинженер захандрил, потерял работоспособность, всякий интерес к своему делу. И вот Виктор Сергеевич вопреки всем медицинским традициям не позволил пичкать Сурена лекарствами, томить постельным режимом. Наоборот: рискнув всем на свете, командир послал Акопяна за борт корабля, в открытый космос — устранять несуществующие неполадки двигателя... Стиснутый между болезненным страхом и чувством ответственности за полет, Сурен мог либо сломаться окончательно, либо найти в себе глубинные резервы сил. Произошло второе. Еще в прошлом столетии академик Александр Богомолец призывал не помещать больной организм в тепличные условия, а заставлять его активно бороться с хворью: на этом принципе было основано действие зна-

менитых сывороток. Акопян выздоровел от «сыворотки» Панина.

Решившись, Виктор Сергеевич сказал напряженно ждавшему Калантарову:

— Ты вот что, штурман... Я тебе сейчас кое-что посоветую, а ты не удивляйся и не перебивай. Акопяна помнишь? Так вот, всем твоим «перестроенным» нужен хороший стресс. Как сказала бы Марина, — сверхмощный раздражитель, рождающий стойкий очаг возбуждения. Понятно?

Георгий только хлопал смоляными ресницами, сделавшими бы честь любой опереточной примадонне. Виктор Сергеевич, как всегда, раздражаясь от чужой непонятливости, объяснил подробно...

Впрочем, сообразив, что к чему, Калантаров обрадовался до чрезвычайности, целиком принял предложение Панина и обещал сохранять полную секретность, посвятив только руководителей соответствующих комплексов.

Рискованный план командира предусматривал сокрытие истины на всех уровнях. Нужна была неподготовленная, искренняя реакция Земли: переполох в Космоцентре, радиопризывы держаться пока возможно, спешная посылка спасательной эскадры. Пусть бы потом взрели фальсификаторов по первое число, неважно: надо было спровоцировать подлинную, внезапную, жестокую борьбу за жизнь...

И Космоцентр СССР, так же как и национальные службы многих стран, добросовестно сыграл свою роль в постановке. Волновой сорвал голос, руководя действиями сотен астероидных поселенцев и ракетного флота. Шутка ли — одновременная катастрофическая разгерметизация на электроцентрали, на командном пункте, в порту, в здании солнечной ловушки...

Несмотря на дружную, сложенную работу аварийных групп, давление внутри «пораженных» строений продолжало неумолимо падать. Все население станции надело

скафандры. Стаи автоматов — «жучков» расползлись по стенам и крышам, елозили коридорами, выискивая места утечек. Женщин спешно разместили в наличных кораблях. Не обошлось без пострадавших: одного монтера основательно помяли в давке, четверых инженеров отправили на Землю с острой кессонной болезнью — их скафандры оказались неисправными. Возбуждая всеобщую панику, Калантаров отмечал слабые места космического поселка: где хуже всего налажено оповещение, у кого не хватает ремонтных автоматов, кому не мешало бы вытряхнуть пыль из кладовых со средствами индивидуальной защиты...

Но хитроумные «режиссеры» не ограничились имитацией гигантской аварии. Время происшествия было выбрано вполне определенным образом. Когда на станции, в соответствии с сорокавосьмичасовым суточным циклом, должна была наступить долгая «ночь», лампы дневного света и не подумали гаснуть. По потолкам все так же ползли в голубизне перистые и кучевые облака, над переплетами оранжереи сиял тропический небосвод.

«Пробоины» и «заклинившие» клапаны воздухопроводов были найдены после целого дня изнурительной работы. Несмотря на невесомость и экономию мышечных усилий, люди буквально валились с ног. И вот, едва поселенцы успели дотащиться до своих комнат и сбросить осточертевшие гермокостюмы, как потолочные облака окрасились вишневым соком заката, а затем сиренью сумерек. Пришла «ночь». И продолжалась она, как встарь, около десяти часов. Все это время намаявшиеся поселенцы проспали, словно под наркозом.

Конечно же, не все сразу пришло в норму. К обеду доктора Митчелла просто осаждали пациенты. Жаловались на усталость, головные боли, тошноту. Приборы отмечали повышение кровяного давления. Чаще бились сердца, в крови прибавилось адреналина. К вечеру самые слабые слегли. У оставшихся на ногах производи-

тельность труда упала почти до нуля. Комбинат практически стоял без дела. В ход пошли возбуждающие средства, массовый гипноз через радиодинамики.

И Волновой, и более высокие начальники астероида догадались кое о чем, когда «ночь» на станции вновь наступила после обычного земного дня. Калантарова вызвали в Москву и попросили доложить. Он отмалчивался, просил подождать еще несколько дней. Ларри тем временем продолжал обрабатывать население микропланетки внушением по радио, назначал лекарства и процедуры, распорядился увеличить содержание витаминов в пище. Теперь все оранжерейные плоды без остатка шли на стол поселенцев.

К концу сумасшедшей недели Митчелл доложил Тарханову об исчезновении у испытуемых коварного спинномозгового секрета. Больничные койки опустели. Цех точного литья при общем ликовании дал 103 процента дневной нормы. Георгий повинился во всех кознях, но не выдал Панина. Командир сам связался с «нашим министром» и взял вину на себя. Геннадий Павлович ограничился устным разносом: а если бы кто-то погиб в спровоцированной суматохе? Вон, лечатся же от кессонки четверо инженеров, и у монтера сломано ребро... Панин с достоинством ответил, что инженеры — разгильдяи и сами виноваты в том, что у них, должно быть, мыши устроили родильный дом в скафандрах; случай же с монтером доказал только то, что на централи надо расширить люки. А в общем, победителей не судят. Двадцатичетырехчасовые сутки возвращены астероиду; никаким другим способом, кроме общей доброй встряски, этого не удалось бы сделать. Геннадий Павлович поборнился еще для порядка и сказал, что с командиром надо было бы поступить по примеру некоторых древних полководцев: наградить за храбрость, а затем наложить взыскание за своеволие...

В общем, история со спутанным временем окончилась вполне благополучно. Митчелл выступил по теле-

видению с речью, в которой доказывал, что эксперимент удался на все.. ну, не сто, так девяносто девять. В условиях стабильно малого тяготения продленный цикл человеческой деятельности возможен, полезен, и может быть рекомендован для дальних перелетов. Но успокаиваться на достигнутом рано. Надо найти ключ, с помощью которого легко и быстро совершался бы обратный переход, возвращение в нормальный человеческий ритм. Возможно, следует обратиться к глубинным механизмам реактивности, к системам уравнивания стрессов...

Доктор призвал до окончания поисков постепенно свернуть исследования в перуанском городе под куполом, возвратить его жителям привычный земной цикл дней и ночей.

И телевизионный холл пансионата снова огласился спорами первопоселенцев...

Непроизвольно наблюдая, как сменяются фосфорические цифры этажей на табло внутри лифтовой кабины, Марина взвешивала сегодняшний вывод.

Действительно, первые признаки «космического сюрприза» появились буквально через день-два после доклада Ларри. Пока на астероиде шли перипетии опасного эксперимента, старожилы находились в крайнем напряжении, «болели» всюду, переживали каждую подробность борьбы с невидимой силой ритма, как собственную беду или успех. Пожалуй, и здесь стоило бы вспомнить Богомольца. Окончились страсти, расслабился организм, и сразу же вот вам, получите. Недаром, как пишут в исторических хрониках, во время войны солдат мог ночами лежать на снегу, кинуть по горло в болоте и не подхватить даже легкого бронхита. Другое дело — мирное время. На покое сразу занюхают фронтовые болячки, загнанные вглубь мощной пружины психической мобилизации. Господи, не лечить же теперь Панина и

товарищей каким-нибудь искусственным извержением вулкана в саду пансионата?!

...А почему, собственно, эта напасть пощадила ее, Марину? Если верить новой, достаточно стройной гипотезе, ответ прост. Старожилы астероида отдыхали — самозабвенно и бездумно. Их реактивность была понижена. Стрижовой же приходилось только мечтать об отпуске. Хотя и находится она сейчас на положении отдыхающей, профессиональный долг не позволяет оставить наблюдение за товарищами, опыты, тесты, теоретическую работу. Во-первых, старожилы — это близкие, дорогие люди. Она просто не имеет права полностью передать контроль над ними чужим, официально назначенным медикам. Во-вторых — это уникальная группа обследуемых, двадцатимесячные робинзоны орбитального острова: Марина не может упустить такой драгоценный научный материал. Одним словом, как бы то ни было, но Стрижова оказалась единственным членом экипажа, который не поддерживал азартных «болельщиков» и мало интересовался, какой ритм в конце концов победит на станции. И до, и во время, и после митчелловской заварухи Марина все так же возилась со своим инструментарием, делала анализы и замеры, надоедала друзьям с опросами и осмотрами: «Пошла бы ты лучше к морю, бычков половить! Хочешь, подарю удочку?» Суетилась, суетилась, вот и уберегла себя. А все заядлые удильщики теперь охают по комнатам...

Лифт остановился на одиннадцатом этаже. Десять предыдущих пустовало. После этой напасти экипаж перевели под самую крышу. Карантин затягивался. Торец коридора был перекрыт прозрачной пленкой — она распространяла бактерицидное излучение. В тугой перепонке был клапан для входа. За ним стоял столик с селекторным пультом. Рядом в кресле дремал санитар, похожий на атомщика с астероидной централи: жесткий блестящий комбинезон, забрало, огромные перчатки до локтя. Дальше была еще одна пленочная преграда.

Санитар узнал Марину, но она все же показала пластмассовый жетон. Пройдя первый барьер, остановилась на влажном поролоновом ковре, под гроздью мощных фиолетовых ламп. Стояла не менее трех минут, по инструкции. Затем вышла в коридор.

Обстановка здесь напоминала инфекционное отделение больницы. Впрочем, газетчики и так раструбили на весь мир об «астероидной чуме с длинным инкубационным периодом», о «вирусах погибшего Фаэтона», которые-де «миллионы лет ждали питательной среды». Навстречу госте другой безликий санитар катил никелированную тележку с медикаментами, из приоткрытых дверей доносились кислые аптечные запахи.

Она вошла в квартиру Виктора Сергеевича, для порядка стукнув костяшками пальцев о дубовую дверь. В прихожей было пусто; на столике под зеркалом валялись опустошенные ампулы. Из кабинета доносилась музыка с обилием ударных, времен рок-н-ролла.

Панин сидел в плетеном кресле у открытого балкона. Просто и скупоблаженная комната со стенами и мебелью, окрашенными в спокойные теплые тона, не привлекала внимания ничем, кроме объемистого букета розовых миндальных веток да мисочки с тепличной клубникой. Алые ягоды в аккуратных зеленых воротничках заставили Марину нетерпеливо взглотнуть, она вспомнила, что так толком и не позавтракала сегодня.

Виктор Сергеевич приглушил магнитофон, стоявший у его ног, и отложил свежий журнал, приветствуя гостью. На нем была тенниска с отложным воротом, белые шорты и такая же полотняная шапочка. Половина лица закрыта дымчатыми очками. Еще издали Стрижова увидела странную красноту его кожи, воспаленно-розовые пятна на руках. Она так и рванулась вперед, но Панин удержал резким жестом:

— Не надо, Маришка, мало ли что... Сядь лучше за стол, ешь клубнику. Хороша, и не скажешь, что гидропонная...

По привычке подчиняясь командиру, она опустилась на стул и машинально сунула в рот ягоду.

— Давно это с вами?

— Проснулся, увидел.

— Ну, дайте хоть посмотреть. Я ведь как-никак врач...

Панин был страшен. Руки, грудь, ноги до колен — все покрылось выпуклыми бляшками размером с монету; лицо горело чистым маковым цветом. Осмотрев командира, Марина на ватных ногах вернулась к столу. Мысли путались. Чтобы сосредоточиться, стала раскладывать узором на скатерти подсохшие хвостики ягод, очевидно, еще с вечера съеденных Виктором Сергеевичем. Тем-то и пугала причудливая нежить, бог весть как прицепившаяся ко всему астероидному экипажу в самом конце карантина. У нее было много форм. Одни космонавты покрывались обильными сыпями и экземами, у других не желала свертываться кровь из пустяковой ранки, третьи задыхались от катастрофического насморка. С бывшего начальника электроцентрали, Повилайтиса, кожа сходила лоскутами, как со змеи во время линьки. В общем, если бы не одновременность поражения, можно было бы подумать, что в пансионате поселился сразу целый заповедник хищных неземных микробов.

...И самое невероятное: никаких новых бактерий не обнаружили! Утонченнейшие способы диагностики, компьютерные обследования — все приводило к одному результату: у кошмарных симптомов практически нет основы! Микросреда организмов — в норме. Подчас так и хочется поверить чужеземным газетным крикунам и объявить все случившееся «мстостью потревоженного космоса».

До сих пор командир испытывал лишь легкие недомогания: головную боль, рези в пищеводе. Теперь придется переоборудовать его спальню в настоящую палату — как у Повилайтиса и многих других. Ставить

кровать с воздушной подушкой вместо матраца, чтобы пораженное тело не касалось постели.

— Что нам готовит Тарханов? — спросил Панин, обессиленно откидываясь на спинку кресла. — Мне он уже давно не звонит, наверное, не хочет расстраивать... Он еще не уехал?

— Нет. Живет со всем своим штабом в седьмом корпусе. Туда к нему понаехало спецов со всего мира.

— А-а.. — Виктор Сергеевич прикрыл глаза покрасневшими веками. — Верный товарищ... Он еще надеется!

— А вы разве оставили надежду? — так и подобралась Марина с клубничным хвостиком в руке. — Это уж никак на вас не похоже! Знаете, отчаявшийся больной мешает целителю...

— Оставь надежду... — горько усмехнулся командир. — Слова-то какие дантовские. «Лашьята огни сперанца...» — Он повернулся в сторону двери, махнул распухшей рукой: — Да на моем месте любой бы волком завыл! Смотри, чем они сейчас будут меня пичкать, твой Семен со штабом! Хоть бы ты на них повлияла...

— Я сейчас сама на подозрении, — ответила Марина, глядя как медсестра вкатывает тележку с закрытыми блюдами. — Только и разницы, что не сижу под замком. А те каждый день ждут, когда же это Стрижова начнет на куски рассыпаться...

Медсестра была строгая. Несмотря на низко надвинутую шапочку и респиратор, можно было заметить бледность и сухость ее впалого лица. Цепким, неприязненным взглядом окинула она Марину. Руками в зеленых перчатках принялась расставлять тарелки. В самом деле, не слишком аппетитный завтрак: что-то вроде каши-размазни, тонкие, как бумага, кусочки хлеба, мутная витаминная жидкость, набор пилюль и таблеток...

Увидев мисочку с клубникой, медсестра буквально остоленела и сделалась еще бледнее. Потом метнула

такой взгляд на Марину, что, будь глаза человеческие наделены свойствами физического воздействия, обратиться бы Стрижовой в кучку пепла. Наконец, с видом величайшего долготерпения сложила ладони перед грудью и воскликнула тонким голосом:

— Виктор Сергеевич!

— Это не она принесла, Лида, —мигом откликнулся пронизательный командир. — Это мне вчера принесли.

— Кто?! — чуть не плакала сестра.

— Так я и выдам, ждите. Лучше не ругайте меня, а войдите в положение. Ну мыслимо ли третью неделю подряд есть эту чушь?

— Виктор Сергеевич, не будьте мальчишкой! — продолжала убеждать Лида, и настоящие слезы выступили у нее на глазах. — Вы ведь взрослый человек, космонавт, как же можно нарушать лечебную диету, не слушаться врачей?..

И тут Марине, иронически слушавшей наставления медсестры, пришла в голову неожиданно отчетливая и донельзя элементарная идея. Да, если она права, то ларчик не то что просто открывается, он распахнут настежь.

Почему-то захотелось расцеловать эту нелепую, занудную, шмыгающую носом Лиду; она искренне заботится о командире, так сказать, горит профессиональной тревогой... Вместо поцелуев Марина сказала как можно приветливее:

— Не сердитесь на Виктора Сергеевича, дорогая коллега, а лучше позвольте задать ему пару вопросов. Я ведь тоже врач, и хожу сюда для того, чтобы помочь вылечить...

Сестра снова покосилась на Марину, но уже не испепеляюще, а даже с каким-то растерянным ожиданием, мол, поддержи, он такой упрямый!

Стрижовой захотелось сыграть в эту игру, и она спросила с внезапной сухостью:

— Вам впервые за время болезни принесли клубнику?

— В общем, да, — оторопев, с готовностью сообщил Панин. — Недавно ее и в теплицах еще не было, ты же знаешь.

— Не в этом дело, — нахмутив брови, отмахнулась Марина. — Меня интересует другое: до сих пор, до вчерашнего вечера, вы нарушали диету, предписанную Тархановым и лечащими врачами?

— Старался не нарушать. Я еще не оставлял надежды, хе-хе... Думал, что Сеня и в самом деле что-нибудь понимает. А вчера, знаешь ли, от тоски взял и наелся ягод. Э-э, один черт...

И командир потянулся за брошенным журналом.

— А ну-ка, вылезайте оттуда! — не повышая голоса, но отменно твердо сказала Марина. — И марш в спальню.

Виктор Сергеевич ошарашенно воззрился сначала на Стрижову, затем на скромно торжествующую медсестру.

— Это... ты почему со мной так разговариваешь?

— А как мне еще с вами разговаривать, строптивое дитя сорока осьми лет? Вы что, хотите, чтобы я позвонила Семену? Быстро в спальню! А то ведь мы и без санитаров справимся, правда, Лида?

— Дамские выברי, — ворчал Виктор Сергеевич, нехотя волоча ноги через кабинет. — Вот уж от тебя не ожидал, Мариша...

Не слушая протестов, Марина и Лида разоблачили Панина до пояса (зрелище было удручающее), уложили, облепили датчиками специально поставленного в спальне стоногого «спрута» — устройства ввода большой диагностической машины. Режим проверки был задан несколько необычный — тестирование тканевых, кровяных и прочих реакций.

Результат машина выдала именно такой, какого ожидала Марина. Жуткие кожные образования, краснота — это всего лишь аллергия. Патологическая реак-

ция на клубнику. Только почему-то очень мощная. Гипертрофированная...

Горящий оранжевым светом край Солнца еще не успел скрыться за свинцовой стеной Байконурского моря; дневные птицы допевали свои рулады в тесноте однообразных кипарисов, а в «штабе» Тарханова уже успели в основном выработать новую стратегию борьбы.

Конечно, дело надо было «начать и кончить»; после видефонного сообщения Марины Семен сумел лишь в самых общих чертах набросать план дальнейших действий. Присмиревший, подавленный величием науки, сидел Панин перед своим кабинетным экраном; Марина помещалась за его спиной, а в овальной раме маячило огромное, румяное, голубоглазое, в античных кудрях лицо вдохновенного Семена.

— Я так полагаю, ребята, что все ваши беды — от иммунитета! — басил Тарханов, чертя в блокноте какие-то невидимые зрителям схемы. — Вернее, от его отсутствия. Еще лет тридцать-сорок назад умные люди писали, что болезнь возможна только при нарушении гомеостазиса. А иммунитет — важнейшая его часть...

— Мне бы попроще, — просил укрошенный Панин. — На уровне этак шестого класса для умственно отсталых.

— Ладно, — отмахивался, как от мухи, глава психофизиологов, — гомеостазис — это равновесие организма с окружающей средой, иммунитет — способность отстоять это самое равновесие перед враждебным воздействием извне...

— Давай дальше. Наши болячки тут при чем?

— При всем... Понимаете, братцы, в обычной жизни вокруг нас и внутри нас обитает целая вселенная микробов. Большинство из них нам необходимы — для пищеварения и прочего... Перед болезнетворными бактериями обычно выставлены сильные заслоны: и кож-

ный покров, и слизистые оболочки органов чувств, и многое другое. Но главное оружие иммунитета — это антигены. И в крови, и в лимфе, и во всех тканях есть живые частицы, антитела, которые «обстреливают» врага защитными веществами... Марина, извини за скучное разжевывание, это командир просил...

— Ничего, Сеня, приятно опять почувствовать себя студенткой.

— Перехожу к сути... После случая с клубникой мы решили, что нам больше незачем искать в организмах больных какие-то особые яды, бактерии и т. п. Возбудители давно известны и в обычной обстановке довольно-таки безобидны. Аллергическая реакция на клубнику — весьма банальное явление, особенно у детей. Но, как правило, она проходит менее остро и уж наверняка не дает столь поразительной внешней картины. Значит, мы имеем право предположить, что остальные симптомы тоже следствие работы привычных микроорганизмов. Искажены только реакции. Скажем, вместо обычного насморка — такое воспаление слизистой, при котором человек задыхается и глохнет. Как у Корчака... Все раздуто до гигантских масштабов, уродливо преувеличено. Создается впечатление, что вы попросту утратили иммунитет...

Наступило долгое молчание, словно Тарханов сам испугался своих слов. Потом Марина спросила, заикаясь, с необычной для нее робостью:

— Это... только твое предположение, Сеня?

— Боюсь, что нет. Мы сделали несколько анализов крови у больных, через «спрутов», конечно, и исследовали пробы на предмет обнаружения антител. — Тарханов поджал мясистую губу и скорбно покачал головой. — Ничего. Ноль. Кровь свободна от антител, как у зародыша.

— Помните эти ужасные случаи, — почти прошептала Марина. — Когда рождались дети с нулевым иммунитетом. И всю жизнь потом ходили по Земле, как по

чужой планете, — в скафандрах с автономным жизнеобеспечением...

— Когда-то, может быть, и всю, — возразил Семен. — А уже в 90-х годах пару таких беззащитных удалось вылечить.

— Стало быть, и у нас есть шансы? — спросил Виктор Сергеевич, вытирая обильный пот, у него от волнения повысилась температура.

— Есть, почему же нет? Тем детям вводили токсины разных бактерий. Сначала очень ослабленные, потом все более концентрированные. И переливали чужую кровь. С антителами.

— Первопричины явления все-таки неясны, — подумав, заявил Виктор Сергеевич. — Что, если организм поражен в самой глубокой, биологической, белковой основе и все равно откажется сопротивляться?

— А вот тут уж я не согласна, — вмешалась Марина. — Мне кажется, что первопричины довольно понятны и лечение будет эффективным.

— Интересно, — не без лукавства сказал Тарханов. Марине подумалось, что хитроумный коллега по обыкновению устраивает проверку, точно в далекие дни сражения с «фактором икс». (Теперьешнее пугало как называть? «Фактор игрек»?) Ну, пускай потешит самолюбие...

— Полагаю, что не будет выглядеть слишком безумной следующая гипотеза: организмам было не с чем бороться в стерильной обстановке станции, и системы выработки антител за двадцать месяцев атрофировались. За ненадобностью. Плюс невесомость, ускоряющая все процессы.

— Вот как! — округлил рот Панин. — Надо посоветовать Калантарову пореже делать уборки в жилых помещениях и завести мусорную свалку. С мухами и крысами...

— Шутки шутками, а гипотеза достаточно корректна, — поддержал Марину Тарханов. — Но, к сожалению,

нию, недостаточна для полного, исчерпывающего объяснения. Конечно, стерильная чистота астероида оказала свое влияние на иммунитет. И, вероятно, такое, как ты говоришь... Однако, если бы эта причина была единственной, — весь экипаж заболел бы, едва вдохнув земного воздуха. И ты, Маришка, тоже не убереглась бы... Кстати, — ты недавно поделилась со мной еще одним своим предположением...

— А-а! Насчет «болеельщиков» и солдат на фронте!..

— Вот именно. Пожалуй, на этом пути мы нащупаем истину... — Тарханов вдруг утратил всю свою добродушную вальяжность, пропали насмешливые огоньки в глазах. Марина и Виктор Сергеевич поняли, что сейчас будет сказано главное.

— Мы предполагаем наличие на астероиде единого комплексного раздражителя, суммы мощных психофизических воздействий. С одной стороны, ряд, так сказать, материальных факторов — пустота, невесомость, абсолютная стерильность. Все это подавляет защитные реакции, точнее, делает ненужным набор земных, эволюционно оправданных ответов на внешние воздействия. С другой стороны, не по-земному насыщенная и активная умственная, нервная деятельность, огромные нагрузки на психику. Возможно, что иммунитет зависит от центральной нервной системы в большей степени, чем считали до сих пор... Для сохранения равновесия, того самого гомеостаза, о котором мы говорили вначале, у астероидных поселенцев должна снизиться активность внутренних процессов, крове- и лимфотворения, выработки антител... Весь запас сил, рассчитанных на отпор земным болезням, земному тяготению, организм передает в помощь мозгу, для обслуживания сознания, занятого ответственной работой. И вот опять Земля. Все, кроме бедной Марины, расслабляются и предаются отдыху. Некоторое время прежний гомеостаз поддерживается за счет сильных и ярких переживаний, сосредоточенных размышлений, связанных с опасностью

для любимого астероида. Грубо говоря, пока Жора Калантаров и прочие пытались усмирить биоритмы, вы все, живя на Земле, фактически еще оставались орбитальными поселенцами. Но стоило опасности исчезнуть, и вы, опять-таки кроме Марины, погрузились в полную беспечность. Ни работы, ни ответственности... Это закономерно, понятно, простительно, это ваше святое право после двадцати месяцев на орбите. Но равновесие пошатнулось. Организм «растерялся». И на него кинулись все хищники сразу: микробы, аллергии...

Тарханов умолк, выпил стакан апельсинового сока. Виктор Сергеевич потянулся было за клубничкой, но Марина шлепнула его по руке и придвинула витаминное пойло.

— Весело, — сказал, насупившись, Панин. — Тебя послушать, так если человек поселится на астероидах для постоянного жительства, его правнуки будут состоять из одного здорового мозга в стеклянном шаре, остальное отомрет «за ненадобностью»...

— Зачем же там жить постоянно?

— Тоже правильно, незачем. Чем собираетесь помочь людям Калантарова? Не расформировывать же поселок...

«В этом он весь, — подумала Марина, глядя на пылающий лоб командира. — Сам в такой чешуе, а уже заботится о Калантарове... Вылечись сначала!»

— Расформировывать, конечно, не будем; а вот что делать — подумаем... Первым делом, конечно, микробные добавки к пище. Возможно, сыворотки с антигенами. И обязательно — программа плавного, очень плавного перехода от космических будней к земному отдыху. График постепенного уменьшения нагрузок. Как с тяготением, только наоборот: от большего к меньшему...

— Хм, — сказала Марина. — Я так понимаю: стоит мне сейчас прекратить возню с болящими и уйти в отпуск, как где-нибудь на пляже в Ницце я заболею воспалением легких, съев ложечку мороженого.

— Отставить, — сказал Семен, прежде чем исчезнуть с экрана. — Это мой последний сюрприз, Марина. У тебя в крови есть антитела. У-у, труженица ты наша, пчелка трудовая...

— Сгинь, — сделала страшные глаза Марина, и розовощекий атлет пропал, как тень.

Они остались вдвоем, сидя за столом друг против друга. И Марина, как существо, располагающее антителами, спокойно ела клубнику, а Виктор Сергеевич в непривычном смущении обрывал лепестки миндального букета.

До настоящего праздника, конечно, еще далеко, как до Марса, к которому несется теперь где-то в неизмеримой бездне «Вихрь-2». Будет сложное, длительное, изматывающее волю лечение. Но сейчас понятно хотя бы, от какой «печки» танцевать. Не исключено, что помогут переливания крови, вернее, не переливания, а, как сейчас говорят, «функциональное контактирование». Крови донора и реципиента не смешиваются, разрушая хрупкие тельца, а лишь соприкасаются, разделенные сверхтонкой пленкой. Она пропускает строго определенные частицы. В данном случае — антитела. А что, если попробовать иное? Активную бионастройку? Транслировать больным биотоки здоровых людей, снятые во время борьбы организма с тем или иным раздражителем. Чтобы обессиленные нервы включались в боевой ритм...

...Гора падает с плеч. Последняя астероидная ловушка, в которую мы попались на Земле, готова раскрыться и выпустить добычу. Мы в новом ритме, да.. Переход всегда дается нелегко. Отказ от привычного, сложившегося...

...Сколько их осталось на двадцатимесячном пути? Тех, кого никогда не забудут земляне? Ананд, Гаджиев, Бергсон... Космос, недра атомной централи, океанская впадина...

Это — путь героев. И мы живем, чтобы продолжать его.

...Командир вздыхает. Вздыхает Витя, сияя красными щеками и носом. Обнять бы его, да, может, ему больно?..

— Витя, — деловито сказала Марина, бросив в мисочку последний клубничный хвостик. — Скажи мне честно, как своему духовнику. Ибо чем врач не духовник?..

Панин не нашелся, как ответить, только сжал невинную розовую веточку так, что лепестки посыпались на скатерть.

— Ты ведь, когда выздоровеешь... когда Калантаров отбудет свое... попросишься обратно? Туда? А?..

Виктор Сергеевич наморщил лоб, точно осмысливая суть услышанного, и хрипло сказал после паузы:

— Нет. Туда не попрошусь.

— Почему?! И я с тобой...

Он криво, с натугой усмехнулся. Должно быть, Панину в самом деле было трудно двигать мышцами лица.

— Этот астероид слишком освоен. Я не хочу быть директором комбината, писать квартальные отчеты и ругать снабженцев за недодачу оборудования. Я пилот. Я хочу поймать алмазный астероид, Мариша.

— И я с тобой, — серьезно повторила она.

— Ты? Ты всегда со мной. На Земле и в космосе. И всегда будешь со мной. Пока сама захочешь...

— Значит, до конца, — сказала Марина, протягивая обе руки.

Примкнем к астероиду

Так называлась небольшая статья, написанная К. Э. Циолковским 19 сентября 1919 года. В ней ученый высказал идею использования астероидов для нужд человечества. «Вещество небесных камней, как и планет, состоит из разных превосходных металлов, газов, необходимых и достаточных для устройства жизни. Они нам дадут совершенно новые или редкие на Земле материалы... Мы можем из них построить прозрачные и крепкие оболочки для сохранения газов, жизни, растений и человека».

Эти мысли основоположника теоретической космонавтики легли в основу новой научно-фантастической повести Л. Хачатурьянца и Е. Хрунова «На астероиде». В ней мы вновь встретились с главными героями первой книги авторов в жанре научной фантастики «Путь к Марсу».

Напомню концовку книги. Возвращаясь из марсианской экспедиции, экипаж межпланетного корабля «Вихрь» попал в блуждающее облако астероидов. Ситуация, обрисованная авторами, реальна. Космические скитальцы иногда появляются в окрестностях нашей планеты. Например, в июле 1983 года астероид диаметром около 800 метров прошел на расстоянии 9,6 миллиона километров от Земли. По космическим масштабам это совсем близко, «на расстоянии вытянутой руки». Обогнув Солнце, астероид вновь пересек плоскость земной орбиты в октябре и направился к Юпитеру. Ученые внимательно следят за появлением небесных странников. И это не случайно. По оценкам специалистов, падение на Землю астероида диаметром около километра будет эквивалентно однове-

менному взрыву 25 тысяч водородных бомб. Напоминанием о подобной катастрофе является огромный кратер в штате Аризона диаметром 1265 и глубиной 174 метра, возникший, как полагают, около 25 тысяч лет назад. В связи с этим ученые всерьез рассматривают различные способы, включая применение ракет и ядерного оружия, с помощью которых можно было бы изменить орбиту астероида, в случае возникновения явной угрозы его столкновения с Землей. Сложность проблемы заключается в том, чтобы обнаружить астероид примерно за год до возможного столкновения и рассчитать его орбиту с высокой степенью точности.

Но авторы по-иному решили проблему астероидной опасности. Их герои состыковались с наиболее крупным астероидом и под его прикрытием возвратились на Землю, оставив астероид на орбите искусственного спутника. Может быть, в будущем наши потомки будут именно так и поступать. Вместо того, чтобы уничтожать опасные астероиды, их будут буксировать к Земле, а затем использовать их минеральные богатства на благо людей.

Когда авторы работали над книгой, мне довелось беседовать с ними. Было интересно, как они приобщились к литературному труду. Ведь люди они очень занятые на своей основной работе.

Евгений Васильевич Хрунов — летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза. Человек интересной судьбы. Родился он в 1933 году в деревне Пруды Тульской области. Деревенька располагалась на правом берегу речки Непрядвы, в двенадцати километрах от славного Куликова поля. Окончил семь классов сельской школы, потом Ивановский техникум механизации сельского хозяйства имени В. И. Ленина по специальности механик по тракторам и автомобилям.

В 41-м году Евгений стал свидетелем воздушного боя над деревней. Наш «ястребок» бесстрашно вступил в схватку с четырьмя фашистскими самолетами. С тех пор и зародилась у мальчика мечта стать летчиком. А в техникум он пошел, чтобы получить среднее образование, без которого, как он узнал, в военное училище не примут.

После техникума Евгений оканчивает военно-авиационную школу, а в 1956 году Батайское военно-авиационное училище летчиков. С 1960 года Хрунов в отряде космонавтов, который впоследствии

назовут «гагаринским». В 1968 году он окончил Военно-воздушную инженерную академию имени Н. Е. Жуковского.

В январе 1960 года Е. В. Хрунов вместе с А. С. Елисеевым во время полета кораблей «Союз-4» и «Союз-5» осуществили первый в мире переход через открытый космос из одного корабля в другой. Хрунов был вторым среди советских космонавтов, побывавших в открытом космосе. В шутку друзья называли его первым космическим почтальоном. Он доставил с Земли корреспонденцию Владимиру Шаталову, командиру «Союза-4», который стартовал на сутки ранее экипажа «Союза-5». Почти час находились Хрунов и Елисеев в открытом космосе. За это время они провели ряд экспериментов и фотографирование станции.

«Есть у него исследовательская жилка, склонность к анализу, обобщению, — сказал о Евгении Хрунове после его полета Алексей Леонов. — Кроме того, он простой и очень любознательный человек... Он никогда не уходит, не выяснив для себя все досконально. Я убедился, что это технически зрелый инженер, который с одинаковым удовольствием занимается и теорией и практикой».

Евгений Васильевич защитил кандидатскую диссертацию. Тема ее — биомеханика работы человека в космосе. Его интересует надежность «человеческого звена» в системах управления в экстремальных условиях. «Чтобы выработать оптимальные пути для управления кораблем, рационально распределить функции между человеком и автоматом, — считает Хрунов, — надо познать человека, особенности восприятия и информации, ее перекодирования, организации и принятия решения».

Во многом изучению «человеческого фактора» помогли Евгению Васильевичу знания, приобретенные им во время учебы в Военно-политической академии имени В. И. Ленина, которую он заочно окончил с золотой медалью.

Популярность космических летчиков стала удивительным феноменом наших дней. «Как стать космонавтом?» — с таким вопросом обращаются к героям космоса многие юноши и девушки. Этот вопрос побудил Евгения Васильевича написать книгу «Покорение невесомости», в которой он рассказал о своем пути в космонавтику, о профессии космического летчика, о «трудных и опасных факторах полета», о том огромном труде и волевых усилиях, которые

затрачиваются в процессе подготовки и выполнения задач полета.

Его соавтор — Левон Суменович Хачатурьянц, доктор медицинских наук, профессор, специалист по психофизиологии труда космонавтов, автор первых методов и аппаратуры, с помощью которых изучалась деятельность космонавтов в полете.

Родился Левон Суменович в 1927 году в городе Керчи. В 1951 году окончил Военно-морскую медицинскую академию в Ленинграде. Молодой врач заинтересовался причинами «морской болезни». Когда пришло время осваивать космос, оказалось, что с похожим явлением придется встретиться в невесомости. Так, неожиданно для себя, Хачатурьянц занялся космической наукой.

...Шла подготовка к полету экипажа «Восход-2». Алексею Леонову предстояло первым выйти в открытый космос. Хрунов был дублером Алексея. Левон Хачатурьянц занимался биомеханической подготовкой Леонова и Хрунова. В это время и познакомились будущие соавторы. Вскоре началось их творческое содружество. Первым его итогом стала книга по исследованию психофизиологии труда космонавта — «Человек-оператор в космическом пространстве», вышедшая в 1974 году. Совместно авторами написано около 25 научных работ.

«Когда стали задумываться над перспективой, — сказал в беседе Левон Суменович, — невольно обратились к фантастике. Так родилась идея первой книги «Путь к Марсу». Но наши задумки опирались на реальный анализ. Некоторые из фантастических решений уже воплощены на практике. Научно-фантастические идеи настоящей книги — результат наших раздумий о будущих работах».

ВАЛЕРИЙ РОДИКОВ

О Г Л А В Л Е Н И Е

От авторов

5

Глава I
НЕУЛОВИМЫЙ ВРАГ

6

Глава II
В ПОИСКАХ «ФАКТОРА ИКС»

31

Глава III
ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

70

Глава IV
НАПАДЕНИЕ

103

Глава V
КОМАНДИР ЛИСТАЕТ АЛЬБОМ

140

Глава VI
В НОВОМ РИТМЕ

185

Валерий Родиков. Примкнем к астероиду

218

Хачатурьянц Л. С., Хрунов Е. В.

X29 На астероиде: Приключенческая научн.-фантаст. повесть. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 222 с., ил. — (Б-ка сов. фантаст.)

70 к. 100 000 экз.

В приключенческой научно-фантастической повести доктора медицинских наук Л. Хачатурьянца и летчика-космонавта Е. Хрунова читатель вновь встретится с главными героями их первой фантастической книги «Путь к Марсу» (М., Молодая гвардия, 1979). На астероиде, который они прибуксировали на околоземную орбиту из первой марсианской экспедиции решено построить международную орбитальную научно-промышленную станцию. О том, как необходима дружба людей мира и международное сотрудничество в будущем освоении космического пространства, рассказывается в книге.

X 4702010200—018119—84
078(02)—84

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 3874

**Левон Суренович Хачатурьянц,
Евгений Васильевич Хрунов
НА АСТЕРОИДЕ**

**Рецензент Ф. Алымов
Редактор В. Родиков
Художник Г. Дронина
Художественный редактор В. Федотов
Технический редактор Н. Носова
Корректоры Н. Самойлова, Л. Четыркина**

**Сдано в набор 09.09.83. Подписано в печать 29.12.83. А12595
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 9,8 Усл. кр-отт.
10,16 Учетно-изд. л. 10,2. Тираж 100 000 экз. Цена 70 коп. Заказ 1351.**

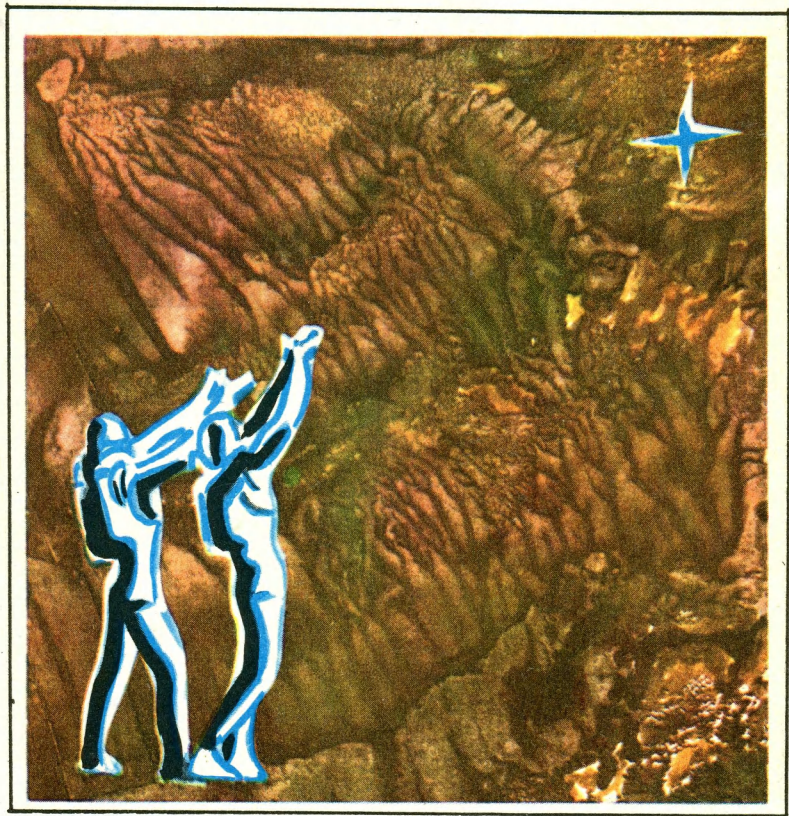
**Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.**

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

~~70~~ коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Л. ХАЧАТУРЬЯНЦ
Е. ХРУНОВ

НА АСТЕРОИДЕ

Л. ХАЧАТУРЬЯНЦ, Е. ХРУНОВ НА АСТЕРОИДЕ